

Дж. Кеннанъ.

СИБИРЬ И ССЫЛКА.

(Очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ).

ЧАСТЬ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія И. Люндорфъ и К^о, Морская, 19.
1906.

К-216/
73

komputer

40713/
2

BIBLIOTEKA GŁÓWNA
Uniwersytetu w Białymstoku

FUV0110873

I.

Наше путешествіе изъ Томска въ Иркутскъ было болѣе затруднительно, чѣмъ изъ Томска въ Алтай. Дороги изъ-за непрерывныхъ дождей были невозможны; ѣзда въ тряской повозкѣ причиняла сильныя головныя боли и лишала сна; на почтовыхъ станціяхъ не было никакой возможности отдохнуть и подкрѣпиться чѣмъ нибудь изъ съѣстного за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ удобствъ для проѣзжающихъ: глушь и пустота вокругъ. Особенныя сильныя страданія, не говоря уже о холодѣ и безсонницѣ, доставляли намъ всевозможныя насѣкомыя: блохи, вши и клопы; они проникали всюду,—въ одежду, въ подушки, въ разсѣлины и трещины повозки, и тщетны были мои попытки отъ нихъ освободиться,—мнѣ было стыдно самого себя—но я вынужденъ былъ мириться, предавъ себя судьбѣ.

Мученія наши продолжались полныхъ 4 мѣсяца, и когда послѣ 9 дневнаго путешествія изъ Красноярска въ Иркутскъ впервые я могъ здѣсь переодѣться, то замѣтилъ, какъ мало мое тѣло было приспособлено къ продолженію путешествія.

Да, простить меня, читатель за выше изложенныя подробности, но я хочу этимъ выяснить значеніе и послѣдствія слѣдованія въ ссылку этапнымъ порядкомъ и что долженъ почувствовать культурный человѣкъ при такихъ условіяхъ.

Въ срединѣ сентября погода измѣнилась къ лучшему; на юго-восточной сторонѣ уже вырисовывались снѣжныя

высоты горъ, расположенныхъ у Байкальскаго озера на границѣ съ Монголіей—слѣдовательно, мы были уже недалеко отъ Иркутска—цѣли нашей поѣздки.

Въ воскресенье утромъ, 13 сентября, мы проѣзжали по хорошей дорогѣ по берегу быстро текущей Ангары. Хорошо обработанныя поля указывали на близость довольно значительнаго поселенія. Въ 2 часа дня мы пріѣхали на послѣднюю почтовую станцію, гдѣ перемѣнили лошадей. Въ надеждѣ, что мы недалеко отъ цѣли, гдѣ намъ будетъ предоставлена возможность отдохнуть, выспаться, гдѣ мы надѣялись получить письма съ родины, зашли мы въ почтовую станцію, на стѣнѣ которой прочли столь знаменительныя для насъ слова и числа: „Почтовая станція Боковская, отъ С.-Петербурга 5601 в., отъ Иркутска 13 в.“ Значеніе разницы между этими числами можетъ постичь лишь тотъ, кто самъ проѣхалъ по Россіи 5601 в. и былъ послѣ этого лишь на разстояніи 13 в. отъ цѣли.

Перемѣнивъ лошадей, мы поѣхали вдоль рѣки, зорко всматриваясь, горя желаніемъ увидѣть куполы иркутскаго собора. 18 лѣтъ прошло со времени моего послѣдняго посѣщенія Иркутска, соборъ сгорѣлъ, но былъ вновь воздвигнутъ. Я боялся, что соборъ потерялъ въ своей своеобразной красотѣ. Приблизительно, на подорогѣ мы проѣхали монастырь Вознесенія, предъ воротами котораго стояла толпа грязныхъ и оборванныхъ странниковъ; немного дальше мы встрѣтили нѣсколько невооруженныхъ солдатъ, нищихъ и всякій сбродъ. Всѣ они провели воскресенье въ городѣ и теперь возвращаются домой, въ деревни, расположенныя близъ городовъ. Большинство были пьяно.

Паромомъ черезъ рѣку Ангару мы переправились на другой берегъ и вскорѣ очутились на улицахъ Иркутска: я былъ разочарованъ.

Съ противоположнаго берега наружный видъ Иркутска

очень привлекателенъ: онъ, кажется, весь утопающимъ въ зелени, на фонѣ которой красиво выдѣляются блестящіе куполы и свѣтлыя колокольныя башни, придающія ему видъ восточнаго поселенія. Не то впечатлѣніе получается при вѣздѣ въ городъ: мы неожиданно для себя очутились въ одномъ изъ многихъ русскихъ провинціальныхъ торговыхъ городовъ, грязномъ и неблагоустроенномъ. Остановившись послѣ долгаго поиска въ гостинницѣ „Деко“, мы приняли ванну, пообѣдали и сейчасъ же легли спать.

Въ понедѣльникъ мы послали наши документы въ полицію.

Пріятель Фростъ отправился къ рѣкѣ, чтобы снять нѣсколько видовъ, я же бродилъ по городу, въ надеждѣ найти одного ссыльнаго, къ которому у меня было письмо.

Иркутскъ лежитъ на правомъ берегу Ангары, приблизительно въ 65 килом. отъ впаденія ея въ Байкальское озеро. Въ городѣ тогда числилось 3600 жителей, и онъ считался самымъ населеннымъ городомъ въ Сибири. Въ городѣ издавалась приличная газета «Сибирь», которую впослѣдствіи закрыли; въ городѣ былъ также недурный театръ, публичныя библіотеки, географическое общество и было 30 школъ. Коммерческой оборотъ достигалъ въ среднемъ 11 милл. рублей въ годъ.

Послѣ большого пожара въ іюлѣ 1879 г., который уничтожилъ большую половину города, Иркутскъ все еще не совсѣмъ отстроиться. Во многихъ мѣстахъ можно было видѣть слѣды разрушенія, и воздвигавшіяся постройки производили впечатлѣніе далеко не успѣшнаго возстановленія, такъ что можно было скорѣе предположить, что находишься во вдругъ образовавшемся поселеніи, чѣмъ въ городѣ, основанномъ еще въ 1682 г. На мой взглядъ съ 1867 г., когда я впервые былъ тамъ, городъ потерялъ многое въ изяществѣ; въ немъ изъ интереснѣйшихъ и на взглядъ стариннѣйшихъ построекъ, былъ, находящійся въ нижней части

города, основательно построенный пороховой магазинъ, уцѣлѣвшій отъ пожара. Крыша обросла травой, у его толстыхъ стѣнъ пріютились торговые рундуки, которые большую часть дня были окружены бурятами, монгольцами казаками и мужиками, такъ какъ здѣсь можно было рѣшительно все достать.

Часа 2—3 походилъ я, вручая рекомендательныя письма и вернулся въ гостиницу, гдѣ лакей возбужденно сообщилъ мнѣ, что здѣсь только что былъ полиціймейстеръ и приказалъ намъ, немедленно, по нашему возвращенію, явится къ нему. Лакей, наученный повидимому агентомъ, считалъ, что посѣщеніе полиціймейстера ничего хорошаго не предвѣщаетъ и, хотя не задалъ намъ никакого вопроса, все же смотрѣлъ на насъ сочувственнымъ взглядомъ. Въ нашей комнатѣ я нашелъ 2 визитныхъ карточки полиціймейстера. Намъ было суждено познакомиться съ этимъ г-номъ; онъ былъ причастенъ къ ужаснѣйшей исторіи, которая имѣла мѣсто въ ссылкѣ, и сидѣлъ въ иркутской тюрьмѣ.

Я не зналъ, что въ нашемъ поведеніи есть нѣчто такое, что могло бы вызвать подозрѣніе здѣшней полиціи и тщетно доискивался причины приглашенія полиціймейстера. Однако я поставилъ себѣ за правило, каждое такое приглашеніе тотчасъ же исполнить и такимъ образомъ я и г. Фростъ отправились на квартиру полиціймейстера, полковника Маковского. Такъ какъ его не оказалось дома, мы оставили свои визитныя карточки и отправились въ полицейское управленіе, гдѣ его тоже не оказалось. Теперь мы думали, что наши обязанности исполнены, я вернулся къ себѣ, а Фростъ вновь ушелъ снимать виды. Черезъ полчаса явился лакей, и съ печальнымъ видомъ передалъ мнѣ карточку Маковского. Два визита за 2 часа—это меня нѣсколько удивило, но я немедленно просилъ его принять.

Громко стуча шпорами, въ полной формѣ вошелъ полиціймейстеръ.

Я думалъ послѣдуетъ неприятное объясненіе о нашихъ паспортахъ, быть можетъ находящихся не въ порядкѣ, о моей связи съ политическими ссыльными. Тѣмъ болѣе я былъ пораженъ, когда красивый офицеръ, среднихъ лѣтъ, съ синими глазами, коротко постриженными волосами, темной полной бородой, дружелюбно смотря на меня привѣтствовалъ меня словами:

— Я полиціймейстеръ Маковскій, меня очень радуеть лично съ вами познакомиться, такъ какъ я читалъ вашу книгу о Сибири и считаю своей обязанностью посѣтить прибывшаго путешественника и предложить ему свои услуги.

Я былъ сильно пораженъ его рѣчью, и не сразу нашелся что отвѣтить. Но скоро завязался между нами довольно оживленный разговоръ, коснувшійся главнымъ образомъ Сибири и Иркутска.

— Вы, вѣроятно,—замѣтилъ Маковскій,—интересуетесь тюрьмой и ея обстановкой. Полагаю, что здѣшнюю тюрьму найдете образцовой. Я вамъ кого нибудь пошлю, который васъ проводить туда и не дамъ знать о вашемъ посѣщеніи, дабы вы могли видѣть тюрьму въ ея, такъ сказать, обыденномъ состояніи.

Этотъ человекъ мнѣ понравился.

Во время бесѣды онъ замѣтилъ, что система ссылки несовершенно и онъ не надѣется на быстрое ея улучшение. Самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ этому — отсутствіе свободныхъ средствъ. Реорганизация тюремнаго заключенія въ Европ. Россіи уже давно имѣется въ виду, но постоянка 20 даже новыхъ тюремъ обойдется minimum въ 10 мил. р., которыхъ для этой цѣли никакъ раздобыть невозможно.

Въ это время вернулся домой также и Фростъ. Капитанъ вскорѣ попрощался и просилъ при этомъ не стѣсняясь возможно скоро удостоить его визитомъ.

Нѣкоторое время, по его уходѣ я думалъ о немъ, но

не могъ придти къ опредѣленному мнѣнію. Его привѣтливая любезность, вообще его вѣжливость — казались мнѣ искусственными. Но имѣлъ-ли я право осуждать неискренность другихъ, когда я самъ былъ повиненъ въ этомъ грѣхѣ?

Въ среду мы отвѣтили ему визитомъ и на слѣдующій день онъ самъ согласился быть нашимъ провожатымъ при осмотрѣ городской и этапной тюремъ; обѣ находились внѣ города на берегу небольшого ручья.

Большая полуразрушенная постройка, деревянныя части которой прогнили, окна потресканы или совсѣмъ разбиты причемъ отверстія частью завѣшаны тряпками, рогожами. Заборъ, окружавшій дворъ, прогнилъ, частью поломанъ. Капитанъ Маковскій замѣтилъ, что это не ускользнуло отъ моего вниманія, сказалъ, что здѣсь ремонта не производится, ибо имѣется въ виду построить новое зданіе, — намѣреніе, какъ нужно было и ожидать, не осуществилось и до сихъ поръ.

Въ сѣняхъ появился дежурный офицеръ, поздоровался съ нами и доложилъ полиційместеру, что все обстоитъ благополучно и что въ тюрьмѣ въ этотъ день 271 заключенныхъ.

— Хорошо, — сказалъ полиційместеръ, наклоня голову и мы приступили къ осмотру.

Тюрьма была въ ужасномъ состояніи. Камеры здѣсь отличались отъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли въ томской этапной тюрьмѣ лишь тѣмъ, что не были такъ переполнены. Большая часть камеръ были достаточно свѣтлы и отапливались большими, четырехугольными, сложенными изъ кирпича, печами. Единственной мебелью и здѣсь была та-же „параша“, и никакихъ постельныхъ принадлежностей. То тутъ, то тамъ можно было замѣтить грязное легкое одѣяло, но и это было, вѣроятно, собственностью заключенныхъ, что подтверждалось и цѣлымъ рядомъ кус-

ковъ, изъ которыхъ оно было составлено. Въ нѣкоторыхъ камерахъ было по 30—40 заключенныхъ, такъ что о какой либо вентиляціи нечего было и думать. Полы, судя по принятому въ Сибири масштабу чистоты, не особенно грязны, — они были, вѣроятно, въ ожиданіи нашего посѣщенія, посыпаны бѣлымъ пескомъ. Мужскія камеры были отдѣлены отъ женскихъ и дѣтскихъ, которыя производили впечатлѣніе нѣсколько болѣе обитаемыхъ.

Послѣ этого мы отправились въ городскую тюрьму, въ большое двухъ этажное, каменное, съ желѣзной крышей, зданіе. Оно даже нѣсколько похоже на этапную тюрьму въ Тюмени, но дворъ былъ все же больше; здѣсь также были цвѣтники, которые доставляли заключеннымъ громадное удовольствіе. Тюрьма построена въ 1861 г., обошлась 62000 р. и предназначена для 450 заключенныхъ. При нашемъ посѣщеніи тамъ было 743 ч., а полиційместеръ сознавался, что иногда здѣсь находятся въ 2 раза больше арестованныхъ. Газета „Сибирь“ (на стр. 210, 1876 г.) указывала далѣе, что здѣсь иногда помѣщалось болѣе 2000 чел., т. е. болѣе чѣмъ въ 4 раза того, на что тюрьма приспособлена. Каковы послѣдствія такого переполненія, мнѣ здѣсь не приходится перечислять, неоднократно о нихъ упоминая раньше. Если здѣсь воздухъ былъ не такъ невыносимъ, какъ въ тюменской тюрьмѣ, все же онъ было достаточно испорченъ и много изъ заключенныхъ жаловались Маковскому и мнѣ. Еще хуже было въ больницѣ, гдѣ со мной почти сдѣлалось дурно, хотя мы быстро ее проходили. И во всѣхъ Сибирскихъ тюрьмахъ и здѣсь свирѣпствовали: тифъ, скорбуть, малокровіе, ревматизмъ и бронхитъ — ужасы, вызываемые исключительно антисанитарнымъ состояніемъ *).

*) Ежегодникъ медиц. отчета М-ва Внут. Дѣлъ такъ описываетъ тюрьмы и госпитали Томска, Енисейска и Иркутска: Изъ отчетовъ Медицинскаго Управленія видно, что санитарное со-

Въ больницѣ мы направились черезъ садикъ къ секретнымъ камерамъ, гдѣ сидятъ одиночно-заклученные. Полицеймейстеръ заявилъ, что онъ разрѣшаетъ мнѣ поговорить тамъ съ кѣмъ нибудь изъ заклученныхъ. Я уже хотя и слышалъ объ этомъ родѣ заклученія, но не имѣлъ еще случая видѣть одиночнаго заклученнаго. Я шелъ сильно заинтересованный. Капитанъ, въ сопровожденіи ключника шелъ впереди, а я слѣдовалъ за нимъ при входѣ. За рѣшетчатой дверью мы очутились въ длинномъ, узкомъ корридорѣ, гдѣ часовые шли взадъ и впередъ передъ цѣлымъ рядомъ дверей. Двери были снабжены наружными замками, а по срединѣ отверстиями, чрезъ которыя заклученный получаетъ пищу и можетъ быть наблюдаемъ часовымъ. Заклученный, котораго мы должны были посѣтить, Фердинандъ Люстигъ—раньше офицеръ русской арміи. Послѣ убійства Александра II-го, въ 1881 г., онъ былъ арестованъ и какъ бунтовщикъ осужденъ къ 4-лѣтней

стояніе многихъ тюремъ въ провинціяхъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ оставляетъ желать многого. Большинство тюремъ слишкомъ малы для помѣщающагося въ нихъ количества заклученныхъ, въ многихъ нѣтъ никакой вентиляціи, многія построены въ низменныхъ мѣстностяхъ и потому сыры; отчасти только удовлетворительны тюрьмы Енисейска, Томска и Иркутска и въ области Забайкалья. Въ многихъ больницахъ чувствуется недостатокъ въ самомъ необходимомъ, кромѣ того они слишкомъ малы, чтобы вмѣстить всѣхъ больныхъ и не имѣютъ ни врачей, ни фельдшеровъ, ни сестеръ милосердія. Отчетъ даетъ затѣмъ слѣдующую таблицу санитарнаго состоянія тюремныхъ больницъ 4-хъ сибирскихъ провинцій за 1884 года.:

Область	Тюремная больница.	Число кроватей	Больные.	Умершіе.	% смертности.
Енисейскъ.	3	145	5176	168	3,2
Иркутскъ.	2	115	1620	99	6,1
Тобольскъ.	10	245	4648	303	6,5
Томскъ. . .	3	230	1514	259	16,4-

каторжной работѣ. Этотъ срокъ теперь кончился; онъ долженъ былъ быть высланъ на поселеніе въ Восточную Сибирь.

Ключникъ отворилъ камеру № 6 и мы вступили въ длинное, узкое и темное пространство, гдѣ на нарахъ сидѣлъ молодой человѣкъ, красивый, съ коротко остриженными волосами, темно-коричневой бородкой и голубыми глазами, сильно удрученный по виду.

При нашемъ входѣ онъ всталъ.

— Здравствуйте, г. Люстигъ,—обратился къ нему вѣжливо Маковскій—Мы пришли, чтобы привести васъ въ лучшее настроеніе. Эти господа—американскіе путешественники, интересующіеся нашими тюрьмами, и я предположилъ, что имъ не безынтересно будетъ съ вами познакомиться.

Мнѣ показалось, что полное надеждъ выраженіе, озарившее было лицо его при нашемъ появленіи—вдругъ исчезло. Быть можетъ онъ въ первую минуту думалъ, что пришли его освободить изъ ненавистной клѣтки. Съ застѣнчивой быстротой онъ протянулъ намъ руку, точно онъ во время продолжительнаго заклученія забылъ правила общенія. Но и я не былъ достаточно непринужденъ, особенно изъ за присутствія полиціеймейстера, ключника и солдата. Еслибы мы были одни, то, вѣроятно, быстро поняли бы другъ друга, но теперь я не могъ ничего сказать изъ того, что чувствовалъ и зналъ, и я могъ ему казаться обыкновеннымъ туристомъ, который пришелъ смотрѣть экзотическое животное въ зоологическомъ саду.

Камера была приблизительно 7-ми метръ въ длину, 2-хъ въ ширину и 4-хъ въ высоту. Маленькое окошко напротивъ двери, снабженное рѣшеткой, давало мало свѣту; оконное отверстие было устроено настолько высоко, что я не могъ достать его рукою. Деревянный подоконникъ былъ устроенъ такъ, что совершенно лишалъ возможности смотрѣть изнутри: мнѣ думается, что заклю-

ченный врядь ли даже могъ узнавать ясно или пасмурно небо. Деревянные нары, покрытыя толстымъ шерстянымъ одѣяломъ, и четырехугольный ящикъ („парашка“), вотъ и вся меблировка; ни стула, ни стола, ни книги, ни письменныхъ принадлежностей здѣсь не было и въ поминѣ.—Заключенному оставалось, конечно, только одно,—сидѣть на своихъ нарахъ въ мрачной и, думаю, холодной камерѣ и... размышлять.

Я спросилъ его, давно ли онъ находится въ этой камерѣ, и узналъ, что уже почти четыре мѣсяца. Полковникъ Маковский добавилъ, что онъ долженъ будетъ пребыть здѣсь и дальше въ виду того, что еще окончательно не рѣшено мѣсто его будущаго поселенія. Когда это случится, онъ еще не знаетъ, да впрочемъ никому и дѣла нѣтъ до того, что бѣдный узникъ здѣсь теперь становится еще болѣе озлобленнымъ, чѣмъ въ каторжныхъ работахъ. Присутствіе полиціи помѣшало мнѣ разспросить о его пребываніи на Карскихъ рудникахъ, поэтому я удовольствовался лишь тѣмъ, что съ чувствомъ пожалъ на прощаніе руку узника и пожелалъ ему скорого освобожденія.

Въ такомъ-то отличномъ состояніи, какъ думалъ полковникъ Маковский, нашелъ я иркутскія тюрьмы; про себя я, конечно, объ этомъ былъ иного мнѣнія, котораго онъ и не спрашивалъ.

Только спустя нѣсколько дней мнѣ снова удалось увидѣть полиціймейстера.

Въ теченіе этого времени новый сибирскій генераль-губернаторъ, графъ Игнатьевъ, тоже обозрѣвалъ тюрьмы.

Въ ближайшій вторникъ Маковский посѣтилъ насъ и въ пылу общаго разговора вдругъ не безъ возбужденія обратился ко мнѣ съ вопросомъ;

— Скажите откровенно, г. Кеннанъ, какъ вы нашли наши тюрьмы?

Я чистосердечно отвѣтилъ, что сибирскія тюрьмы во-

обще находятся въ скверномъ состояніи, но что иркутскія все таки лучше тюменскихъ и томскихъ.

— Я обращаюсь къ вамъ съ этимъ вопросомъ потому, что генераль-губернаторъ, на этихъ дняхъ со своей супругой осматривавшій тюрьмы, высказался о нихъ очень не удовлетворительно. Ему показалось, что тюрьмы слишкомъ грязны, переполнены, что воздухъ въ нихъ слишкомъ испорченъ, что бѣлье арестантовъ слишкомъ не чисто и грубо. Короче говоря, онъ остался всеѣмъ недоволенъ. Я, конечно, понимаю, что тамъ воздухъ далеко не превосходенъ, но развѣ онъ можетъ быть инымъ въ комнатѣ величиною въ эту—онъ показалъ на мою—если въ ней будетъ заключено тридцать человекъ! Конечно, и бѣлье могло бы быть лучшимъ, но тогда правительство должно было бы отпускать на это больше денегъ. Бѣлье грязно!—Но какъ же оно можетъ быть чистымъ, когда арестантъ въ каждые шесть мѣсяцевъ получаетъ только одну рубашку и только одинъ халатъ на цѣлый годъ. Вѣдь въ этомъ костюмѣ онъ ходитъ день и ночь и снимаетъ его только тогда, когда моется въ банѣ. Конечно, должно же быть оно грязно!

Характерныя признанія изъ устъ русскаго чиновника.

— Развѣ рубашки арестантовъ не моются? Или они должны ходить голыми во время стирки?—спросилъ я.

— Когда они моются, то обыкновенно стираютъ свои рубашки,—отвѣтилъ полиціймейстеръ,—затѣмъ сушатъ ихъ, насколько это возможно, и снова ихъ надѣваютъ.

Я замѣтилъ, что меня нисколько не удивляетъ переполненіе больничныхъ отдѣленій несчастными арестантами, которые слѣдуютъ этапомъ, промокши насквозь.

— Вы правы, отвѣтилъ онъ.—Жизнь ссыльныхъ въ походахъ ужасна. Что же касается тюрьмы, то я дѣлаю здѣсь все, что въ моихъ силахъ. Нигдѣ вы не найдете здѣсь скопившейся грязи и если смотрѣть съ точки зрѣнія здоровья,

то тюрьмѣ придется отдать предпочтеніе передъ нѣкоторыми частными домами въ городѣ.

Странно, что полковникъ Маковскій не отличалъ истиннаго состоянія иркутскихъ тюремъ, считая ихъ удовлетворительными! Онъ, впрочемъ, такъ ко всему этому привыкъ, что смотрѣлъ на это, какъ на нѣчто вполнѣ нормальное, и никакъ не могъ понять того, почему генераль-губернаторъ выразилъ неудовольствіе. Ему казалось, что виновницею выраженного генераль-губернаторомъ порицанія собственно была графиня; г. Маковскій считалъ ее просвѣщенной, съ возвышеннымъ образомъ мыслей, но совершенно неопытной и незнакомой съ жизненными требованіями, о которыхъ разобьются всѣ ея благородныя мечты.

— Я цѣню въ ней умную женщину съ тонкою наблюдательностью,—замѣтилъ я.—Вчера за столомъ одинъ изъ чиновниковъ при управленіи по дѣламъ поселенія рассказывалъ, что недавно при посѣщеніи одной изъ тюремъ она захотѣла попробовать супъ. Ея желаніе было исполнено; заподозривъ, что супъ былъ приготовленъ нарочно для нея, она спросила, не осталось ли еще въ котлѣ супу. Убѣдившись что она не обманута, она замѣтила, что ее очень радуешь, что, по крайней мѣрѣ, теперь случилось то, что должно было быть давно исполнено, именно — кухонная посуда была почищена. Это свидѣтельствуешь о ея проницательности.

— Проницательность!—сказалъ Маковскій.—Возможно! Она сострадательная, великодушная женщина, но не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о реальномъ положеніи дѣла. Ей кажется, что къ тюрьмѣ можно примѣнить тѣ же правила, что къ пансіону для дѣвицъ. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что это совершенно невозможно.

Я замѣтилъ, что въ иркутской тюрьмѣ представляю себѣ возможными нѣкоторыя улучшенія, хотя и не думаю

объ устройствѣ тюремъ на подобіе вышеназванныхъ пансіоновъ.

Гости прервали нашъ разговоръ; полиціймистеръ удалился, повидимому еще болѣе раздраженный...

На первую аудіенцію у графа Игнатъева отправились я и Фростъ: намъ хотѣлось такимъ образомъ засвидѣтельствовать ему свое уваженіе, а мнѣ сверхъ того думалось, что въ разговорѣ съ нимъ удастся узнать его мнѣніе о системѣ ссылокъ и о состояніи здѣшнихъ тюремъ.

Это былъ плотный мужчина приблизительно лѣтъ сорока; голова почти лысая и замѣтное утомленіе въ чертахъ лица. Онъ принялъ насъ вѣжливо, но довольно холодно, говорилъ съ нами на нашемъ родномъ языкѣ, на которомъ выражался свободно, хотя немного медленно.

Я старался свести разговоръ на сибирскія тюрьмы и поэтому упоминалъ о нѣкоторыхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ тюменской и томской тюремъ.

Онъ отвѣчалъ сдержанно, что находитъ всю постановку дѣла ссылки въ Сибирь невыгодной или, по крайней мѣрѣ, нуждающейся въ очень многихъ улучшеніяхъ.

Обыкновенныхъ преступниковъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы назначать на полевые работы, и это было бы много лучше, чѣмъ заставлять ихъ безъ дѣла сидѣть по тюрьмамъ или ссылатъ въ каторжныя поселенія.

Онъ замѣтилъ, что въ видѣ пробы, разрѣшилъ бы нѣкоторымъ изъ арестантовъ работать на улицахъ Иркутска; между прочимъ онъ высказался о своемъ намѣреніи на будущее время отправлять транспорты ссыльныхъ изъ Томска въ Иркутскъ только въ благопріятную погоду и пользоваться при этомъ телѣгами. Такія преобразованія подняли бы престижъ правительства, показавъ его заботливость и гуманность, и были бы полезны ссыльнымъ.

То-же самое, какъ я уже объ этомъ раньше упоминалъ, было предложено полковникомъ Загаринымъ нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ, но и до сего дня ни одно изъ намѣченныхъ преобразованій не осуществилось. По прежнему этапнымъ порядкомъ, при не разъ описанныхъ ужасныхъ условіяхъ, гонятъ тысячи, подчасъ невинныхъ людей, обреченныхъ испытывать адскія муки.

Впрочемъ можетъ быть ничего изъ этихъ новшествъ не введено потому, что имѣется въ виду построить сибирскую желѣзную дорогу, при которой совершенно излишнею будетъ перевозка при помощи телѣгъ. Да! Но пока это случится, пройдутъ еще многіе годы, а между тѣмъ тысячи за тысячами мужчинъ, невинныхъ женщинъ и дѣтей будутъ испытывать всѣ лишенія длиннаго путешествія въ 1600 километровъ.

Во время нашего разговора вошла графиня передать своему мужу только что полученное письмо. Онъ познакомилъ насъ. Графинѣ можно было дать лѣтъ 30; это была женщина средняго роста съ русыми волосами, сѣрыми глазами и интеллигентнымъ, но нѣсколько холоднымъ выраженіемъ лица. На этотъ разъ благодаря присутствію графини, намъ не удалось больше возвратиться къ темъ нашего разговора.

Въ теченіе двѣнадцати дней, которые мы провели въ Иркутскѣ, намъ удалось завести очень пріятныя знакомства. Такъ наприимѣръ, мы познакомились съ владѣльцемъ рудниковъ—Адамомъ Буковскимъ, всегда гостеприимно принимавшимъ насъ; кстати, онъ хорошо говорилъ по-англійски; съ докторомъ Писаревымъ, специалистомъ своего дѣла, къ которому мы имѣли рекомендательныя письма изъ Петербурга; познакомились съ нѣкимъ господиномъ Бутиномъ, который когда-то жилъ въ Америкѣ и по своимъ мыслямъ и чувствамъ сдѣлался совсѣмъ американцемъ; съ господиномъ Загоскиномъ, энергичнымъ редакторомъ «Сибири» и еще съ другими.

Черезъ нѣсколько [дней послѣ упомянутаго разговора

съ полиціймейстеромъ я посѣтилъ его и между прочимъ свелъ разговоръ на политическихъ ссыльныхъ,

Вообще онъ отзывался въ высшей степени недоброжелательно о „революціонерахъ и нигилистахъ“, на которыхъ смотрѣлъ такъ же, какъ я раньше.

— Но есть также между политическими ссыльными,— замѣтилъ онъ—люди, заслуживающіе больше симпатіи и состраданія.—Это молодежь, никогда не принимавшая участія въ преступленіяхъ. Она лишь дружила съ бунтовщиками или состояла съ ними въ самой невинной перепискѣ и вотъ теперь горько платится за свое знакомство. Или вотъ люди, сосланные за то, что случайно брали у знакомыхъ на храненіе брошюры, письма и иное, не зная даже содержанія. Вѣдь если у кого-либо находятъ такія вещи, то онъ ссылается въ Сибирь, какъ бы ни увѣрялъ, что не имѣетъ никакого представленія объ ихъ содержаніи. Въ Сибирь идетъ и тотъ, кто оказывалъ денежную помощь бунтовщикамъ, иногда даже и не зная на какія революціонныя цѣли собираются деньги. Есть здѣсь, наконецъ, еще совсѣмъ ранняя молодежь, обуреваемая патріотизмомъ и примкнувшая къ тайнымъ сообществамъ во имя идеи добиться благо своей родины. Эти люди никогда и не помышляли о возстаніи; но достаточно полиціи открыть кого-либо изъ такихъ, и его уже безъ всякаго снисхожденія ссылаютъ въ Сибирь. Я всѣмъ сердцемъ жалѣю такихъ людей!

Привожу здѣсь эти слова, чтобы лишній разъ дать подтвержденіе того, что русское правительство ссылаетъ въ Сибирь не только людей, непричастныхъ къ преступленіямъ, но даже такихъ, которыхъ невозможно обвинять и въ преступныхъ умыслахъ. Для меня, конечно, не было ново такое положеніе вещей; я удивился лишь тому, что слышу подобное признаніе отъ полиціймейстера.

Политическихъ ссыльныхъ въ это время въ Иркутскѣ

было не много, но мы ихъ старательно искали. Наконецъ, намъ это удалось; конечно, на этотъ разъ мы обошлись уже безъ помощи Маковского. И руководитель полици, претендовавшій на всевѣдѣніе, увы, не имѣлъ представленія о томъ, что часто отъ него мы прямо отправлялись на собранія всѣхъ политическихъ ссыльныхъ и въ ихъ средѣ засиживались до поздней ночи.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ политическихъ ссыльныхъ въ Иркутскѣ былъ въ это время Иванъ Чернявскій съ женой,—оба сосланные въ 1878 году въ административномъ порядкѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ ними, я проникся величайшимъ уваженіемъ и состраданіемъ къ нимъ обоимъ, и особенно къ госпожѣ Чернявской. Мало женщинъ въ тридцать пять лѣтъ перенесли уже столько горя, еще меньше знаю я такихъ, которыя, несмотря ни на болѣзни, ни на нужду, сохранили бы еще столько силы и мужества. Передъ высылкой въ Сибирь ее содержали въ кievской тюрьмѣ, и здѣсь ей пришлось пережить убійство любимаго товарища, друга юности. Это былъ молодой человекъ, англійскаго происхожденія, по имени Беверлей. Его арестовали по обвиненію въ революціонной пропагандѣ подъ чужимъ именемъ и случайно тоже перевели въ кievскую тюрьму. Въ ночь, наканунѣ отправленія транспорта въ Сибирь, Беверлей съ г-жей Чернявской, и еще съ однимъ товарищемъ пытались бѣжать. Но бѣгство это не удалось и окончилось весьма печально для Беверлея и его друга; ихъ умысль былъ открыть, и предостерегавшій ихъ отрядъ солдатъ нѣсколькими выстрѣлами смертельно ранилъ Беверлея, легко—его друга; причѣмъ послѣдняго вновь водворили въ тюремную камеру, предварительно избивъ его. Госпожа Чернявская, утормъ при выступленіи транспорта увидѣла окровавленный трупъ друга своего дѣтства,—онъ все еще лежалъ неубраннымъ подъ окномъ тюрьмы.—Мои собственныя страданія не могли

меня потрясти такъ сильно, какъ этотъ случай,—закончила свой разсказъ госпожа Чернявская, тяжело вздыхая.

Много страданій перенесено было этой благородной женщиной въ походѣ и на этапахъ. Наконецъ, они съ мужемъ добрались въ указанное мѣсто жительства, въ маленькій городокъ въ Тобольской губерніи. Здѣсь у нихъ родился ребенокъ, и они устроились настолько удобно, насколько это было возможно при окружающихъ условіяхъ. Жили они здѣсь лишь до вступленія на престолъ Александра III; г. Чернявскій отказался принести присягу, и за это былъ сосланъ въ Красноярскъ, а когда позже повторилъ свой отказъ, то былъ вынужденъ отправиться въ Иркутскъ. Послѣдняя поѣздка пришла въ зимнюю стужу, въ открытой телѣгѣ, съ груднымъ, по первому году, ребенкомъ на рукахъ. Несмотря на всѣ заботы, мать не могла защитить дитяти; на послѣдней передъ Иркутскомъ станціи ребенокъ умеръ. Этотъ ударъ помутилъ разсудокъ бѣдной женщины: она качала дитя на рукахъ, пѣла ему колыбельныя пѣсни, плакала, молилась, богохульствовала и неистовствовала...

При такихъ условіяхъ прибылъ Чернявскій съ женой въ Иркутскъ, гдѣ съ мертвымъ ребенкомъ на рукахъ, въ въ тридцатиградусный морозъ долженъ былъ еще съ полчаса прождать подъ открытымъ небомъ исполненія всякихъ формальностей по пріемкѣ. Жену свою затѣмъ пришлось ему помѣстить въ госпиталь, гдѣ она и оставалась до выздоровленія; затѣмъ ихъ обоихъ отправили за 3000 километровъ дальше на сѣверо-востокъ, въ „Батурскій улусъ“, къ якутамъ, въ дикое мѣсто, отстоявшее отъ ближайшаго городка больше, чѣмъ на 15 километровъ. Здѣсь они оставались, обреченные на всевозможныя лишенія, до 1884 года, когда имъ было разрѣшено возвратиться въ болѣе культурную часть Сибири.

Къ тому времени, когда я познакомился съ этой жен-

щиной, ея здоровье, благодаря массѣ перенесенныхъ невзгодъ, было уже значительно подорвано.

Она при самыхъ печальныхъ условіяхъ потеряла своихъ дѣтей и тысячами километровъ была отдѣлена отъ родныхъ и друзей. Ее поддерживало лишь чувство глубокой любви къ мужу, участи котораго она, конечно, не могла облегчить изъ-за своей болѣзненности. Уже два мѣсяца не покидала она своего дома. Когда я съ нею прощался, то у меня явилось какъ бы предчувствіе, что она скоро разстанется съ этимъ міромъ, и въ первый разъ со времени моего дѣтства у меня на глазахъ навернулись слезы. Я предложилъ ей на память свою фотографическую карточку, но къ моему удивленію она не приняла ея, въ объясненіи уныло прибавила слѣдующее: — нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня была карточка одного моего покойнаго ребенка, это было единственное воспоминаніе, оставшееся у меня о моемъ любимцѣ. Однажды ночью полиція производила у насъ обыскъ и забрала всѣ письма и фотографическія карточки. Я, конечно, сказала, что это единственная карточка моего покойнаго ребенка; жандармскій офицеръ далъ мнѣ честное слово, что карточка будетъ возвращена, но и до сихъ поръ ничего нѣтъ. Тогда я твердо рѣшила, что русское правительство не доставитъ ужъ мнѣ больше такой боли, и вотъ поэтому я съ тѣхъ поръ никогда не беру карточекъ отъ тѣхъ людей, которыхъ люблю.

Я не знаю, жива ли еще госпожа Чернявская. Хотѣлось бы мнѣ знать, что да; хотѣлось бы, чтобы эти строки попались ей и засвидѣтельствовали бы, что по ту сторону океана о ней дружески вспоминаютъ.

Въ Забайкальѣ.

Отъ Иркутска мы поѣхали на Селенжинскъ въ Забайкалье. Здѣсь мы предприняли поѣздку въ близъ лежащій Буддійскій монастырь, и по возвращеніи, потребовали почтовыхъ лошадей, чтобы отправиться въ городъ Кяхту, отстоявшій въ 100 километровъ на границѣ Монголіи. Мы должны были бы на слѣдующее утро быть тамъ, но намъ пришлось натолкнуться на препятствія, которыя не рѣдки въ Сибири, а особенно въ Забайкальѣ. Почти въ полночь пріѣхали мы къ рѣкѣ, черезъ которую нужно было намъ переправиться на «карбасѣ», находившійся на другомъ берегу. Въ продолженіе цѣлаго часа пришлось намъ кричать изо всѣхъ силъ—Карбасъ! Карбасъ!—но все было напрасно—перевозчикъ, вѣроятно, спалъ и только эхо насмѣшливо откликалось, отражаясь отъ лежащихъ на томъ берегу горъ. Сонные и промерзшіе, мы уже думали возвратиться въ Селенжинскъ, какъ вдругъ мы замѣтили на той сторонѣ какое-то движеніе, и дѣйствительно, наконецъ явился ожидаемый перевозчикъ.

Черезъ полчаса мы уже ѣхали по другому берегу, а въ третьемъ часу утра мы пріѣхали на станцію Поворотную, гдѣ насъ ждала новая задержка: тамъ не было лошадей. Комната для пріѣзжающихъ была переполнена людьми, лежащими, на полу и съ трудомъ нашли мы мѣстечко въ углу около печки, между двумя китайцами и кучей оленьихъ роговъ. Здѣсь мы наконецъ улеглись.

Въ среду мы ѣхали цѣлый день на югъ, по пустынной песчанной мѣстности, покрытой скудной травой и хвойникомъ; по временамъ встрѣчались невысокіе холмы, поросшіе березнякомъ. Иногда намъ встрѣчались караваны одноконныхъ телѣжекъ, идущіе съ чаемъ изъ Китая, или ѣдущіе верхомъ буряты, въ плоскихъ шапкахъ и длинныхъ коричневыхъ кафтанахъ. Вообще дорога казалась мало

проѣзжей и не представляла собой ничего интереснаго, исключая развѣ только груды камней, находящихся на вершинахъ холмовъ, которыя Фростъ назвалъ—бурятскими гробницами—(Reliquienschreine der Buriaten). Повсюду въ Сибири туземцы имѣютъ обыкновение совершать жертвоприношенія богу бури на высокихъ мѣстахъ. На сѣверо-востокѣ они обыкновенно разсѣиваютъ по вѣтру немного табаку, здѣсь же каждый мимо проходящій отправляется къ этимъ грудамъ камней и прикрѣпляетъ тамъ въ жертву богамъ лоскутокъ своей одежды. Можно было бы подумать, что обычай этотъ установленъ для практическихъ цѣлей, такъ какъ при помощи этихъ лоскутковъ всякому путнику легко было бы найти слѣдъ проѣхавшаго впереди знакомаго, стоило только знать его одежду. Но это не такъ! Благодаря точной провѣркѣ, я убѣдился въ томъ, что каждый буряты, прежде чѣмъ отправиться въ путь, запасается лоскутками, которые онъ потомъ приноситъ въ жертву богу бури.

Погода была холодная и пасмурная, цѣлый день шель снѣгъ или дождь. На почтовыхъ станціяхъ мы ничего не могли достать изъ съѣстнаго. Къ вечеру мы промерзли и проголодались, и поэтому были не мало обрадованы, когда навстрѣчу намъ засвѣтились наконецъ привѣтливые огоньки изъ оконъ небольшихъ деревянныхъ домовъ Троицкосавска, расположеннаго на четыре километра къ сѣверу отъ монгольской границы. Три городка—Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ расположены непосредственно другъ возлѣ друга; два первые находятся въ русскихъ владѣніяхъ, послѣдній же находится уже въ Монголіи и отдѣляется отъ Кяхты только пограничной полосой около 200 метровъ ширины. Троицкосавскъ—наибольшій изъ трехъ упомянутыхъ городковъ и въ административномъ отношеніи также самый важный, Кяхта же, напротивъ, болѣе извѣстна по названію, такъ какъ непосредственно лежитъ на границѣ,

Мы послѣдовали совѣту молодого купца, съ которымъ познакомились на пароходѣ на Байкальскомъ озерѣ, и поѣхали черезъ Троицкосавскъ въ Кяхту, чтобы остановиться въ рекомендованномъ имъ домѣ Соколова.—Намъ пришлось отыскивать его и когда мы нашли его, были удивлены, что онъ вовсе не похожъ на гостиницу. Домъ стоялъ среди большого двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ; окна были темны, хотя время было еще не позднее, но ворота были заперты. Послѣ долгаго стука и зова появилась наконецъ дѣвушка, которая посмотрѣла на насъ сначала очень подозрительно и только спустя нѣкоторое время убѣдилась, что мы дѣйствительно были мирные путешественники и желали здѣсь остановиться. Она замѣтила намъ, что господинъ Соколовъ принимаетъ иногда проѣзжихъ, но только въ томъ случаѣ если они имѣютъ съ собой рекомендательныя письма, первымъ же попавшимся людямъ, которые къ нему постучатся, онъ ночлега не даетъ. И въ заключеніе она намъ посоветовала, что было бы лучше всего, если бы мы возвратились обратно въ Троицкосавскъ и отыскали бы тамъ гостиницу. Съ этимъ мы должны были согласиться, тѣмъ болѣе, что не имѣли никакихъ рекомендательныхъ писемъ къ господину Соколову, и дѣвушка не имѣла желанія продолжать дальше переговоры у полуоткрытыхъ воротъ. Мы сѣли опять въ нашъ экипажъ и поѣхали обратно въ Троицкосавскъ, гдѣ послѣ долгихъ поисковъ наконецъ нашли себѣ ночлегъ у одного ссыльнаго поляка, по имени Клемботскаго. Онъ былъ хлѣбопекомъ и въ то же время сдавалъ нѣсколько комнатъ въ своемъ домѣ для проѣзжихъ. Это было жилище не изъ пріятныхъ: полъ былъ устланъ нестроганными досками, щели въ деревянныхъ стѣнахъ были законопачены пенькой; простой столъ, три стула и узкая кровать представляли всю меблировку. Путешественникъ долженъ былъ имѣть тюфякъ съ собой или совсѣмъ отъ него отказаться. Но десятый

часть вечера не позволяя уже разыскивать лучшее пристанище, и мы приказали внести наши вещи въ комнату. Скучно поужинавъ чаемъ и хлѣбомъ, приготовивъ себѣ на землѣ постели, мы думали заснуть, но большую часть ночи пришлось вести войну съ клопами.

Въ четвергъ послѣ обѣда мы наняли—долгушки—какъ называется въ Сибири своеобразно устроенный экипажъ— и отправились въ Кяхту; здѣсь мы хотѣли посѣтить богатаго русскаго чаоторговца, къ которому у насъ было рекомендательное письмо.

Сосѣдніе городки Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ расположены въ довольно плоской непривѣтливой долинкѣ на берегу рѣчки впадающей въ Селенгу. Голыя вершины горъ, ограничивающія долину, тянутся почти параллельно и ограничиваютъ ее съ трехъ сторонъ. На югѣ же виднѣются поверхъ старыхъ деревянныхъ домовъ Маймачина далекія синѣющія горы Монголіи.

На первый поверхностный взглядъ можно было принять Кяхту за большое зажиточное село, не смотря на то, что здѣсь было больше двухэтажныхъ и красивыхъ деревянныхъ построекъ, чѣмъ въ другихъ сибирскихъ деревняхъ, а также одни или даже двѣ достойныхъ вниманія церкви византійскаго стиля. По крайней мѣрѣ, никто не подумалъ бы, что видитъ передъ собою значительный торговый городъ, сборный пунктъ торговыхъ сношеній Восточной Сибири. Около 30 милліоновъ цѣнностей провозится ежегодно черезъ Кяхту въ Монголію и въ Россію. Знаменитый „караванный чай“ отправляется изъ сѣвернаго Китая черезъ Монголію и Кяхту въ Россію и въ европейскіе города, при чемъ въ Кяхтѣ онъ бережно упаковывается и зашивается въ кожи. Сюда же провозится китайскій шелкъ, крепъ и наконецъ—кирпичный чай—употребляемый бѣднѣйшимъ русскимъ населеніемъ, а также туземными сибирскими племенами, киргизами, бурятами и др. Въ Китай вывозятся, главнымъ обра-

зомъ, продукты русскихъ фабрикъ, далѣе олени рога, сырые товары и русскія, англійскія и американскія монеты; даже серебряные доллары проходятъ черезъ Сибирь въ небесную имперію. Среди кяхтинскихъ купцовъ встрѣчаются очень богатые люди, нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности чаоторговцы, получаютъ въ годъ около $\frac{1}{4}$ милліона рублей дохода.

Мы отыскали господина Лушникова.

Онъ жилъ въ красивомъ двухэтажномъ домѣ въ центрѣ города. Принялъ онъ насъ съ тѣмъ сердечнымъ гостепріимствомъ, которое особенно характеризуетъ всѣхъ русскихъ отъ Берингова пролива до береговъ Балтійскаго моря. Во время завтрака мы разговорились о сосѣднихъ городкахъ; хозяинъ при этомъ выразилъ мнѣніе, что Кяхта не можетъ для насъ представить никакого интереса, такъ какъ она похожа на другіе сибирскіе города. Маймачинъ же для насъ будетъ интереснѣе, въ особенности, если намъ до сихъ поръ не приходилось познакомиться съ китайскими городами.

Вдругъ пришла ему въ голову интересная мысль и онъ просилъ насъ:

— Обѣдали ли вы когда-либо по китайски?

— Никогда!—отвѣчалъ я.

— Ну-съ, въ такомъ случаѣ я вамъ покажу кое-что новенькое—сказалъ онъ.—Послѣзавтра я устрою для васъ китайскій обѣдъ въ Маймачинѣ. Тамъ у меня есть знакомый китаецъ, который держитъ хорошаго повара. Конечно, въ короткое время обѣдъ будетъ приготовленъ едва-ли болѣе чѣмъ изъ 40 блюдъ, но этого все-таки достаточно будетъ, чтобы дать вамъ понятіе о поварскомъ искусствѣ китайцевъ.

Мы съ благодарностью приняли приглашеніе и замѣтили при этомъ, что во время нашего путешествія по Забайкалью рѣдко имѣли за обѣдомъ что-либо кромѣ

хлѣба и чая и поэтому не настолько избалованы, чтобы не удовлетвориться 40 блюдами.

Мы также посѣтили русскаго офицера пограничной стражи Сульковскаго. Онъ принялъ насъ не менѣе сердечно. Здѣсь въ этомъ отдаленномъ уголкѣ міра, мнѣ казалось, что земля собственно не такъ велика, какъ думаютъ, такъ какъ всюду встрѣчаются одни и тѣ-же явленія, связанныя съ цивилизованнымъ міромъ и даже съ нашей родиной. Такъ, напримѣръ, въ домѣ Лушникова мы встрѣтили госпожу Гамильтонъ, шотландку, съ которой мы говорили на родномъ языкѣ. Здѣсь, въ домѣ офицера пограничной стражи, мы встрѣтили господина, знавшаго многихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ сѣверной экспедиціи «Жанетты».

Здѣсь также намъ пришлось позавтракать. Позавтракавъ и приятно поболтавши съ господиномъ Сульковскимъ, мы возвратились въ Троицкосавскъ и осматривали базаръ, китайскія лавченки и проч. Въ одной изъ лавченокъ я нашелъ къ своему удивленію старый экземпляръ журнала—All the year round—издаемаго въ свое время Боцъ Диккенсомъ. Какъ могъ только онъ сюда попасть! Не нашелся ли бы въ лавченкѣ въ Троицкосавскѣ какой-нибудь американскій журналъ, забытый какимъ-нибудь путешественникомъ или попавшій сюда какимъ-либо другимъ путемъ? Мое профессиональное и патріотическое тщеславіе было задѣто. Какъ—All the year round—могло быть болѣе распространено въ Монголіи, чѣмъ нашъ—Century Magazine?

Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ я нашелъ въ лавкѣ темнолицаго монгола старые часы, изготовленные въ Родэ-Исландѣ (Rhode-Island). Это удовлетворило нѣкоторымъ образомъ мое національное тщеславіе и могло служить доказательствомъ, что мы имѣемъ значительное вліяніе на наше время.

Позже моя американская гордость была еще болѣе удо-

влетворена: я нашелъ въ еще болѣе пустынномъ и отдаленномъ уголкѣ Забайкалья „Жизнь на Миссиссипи“ Марка Твэна и русскій переводъ Бретъ-Гарта „Dab glück im Roaring Camp“.

Въ пятницу, второго октября, мы снова отправились въ Кяхту и посѣтили въ сопровожденіе офицера русской пограничной стражи, китайскаго губернатора въ Маймачинѣ.

Въ срединѣ упомянутой уже пограничной полосы между Кяхтой и Маймачиномъ проходила граница Россіи и Китая; сверхъ того Маймачинъ отдѣлялся отъ русскихъ владѣній высокой бревенчатой стѣной и погодой, которыя закрывали съ русской стороны пограничный городокъ небесной имперіи.

Болѣе внезапнаго и поразительнаго измѣненія, происходящаго на протяженіи ста шаговъ отдѣляющихъ Кяхту и Маймачинъ, нельзя себѣ представить. Здѣсь русскій провинціальный городъ съ его характерными деревянными домами, церквями, лавками, телѣгами, солдатами и крестьянами; тамъ вполне китайская жизнь. Какъ будто внезапно и мгновенно переноситесь на коврѣ-самолетѣ въ далекую страну.

Въ узкихъ немощенныхъ улицахъ стоятъ маленькіе, большей частью одноэтажные дома безъ оконъ, съ глиняными стѣнами, съ приподнятыми по краямъ, рѣзными крышами. Неуклюжая, двухколесная арба, нагруженная чайными ящиками, запряженная быками, управляемая темнолицымъ монголомъ замѣняетъ здѣсь русскую телѣгу и лошадь. Тутъ китайскіе купцы въ легкихъ развѣвающихся одеждахъ и бѣлыхъ башмакахъ, а по ту сторону русскіе торговцы въ высокихъ сапогахъ, разстегнутыхъ жилетахъ и въ длинныхъ, выпущенныхъ поверхъ штановъ рубахахъ. Изъ палатокъ пустыни Гоби пріѣзжаютъ дикіе, загорѣлые на солнцѣ всадники въ оранжевыхъ одеждахъ и въ плоскихъ, похожихъ на сковороду шляпахъ. Всюду—куда ни взгля-

нешь, куда ни повернешься—все непривычно, странно, повсюду Китай занялъ мѣсто Россіи.

Въ сопровожденіи русско-китайскаго переводчика явились мы къ губернатору, домъ котораго отличался отъ другихъ домовъ только тѣмъ, что передъ нимъ возвышались два шеста съ золотыми набалдашниками. Господинъ Сульковскій представилъ насъ. Губернаторъ приказалъ подать намъ чай, сахарные фрукты и—майгало,—особый родъ рисовой водки. Разговоръ вращался въ предѣлахъ обычныхъ фразъ, вопросовъ и отвѣтовъ относительно здоровья и т. п. Мы выпили нѣсколько чашечекъ майгало, полакомились немного сахарными фруктами, а потомъ отправились съ губернаторомъ въ храмъ, такъ какъ пришло время совершенія молитвы. Молитва совершалась передъ большимъ деревяннымъ кумиромъ, при этомъ медленно звонили въ колоколь; звонили, чтобы извѣстить весь городокъ о томъ, что его превосходительство, господинъ губернаторъ, совершаетъ молитву.

Затѣмъ мы возвратились опять въ домъ къ губернатору. Фростъ набросалъ его портретъ; забавно было смотрѣть съ какой величавой миной сидѣлъ китайскій сановникъ на своемъ стулѣ, покрытомъ тигровой шкурой. Эскизъ былъ законченъ, и мы не хотѣли дольше оставаться. Мы простились и получили при этомъ въ изящномъ пакетѣ остатки поданныхъ лакомствъ.

Послѣ обѣда мы тщетно старались сфотографировать рѣдкіе типы, встрѣчающіеся на улицахъ Маймачина. Монголы, буряты и представители другихъ племенъ толпились вокругъ насъ. Мы установили аппаратъ и направили его на одну изъ группъ: но едва Фростъ закинулъ голову подъ черный платокъ, какъ всѣ эти люди разбѣжались, какъ будто на нихъ направили жерло пушки. Я подумалъ, что не дурно было бы пріобрѣсть китайскому губернатору фотографическій аппаратъ для подавленія возстаній, такъ

какъ цѣлая батарея пушекъ едва ли оказала бы большее дѣйствіе. Стоило намъ только установить аппаратъ, какъ въ одно мгновеніе оживленная улица становилась совершенно безлюдной. Если я не ошибаюсь, мистеру Фросту въ этотъ день не удалось никого сфотографировать, развѣ только монгольскую упряжку да двухъ трехъ изуродованныхъ нищихъ, которые не могли быстро убѣжать.

Въ Троицкосавскѣ на базарѣ въ тотъ же день насъ опять постигла неудача. Здѣсь Фростъ хотѣлъ срисовать одного очень страннаго вида монгола, но, во избѣжаніи неприємностей, ему пришлось поспѣшно удалиться, такъ какъ толпа угрожающе заволнавалась; оставалось только пожалѣть и неоднократно, что мы не запаслись потайной камерой: она оказала бы намъ большія услуги тамъ, гдѣ употребленіе большого аппарата возбуждало страхъ или подозрѣніе.

Въ субботу послѣ полудня мы были на китайскомъ обѣдѣ, гдѣ кромѣ хозяина и господина Лушникова присутствовало еще нѣсколько его знакомыхъ. Столъ былъ покрытъ бѣлой скатертью и сервированъ совсѣмъ по европейски столовыми приборами. Кто хотѣлъ, употреблялъ при ѣдѣ обычныя въ Китаѣ палочки изъ слоновой кости; мы же европейцы сдѣлали только попытку. Когда мы усѣлись за столъ, всѣмъ была подана бутылка съ темнымъ уксусомъ, и каждый налилъ себѣ изъ нея въ стоящую рядомъ съ тарелкой чашечку.

— Это зачѣмъ?—спросилъ я Лушникова.

— Съ уксусомъ будутъ ѣсть кушанья. Китайцы почти все ѣдятъ съ уксусомъ. Впрочемъ это не такъ ужъ плохо.

Что за блюда могутъ быть поданы, я совсѣмъ не зналъ, а поэтому совсѣмъ не обратилъ вниманія на этотъ совѣтъ и ожидалъ, что будетъ дальше.

Было подано первое блюдо.

Что это было, я и до сихъ поръ не знаю. Въ моей записной книжкѣ было помѣчено:—Морская водоросль

или какое-либо другое водяное растеніе, по виду похожее на мохъ.—Вѣроятно, оно было сварено; но подано было холоднымъ и выглядѣло не особенно аппетитно. Всѣ взяли по немногу, обмакнули въ уксусъ и принялись ѣсть; большинство, вѣроятно, не съ особенной охотой, но они во всякомъ случаѣ старались не показывать это. Мы естественно не хотѣли отличатся отъ другихъ и послѣдовали поданному примѣру. Слѣдующія кушанья я нахожу записанными въ книжкѣ въ такомъ порядкѣ:

- 2) Холодное мясо, порѣзанное на кусочки съ какимъ-то желтымъ студнемъ,
- 3) Темные грибы, неизвѣстной мнѣ породы.
- 4) Салатъ изъ муки и капусты.
- 5) Березовый лишай.
- 6) Тонкіе ломтики колбасы, сомнительнаго вида; не знаю изъ чего приготовленной.
- 7) Яйцо нарѣзанное кубиками и кружками, цвѣта похожаго на сафьянъ,
- 8) Печенія раковыя шейки.
- 9) Волокнистая морская трава свѣтлозеленаго цвѣта.
- 10) Какое то морское растеніе съ вьющимся волокнами, похожее на нарѣзанную капусту.

Приходится ограничиться этими скудными замѣчаніями, ни въ какомъ случаѣ несоотвѣтствующими правиламъ поварскаго искусства. Я записывалъ только то, чѣмъ мнѣ казалось могло быть то или другое кушанье, что это было на самомъ дѣлѣ, я относительно нѣкоторыхъ блюдъ не зналъ и не могъ спросить. Всѣ эти кушанья подавались холодными, и ѣли ихъ съ уксусомъ. Возлѣ стола стояла жаровня, на ней помѣщался плоскій сосудъ съ горячей водой, въ которой стояло нѣсколько серебрянныхъ кувшиновъ, наполненныхъ майгало. Послѣ cadaго блюда слуга обходилъ съ кувшиномъ и наполнялъ гдѣ только было возможно, небольшія фарфоровыя чашечки, стоящія возлѣ

тарелокъ. Мнѣ вспомнился при этомъ анекдотъ, который я незадолго передъ этимъ слышалъ.

Простой мужикъ изъ Восточной Сибири нашелъ во время копанья вещь, которую онъ принялъ за остатки мамонта. Надѣясь получить вознагражденіе, онъ сообщилъ объ этомъ исправнику, а чтобы представить въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ важность своего открытія, онъ отвѣдалъ свою находку и рассказалъ потомъ чиновнику, что допотопное животное такъ хорошо сохранилось, что даже мясо его съѣдобно. Для изслѣдованія находки посланъ былъ изъ Иркутска членъ географическаго общества, который нашелъ что это ничто иное, какъ обломокъ одной изъ встрѣчающихся въ Сибири горныхъ породъ, извѣстной подъ названіемъ «горная коза».—Естественно, что исправнику было очень непріятно быть выставленнымъ въ такомъ видѣ передъ ученымъ. Онъ приказываетъ позвать крестьянина и сердито кричитъ на него:

— Дуракъ! зачѣмъ ты мнѣ вралъ, что будто бы ты ѣлъ мясо. На немъ вѣдь мяса и нѣтъ совсѣмъ. Да это и не мамонтъ, это минераль, его находятъ въ рудникахъ!

— Ей Богу, я ѣлъ его, баринъ,—божился мужикъ.—Да—прибавилъ онъ задумавшись—чего съ масломъ не съѣшь!

— Чего съ уксусомъ и рисовой водкой не съѣшь!—думалъ я, въ то время, когда слуга подавалъ эти разнообразныя яства.

Послѣ холодныхъ блюдъ, снова были наполнены чашечки уксусомъ, и дальше слѣдовали горячія блюда въ слѣдующемъ порядкѣ:

- 1) Клецки изъ телятины, залѣпленныя въ тѣсто.

Мой другъ Фростъ вообразилъ вдругъ, что это, ничто иное, какъ мясо молодыхъ собакъ и не отважился даже попробовать. Напрасно старался я его убѣдить, что такіе предразсудки, при томъ необоснованные, не къ лицу круго-

свѣтному путешественнику и изслѣдователю, въ особенності, если онъ уже прожилъ три года въ Россіи.

Если бы я только подозрѣвалъ, что будетъ еще дальше, я говорилъ бы, конечно, съ меньшей увѣренностью.

2) Жаренія клецки изъ мяса.

3) Паштетъ.

4) Варенія птицы въ густомъ бѣломъ соусѣ съ улитками.

Тутъ и моя храбрость мнѣ измѣнила. Варенныя улитки были совсѣмъ черныя и походили на вареныхъ червей.

Правда я думалъ отважиться послѣ двухъ чашечекъ водки, но и это не удалось. Воображеніе сильно разыгралось!

5) Жиръ мягкими, свѣтлыми, прозрачными кусочками.

6) Жареный поросенокъ.

Это блюдо было лучшее изъ всѣхъ и было вообще чень вкусно, такъ какъ китайцы мастера готовить жаркое изъ поросенка.

7) Баранина поджаренная на вертелѣ.

8) Курица порѣзанная длинными тонкими ломтиками въ соусѣ.

9) Вареный рисъ.

10) Какіе-то твердые грибы или лишай съ коричневымъ соусомъ.

11) Тонкія, прозрачныя макароны.

12) Пѣтушиныя головы.

Наконецъ отъ 13 (до 19) разнаго рода супы, которые были поданы сразу.

На этомъ обѣдѣ еще не окончился.

На смѣну явился десертъ: орѣхи, сахарные фрукты и разнообразныя печенія, превосходный чай и въ заключеніе французское шампанское.

Обѣдъ продолжался болѣе трехъ часовъ, и въ продолженіе этого времени каждый изъ гостей съѣлъ большое оличество кушаній, влилъ въ себя двѣ или три чашечки

уксуса, пятнадцать или болѣе чашекъ горячей рисовой водки, съ розовымъ масломъ для запаха, и наконецъ запилъ послѣдніе остатки китайскихъ лакомствъ нѣсколькими стаканами шампанскаго, выпитыми за здоровье любезнаго хозяина.

Какъ мы добрались безъ посторонней помощи до своего экипажа и не испортили себѣ основательно желудка, непонятно мнѣ до сегодняшняго дня. Во всякомъ случаѣ моя любознательность, поскольку она касалась китайскаго поварскаго искусства, была вполне удовлетворена. Если китайцы обѣдаютъ такимъ образомъ каждый день, то это просто чудо, что этотъ народъ еще не вымеръ. Я думаю, что тотъ, кто пообѣдаетъ такимъ образомъ поздней осенью, можетъ—предполагая, что онъ не умретъ отъ расстройства желудка—проспать какъ медвѣдь всю зиму.

Когда мы уѣзжали отъ нашего китайца, я не могъ подозрѣвать, что этотъ обѣдъ будетъ послѣднимъ удовольствіемъ на долгіе мѣсяцы, и что я не увижу больше стараго монгольскаго городка. Въ воскресенье утромъ я почувствовалъ себя очень плохо, и вскорѣ у меня началась сильная лихорадка съ головной и спинной болью, кашлемъ и общимъ недомоганіемъ. Это было начало серьезной болѣзни, которая продолжалась двѣ недѣли, и послѣ которой я отправился только черезъ три мѣсяца; теперь продолжать путешествіе было очень трудно. Прежде, по крайней мѣрѣ, здоровое тѣло могло бороться со всѣми неудобствами, вызываемыми путешествіемъ по такой странѣ, а теперь у меня оставались только энергія, желаніе и — хининъ.

Нѣтъ надобности, конечно, рассказывать о тѣхъ страданіяхъ, которыя мнѣ пришлось перенести въ Троицко-савскѣ, прикованному къ постели болѣзнию въ комнатѣ пекаря Клембовскаго. Записокъ о томъ плохомъ времени у меня не осталось, однако я слѣдующимъ образомъ ри-

свалъ свое положеніе въ письмѣ посланномъ тогда на родину:

„Лежать больнымъ дома, въ порядочной кровати съ чистымъ бѣльемъ, съ хорошимъ уходомъ — это еще ничего. Но здѣсь лежишь на твердомъ полу одѣтый, съѣдаемый клопами, это уже совсѣмъ плохо. Постелью для меня служили только тулупъ, да грязное шерстяное одѣяло. И гдѣ бы я ни лежалъ, на полу, на столѣ или на твердой постели, всюду меня преслѣдовали насѣкомыя. Въ первые дни я пытался лѣчиться при помощи дорожной аптеки; узнавъ, что въ городкѣ есть докторъ, я попросилъ его придти, и онъ вылѣчилъ меня наконецъ отъ лихорадки большими дозами хинина, такъ что черезъ 12 дней я, хотя и съ трудомъ, могъ стоять на ногахъ.

На собственномъ опытѣ постигъ вполне, что приходится переносить бѣдному ссыльному, если онъ заболѣетъ во время переѣзда въ этапъ. И при этомъ приходится еще терпѣть недостатокъ въ пищѣ и вдыхать отравленный воздухъ камеры. Инымъ приходится еще переносить тяжесть цѣпей, какъ напр. политическому ссыльному Чарушину, съ которымъ я познакомился въ Нерчинскѣ; даже во время самага опаснаго тифа ему не сняли ножныхъ кандаловъ.

15 октября мы выѣхали изъ Троицкосавска въ Селенжинскъ; такъ какъ я чувствовалъ себя очень плохо, и болѣзнь могла снова возвратиться, то я думалъ, что пребываніе на открытомъ воздухѣ и въ тряскомъ экипажѣ будетъ все-таки лучше, чѣмъ въ холодной переполненной насѣкомыми комнатѣ. До вечера проѣхали мы около 100 километровъ, переночевали на станціи Поворотной; на утро продолжали свой путь дальше, и скоро прибыли въ Селенжинскъ.

Это жалкая бурятская деревенька, въ которой проживали также трое политическихъ ссыльныхъ, очень меня

интересовавшіе. Съ ними мнѣ очень хотѣлось поговорить. Это были Константинъ Шамаринъ, студентъ изъ Екатеринбургa, грузинъ Кордаташовъ и госпожа Брешевская, молодая, образованная дама изъ Кіева. Послѣдніе побывали и въ Карійскихъ рудникахъ, и мнѣ хотѣлось посоветоваться съ ними, какъ удобнѣе туда поѣхать, и узнать у нихъ каковы тамошніе чиновники.

Сначала посѣтилъ я Шамарина. Это былъ красивый юноша, лѣтъ 20, средняго роста, съ хорошими манерами. Лицо у него было радушное, открытое, располагающее. Исторія его страданій ярко иллюстрируетъ отношеніе русскаго правительства къ гражданамъ, заподозрѣннымъ, — основательно или нѣтъ, — въ неблагонадежности.

Еще студентомъ онъ былъ арестованъ какъ бунтовщикъ. До суда его продержали три года въ Петропавловской крѣпости. Обвиненіе же, предъявленное ему на судѣ, было такъ ничтожно, что онъ былъ приговоренъ только къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Шамаринъ могъ, конечно, надѣяться, что по истеченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, его, наконецъ, освободятъ. Однако правительство нашло нужнымъ выслать его административнымъ порядкомъ въ Баргузъ, бѣдную деревушку въ Забайкальѣ.

Лѣтомъ 1881 года онъ пытался бѣжать вмѣстѣ съ тремя другими ссыльными, между ними были и Брешевская. Они думали добраться къ Великому океану, и тамъ сѣсть на американскій корабль. Но побѣгъ окончился неудачей, и въ наказаніе его сослали въ якутскій улусъ, гдѣ съ нимъ, между прочимъ, познакомились участники американской экспедиціи для спасенія оставшихся въ живыхъ путешественниковъ „Жанетты“. Въ 1882 году онъ получилъ разрѣшеніе поселиться въ Селенжинскѣ. Осенью 1884 года окончился срокъ его ссылки, но у него не было средствъ ѣхать домой. Русское правительство ничуть не заботится о

томъ, какимъ образомъ возвращаются назадъ административно ссыльные по истеченіи срока ссылки.

Правда, имъ разрѣшается примыкать къ возвращающимся въ Россію транспортамъ отбывшихъ срокъ наказанія преступниковъ. Но эти партіи не находятся въ такой же правильной связи съ солдатскими эспортами изъ этапныхъ пунктовъ, какъ тѣ, что идутъ изъ Россіи, а потому онѣ движутся впередъ чрезвычайно медленно. Инспекторъ завѣдующій транспортировкой въ Восточную Сибирь ссыльно-поселенцевъ, полковникъ Загаринъ, рассказывалъ мнѣ какъ-то, что подобныя партіи нерѣдко проходятъ разстояніе отъ Иркутска до Томска, приблизительно 1600 километровъ, въ десять мѣсяцевъ. Страстное желаніе вернуться на родину заставляетъ лишь немногихъ изъ отбывшихъ срокъ наказанія политическихъ ссыльныхъ отважиться провести годъ по этимъ грязнымъ, вонючимъ, наполненнымъ паразитами этапамъ. Они обыкновенно предпочитаютъ оставаться въ Сибири до тѣхъ поръ, пока какимъ-нибудь образомъ имъ не удастся собрать необходимую на проѣздъ сумму. Я помогъ одному политическому ссыльному возвратиться домой, купивъ у него за 100 рублей гербарій сибирскихъ растений. Охотно помогъ-бы я также и Шамарину, но онъ въ это время не нуждался въ моей помощи; онъ работалъ уже въ теченіе года въ Селенгинскомъ архивѣ, гдѣ приводилъ въ порядокъ и составлялъ опись всѣхъ документовъ, скопившихся здѣсь за сто тридцать лѣтъ. Онъ надѣялся скоро получить отъ губернатора сумму, которая покрывала бы путевыя издержки при проѣздѣ на родину.

Въ Селенжинскѣ, какъ и вездѣ въ Сибири, переписка политическихъ ссыльныхъ находится подъ обычнымъ контролемъ полиціи. Отбывши срокъ своей ссылки, Шамаринъ могъ надѣяться, что впредь будетъ освобожденъ отъ этого стѣсненія, и подалъ губернатору прошеніе. Несмотря на свое законное ходатайство, онъ все таки не добился

удовлетворенія. Безстыдное насиліе, гнуснѣе котораго трудно себѣ что-нибудь представить.

Наша бесѣда съ Шамаринымъ была прервана появленіемъ госпожи Брешевской. Это была особа лѣтъ тридцати, съ умнымъ, энергичнымъ, даже, пожалуй, красивымъ выраженіемъ лица, не безъ отпечатка перенесенныхъ страданій. Въ ея густыхъ черныхъ волосахъ, коротко остриженныхъ, проглядывали кое-гдѣ преждевременныя серебристыя пряди. Ничто, однако, не могло поколебать мужества и убѣжденій этой отважной женщины. У себя дома и въ Цюрихѣ она получила превосходное образованіе и воспитаніе, говорила по нѣмецки, французски и англійски, была хорошей музыканшей. Дважды ее ссылали въ Карійскіе рудники, послѣдній разъ за вышеупомянутую попытку бѣжать. По отбытіи наказанія отправили въ убогую бурятскую деревушку Селенжинскъ на поселеніе.

Въ окрестностяхъ не было ни одной образованной женщины, съ которою она могла бы хоть какъ-нибудь сойтись; еженедѣльно отъ правительства ей выдавалось по два рубля на прожитіе; переписка, конечно, находилась подъ самымъ строгимъ контролемъ полиціи; на всю жизнь она была оторвана отъ семьи и друзей. Все ея будущее заключалось, быть можетъ, лишь въ нѣсколькихъ годахъ жизни, полной лишеній и горя, да еще, наконецъ, въ одинокой могилѣ съ простымъ деревяннымъ крестомъ гдѣ-нибудь на пустынномъ кладбищѣ Селенжинска. И ни одинъ взглядъ никогда не остановится съ любовью на этой могилѣ... И все таки мужество, надежда и вѣра въ лучшее будущее Россіи твердо сохранились въ сердцѣ этой несчастной женщины. „Пусть мы умремъ въ ссылкѣ, — говорила она мнѣ на прощаніе, — пусть та же участь постигнетъ нашихъ дѣтей и внуковъ, но не напрасны будутъ эти жертвы!“

Съ тѣхъ поръ я больше ничего не слышалъ о госпожѣ Брешевской, не знаю даже, жива-ли еще она. Но когда я

Задумываюсь надъ ея прощальными словами, то мнѣ всегда вспоминается, что эта женщина первая изъ людей дала мнѣ ясно понять сущность силы, мужества и самопожертвованія. Подобныя бесѣды лучше всякаго лекарства укрѣпили мой разбитый организмъ. Что значили всѣ мои печали и лишенія въ сравненіи съ тѣми, какими геройски переносились людьми *во имя блага ихъ родного народа!*

Въ пятницу 16 октября, послѣ обѣда мы выѣхали изъ Селенжинска и черезъ 24 часа добрались до уѣзднаго города Верхнеудинска. Разстояніе между этими городами ровно почти 170 километрамъ. Было холодно, и тряска телѣгъ сильнѣе и рѣзче ощущалась при моемъ состояніи. Но все же, благодаря холодному воздуху, дѣйствовавшему на меня весьма укрѣпляюще, я чувствовалъ себя не хуже, чѣмъ во время отъѣзда изъ Троицкосавска. Въ воскресенье утромъ я представился исправнику; онъ отнесся очень сочувственно къ моей просьбѣ, и мы условились отправиться въ старую тюрьму въ тотъ же день послѣ обѣда.

Это было старое, ветхое деревянное зданіе, выстроенное на правомъ гористомъ берегу Селенги, приблизительно въ полутора километрахъ за городомъ. Тюрьмою этой пользовались какъ для предварительнаго такъ и для срочнаго заключенія и въ то-же время она была этапнымъ пунктомъ. Эта тюрьма мало отличалась отъ другихъ сибирскихъ построекъ подобнаго типа, только показалась мнѣ нѣсколько болѣе высокой, да возлѣ каждой камеры были устроены галереи съ крутыми лѣстницами; это приспособленіе имѣло, по всей вѣроятности, одну цѣль, — именно увеличить поверхность для установки коекъ. Мнѣ показалось, что въ ожиданіи нашего посѣщенія въ тюрьмѣ была произведена основательная чистка. Часть арестантовъ были на прогулкѣ во дворѣ, окна тюрьмы были настежь открыты; полы хотя и не отличались особенной чистотой, но все же не были и

совсѣмъ грязны. Тюрьма была рассчитана на 170 человѣкъ, но во время нашего посѣщенія въ ней находилось 250; нерѣдко позднею осенью и зимою, по словамъ исправника, это число увеличивается втрое. Арестанты лежатъ тогда, сбившись въ кучу, на нарахъ и подъ ними, на полахъ, въ корридорахъ и даже на дворѣ. Представьте себѣ только положеніе людей, когда въ помѣщеніи, рассчитанномъ на 170 человѣкъ, содержится ихъ 700! И въ особенности зимой, когда окна не открываются, такъ какъ въ противномъ случаѣ замерзаютъ лежащіе вблизи ихъ люди. На это возмутительное явленіе, впрочемъ, было уже указано русскимъ офицеромъ Орфановымъ въ его книгѣ, одобренной цензурой. Вотъ что мы читаемъ здѣсь:

„Первая тюрьма въ Забайкальѣ находится въ Верхнеудинскѣ за городомъ. Расположена она на крутомъ берегу Селенги, въ которую, саженьхъ въ 5—6 ниже, спускаются всѣ тюремныя нечистоты. Первое, что вы чувствуете при приближеніи къ этому мѣсту—это невыносимое, отвратительное зловоніе. Сама тюрьма представляетъ собою старое деревянное двухэтажное зданіе, рассчитанное на 140 человѣкъ *). Въ теченіе моего пребыванія въ Сибири, мнѣ часто представлялись случаи посѣщать эту тюрьму, — никогда тамъ не бывало меньше 500, а очень часто даже больше 800 арестантовъ. Мнѣ вспоминается осмотръ, который однажды тамъ производилъ забайкальскій губернаторъ. Я сопровождалъ его. Дѣло было зимою. Рано утромъ губернаторъ отправился въ тюрьму и приказалъ отворить наружныя двери корридора. Но онъ вынужденъ былъ сейчасъ же выйти наружу, такъ какъ на него сразу понесло невѣроятнымъ зловоніемъ. До сихъ поръ арестанты очень неохотно, но

*) Исправникъ показалъ намъ это число равнымъ 170, но мнѣ думается что приводимыя данныя болѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

все же сознавались, что их содержат хуже скота. Только послѣ того, какъ раскрыли двери и окна и сквозной вѣтеръ значительно освѣжилъ воздухъ, губернаторъ вошелъ внутрь корридора. Первое, что онъ увидѣлъ, это бадью, въ углу, переполненную нечистотами; черезъ потолокъ просачивалось содержимое другой подобной бадьи. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ тутъ же лежали шесть человѣкъ. Губернаторъ пришелъ въ ужасъ:—Помилуйте! Какъ могутъ люди ночевать здѣсь при такихъ условіяхъ,—возмутился онъ. Досталось и начальнику тюрьмы и другимъ чиновникамъ, но положеніе тюремъ отъ этого нисколько не измѣнилось..“

Я привелъ эту длинную выдержку для того, чтобы наглядно доказать, что упреки по моему адресу въ сгущеніи красокъ описанныхъ мною тюремъ несправедливы.

И въ этой ужасной тюрьмѣ изъ году въ годъ томилось много образованныхъ мужчинъ и женщинъ, сосланныхъ сюда въ Забайкалье, въ качествѣ политическихъ преступниковъ. Такъ, напримѣръ, госпожѣ Брешевской на пути въ Карійскіе рудники и обратно четыре раза пришлось сидѣть здѣсь. Меня чрезвычайно обрадовало, когда я узналъ, что въ этомъ баракѣ скоро уже не будетъ надобности.

Еще при нашемъ прибытіи мы замѣтили новую почти законченную большую постройку, которая, какъ оказалось, предназначалась подъ этапную тюрьму. Исправникъ рассказалъ намъ, что ея уже можно было бы воспользоваться, и что вся задержка происходитъ лишь оттого, что пока не хватаетъ солдатъ для ея охраны.

Мы отправились затѣмъ во вновь построенную тюрьму. Это было громадное, четырехъ этажное высокое зданіе съ обширными боковыми пристройками, большимъ дворомъ и отдѣльными корпусами для солдатъ и политическихъ заключенныхъ. Камеры были высоки и свѣтлы, воздуху много; изъ оконъ верхняго этажа открывался видъ на окрестно-

сти. Корридоры были широки, каменные лѣстницы снабжены перилами. Вся постройка обошлась около 200,000 рублей и была рассчитана на 440 арестантовъ. Я не могъ не сказать исправнику, что нигдѣ въ дѣлой Россійской имперіи мнѣ не пришлось видѣть такой прекрасно оборудованной тюрьмы.

— Да!—отвѣчалъ онъ—и это продолжится до тѣхъ поръ, пока она не будетъ переполнена. Въ старой тюрьмѣ намъ часто приходилось помѣщать до 700 арестантовъ, боюсь, что въ новой придется помѣщать до 3,000; ну, а тогда, конечно, старое зло обнаружится и здѣсь.

Не знаю, подтвердилось ли опасеніе верхнеудинскаго исправника. Во всякомъ случаѣ моя похвала не была простымъ комплиментомъ. Тюрьма, дѣйствительно, была лучшая изъ всѣхъ, какія я видѣлъ въ Россіи—исключая развѣ петербургской—и для меня отрадно было увидѣть хоть малѣйшій признакъ того, что русское правительство не совсѣмъ уже безчувственно къ страданіямъ сосланныхъ въ Сибирь.

Въ понедѣльникъ покинули мы Верхнеудинскъ и отправились въ главный городъ Забайкальской области, находящійся приблизительно на разстояніи 480 километровъ отсюда. Погода была холодная, въ особенности это давало себя знать ночью; небо было ясное и снѣгъ еще не шелъ. Вначалѣ дорога шла между двухъ цѣпей холмовъ по плоской, пустынной и безплодной долинѣ Уды. Деревья стояли голыя, не видно было ни одного цвѣточка, если не считать коегдѣ попадающихся, склонившихся отъ мороза, одуванчиковъ. Всюду уже замѣчались признаки приближающейся суровой зимы. Мы ѣхали днемъ и ночью, останавливаясь только иногда, чтобы осмотрѣть буддійскій монастырь или одну изъ новыхъ пересыльныхъ тюремъ. Правительство какъ разъ въ послѣднее время ассигновало 300 или 400 тысячъ рублей на постройку новыхъ пересыльныхъ тюремъ въ Забайкальѣ. Мало одобренія заслуживаютъ чиновники за

постройку этихъ новыхъ пересыльныхъ тюремъ; сравнительно же съ состояніемъ этапныхъ пунктовъ между Томскомъ и Иркутскомъ они показались мнѣ значительно лучше.

Въ четвергъ 22 октября мы выѣхали со станціи Домноключевской, приблизительно въ 80 километрахъ отъ Читы; дорога шла по высокой горѣ, служащей водораздѣломъ между рѣками, впадающими въ Сѣверный Ледовитый океанъ и Великій океанъ. Мы почувствовали себя ближе къ родинѣ, если принимать въ расчетъ разстояніе на востокъ, а не на западъ. Въ дальнѣйшихъ деревняхъ мы уже всюду встрѣчали вещи, привезенныя изъ Калифорніи. Цинковая посуда, фонари, консервы; при видѣ всего этого мнѣ казалось, что съ какой-нибудь вершины я увижу Санъ-Франциско и Золотыя Ворота.

Уставшіе, промерзшіе и голодные мы прибыли въ полдень въ Читу и остановились въ гостиницѣ „Петербургъ,“ которую содержалъ одинъ ссыльный полякъ.

Чита, какъ мы уже упоминали, главный городъ Забайкалья, мѣстопробываніе губернатора. Въ немъ около 4000 жителей. Живутъ они въ далеко другъ отъ друга разбросанныхъ домахъ. Въ городѣ есть библіотека, хорошая народная школа и большое зданіе, въ которомъ бывають иногда театральныя представленія. Такимъ образомъ, и въ общественномъ значеніи, Чита можетъ считаться важнѣйшимъ городомъ области.

Въ исторіи русской ссылки Чита сыграла важную роль. Въ первую четверть нашего столѣтія сюда были сосланы декабристы, молодые дворяне, которые въ декабрѣ 1825 года, во время восшествія на престолъ Николая, сдѣлали попытку низвергнуть прежнюю систему абсолютизма и ввести конституціонный строй. Существуютъ еще двѣ тюрьмы, въ которыхъ жили эти люди. Одна изъ нихъ—теперь столярная мастерская—служила позже сборнымъ

пунктомъ для людей, боровшихся за тѣ же идеалы и пострадавшихъ за нихъ.

Во время нашего посѣщенія въ Читѣ въ ссылкѣ находилось нѣсколько интересныхъ лицъ. У насъ къ нимъ были рекомендательныя письма, которыми насъ снабдили ихъ товарищи по ссылкѣ изъ другихъ мѣстъ Сибири. Насъ встрѣтили радушно и довѣрчиво. Нѣсколько осеннихъ вечеровъ мы провели въ ихъ славной средѣ. Мы просили ихъ рассказать о Россіи, Петропавловской крѣпости, о харьковской тюрьмѣ и Карійскихъ рудникахъ.

Вслѣдствіе отсутствія губернатора, мы не могли получить непосредственнаго позволенія посѣтить Карійскіе золотые пріиски. Однако, его замѣститель, казалось, не имѣлъ ничего противъ посѣщенія нами Кары. Онъ обѣщалъ намъ снести съ тамошнимъ комендантомъ и далъ, кромѣ того, свою визитную карточку. Я сомнѣвался, что намъ такъ легко удастся попасть въ знаменитыя Карійскія тюрьмы; но такъ какъ ничего болѣе нельзя было добиться, мы выѣхали изъ Читы 24 октября въ рудники, отстоявшіе въ 500 километрахъ.

Въ Забайкальской пустынѣ, на разстояніи почти 8000 километровъ отъ Петербурга и 1600 километровъ отъ Великаго океана, въ безлюдной долинкѣ между отрогами Яблоновыхъ горъ, среди золотыхъ пріисковъ, извѣстныхъ въ Россіи подъ именемъ „Карійскихъ рудниковъ“ устроены нѣсколько тюремъ и основаны каторжныя поселенія для тяжкихъ преступниковъ. Если становится извѣстно, что царь помиловалъ приговореннаго къ смерти нигилиста то, безъ сомнѣнія, что вышеуказанное наказаніе замѣняется ссылкой въ каторжныя работы и именно въ Карійскіе рудники.

Двѣ трети пути отъ Читы до Кары приходится ѣхать по хорошей почтовой дорогѣ, сначала въ долинкѣ Ингоды, а потомъ по лѣвому берегу Шилки, притока Амура. По-

слѣдня, начиная отъ Срѣтенска, становится судоходной, и здѣсь же оканчивается почтовая дорога; отсюда сообщеніе съ Карійскими рудниками поддерживается лѣтомъ на судахъ, а зимой на саняхъ по льду. Весною и осенью, во время ледохода, Карійскіе рудники часто по цѣлымъ недѣлямъ отрѣзаны отъ остальнаго міра, и тогда туда можно попасть только по очень трудной и опасной дорогѣ, идущей вдоль берега рѣки по крутымъ лѣсистымъ горамъ. Мы надѣялись попасть въ Срѣтенскъ еще во время, чтобы дальше отправиться внизъ по теченію на лодкѣ. Когда мы выѣзжали изъ Читы это казалось вполне вѣроятнымъ. Но погода вдругъ измѣнилась, началъ идти снѣгъ, наступили холода, и когда въ среду утромъ мы добрались до берега Шилки противъ Срѣтенска, зима была уже въ полномъ разгарѣ. Термометръ показывалъ нуль градусовъ по Фаренгейту (около 14° мороза по Реомюру), наши тулупы и шерсть лошадей были покрыты ледяной корой. По Шилкѣ шелъ ледъ, дѣлавшій невозможнымъ какое либо сообщеніе. Съ большой опасностью пытался паромъ изъ Срѣтенска переѣхать черезъ рѣку, и нѣсколько крестьянъ, собравшись вокругъ огня на нашемъ берегу, смотрѣли туда съ ожиданіемъ. Они надѣялись, что имъ удастся уговорить перевозчиковъ возвратиться съ ними въ Срѣтенскъ; мы присоединились къ нимъ.

Въ продолженіе четверти часа мы наблюдали, какъ приходилось бороться парому съ ледяными глыбами, и рѣшили, что при такихъ обстоятельствахъ, даже въ томъ случаѣ, если бы перевозчикъ согласился, было бы очень рискованно переѣзжать широкою, покрытую льдомъ рѣку. И мы отправились искать пристанища на ночь у сосѣднихъ крестьянъ. Они охотно предложили намъ ночлегъ, въ томъ случаѣ если мы согласимся спать на землѣ, вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ. Мы страшно устали и промерзли, а потому были не разборчивы; да къ тому же мы такъ уже привыкли къ ночевкамъ на землѣ, что лучшая

постель, пожалуй, вызвала бы наше недоумѣніе... Мы размѣстили свой багажъ и, спустя нѣкоторое время, сидѣли и пили чай въ первой приличной горницѣ, какую мы видѣли со времени отъѣзда изъ Нерчинска.

Насъ занималъ теперь вопросъ, какимъ образомъ намъ добраться до Карійскихъ рудниковъ. Ёзда по рѣкѣ врядъ ли была возможна раньше двухъ или трехъ недѣль, а такъ долго мы не могли ждать: на это у насъ не хватало ни времени, ни терпѣнія. Туда возможно было попасть только верхомъ черезъ горы. Крестьянинъ сообщилъ намъ, что на этомъ берегу есть нѣсколько лошадей, но владѣлецъ ихъ живетъ въ Срѣтенскѣ. Переѣзжать черезъ рѣчку во время сильнаго ледохода было небезопасно, но нашъ хозяинъ думалъ, что ему самому, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ людей, удастся благополучно переправить насъ на тотъ берегъ.

Въ четвергъ утромъ мы рѣшили попытать счастья. По рѣкѣ шелъ ледъ; у береговъ ея вода замерзла метровъ на 30—40, причемъ ледъ чѣмъ дальше отъ берега становился все тоньше. Захвативъ съ собою лодку, мы осторожно двинулись по льду, готовые каждое мгновеніе вскочить въ лодку, если подъ нашими ногами проломится ледъ. Метрахъ въ 5 отъ воды ледъ, дѣйствительно, потрескался, съ шумомъ разбившись на куски.—Въ лодку!—взволнованно крикнулъ крестьянинъ. Мы быстро впрыгнули; лодка сильно закачалась, но, къ счастью, не опрокинулась. Спустя мгновеніе наша лодка неслась внизъ по теченію, среди ломающихся съ трескомъ льдинъ, и мы изо всѣхъ силъ старались отталкивать ихъ веслами и кирками. Два человѣка сѣли на весла, крестьянинъ взялся за руль, ловко управляя имъ. Насъ снесло теченіемъ почти на цѣлый километръ, прежде чѣмъ мы достигли другого берега. Здѣсь рѣчка тоже была покрыта слоемъ льда, и пристать къ берегу было также небезопасно, такъ какъ ледяныя глыбы

могли раздавить или опрокинуть нашу лодку. Съ трудомъ удалось намъ наконецъ пристать къ берегу, что не обошлось, безъ приключеній: высаживаясь изъ лодки, я по поясъ погрузился въ воду. Никого не дожидаясь, я поспѣшилъ въ городъ, тѣмъ болѣе, что холодное, несвоевременное купанье могло при моемъ нездоровьѣ окончиться плохо.

Остановившись въ первомъ попавшемся мѣстѣ, я просушилъ свое платье и обогрѣлся. Потомъ послалъ телеграмму о нашемъ мѣстопребываніи секретарю американскаго посольства въ Петербургъ и отправился нанимать лошадей, покупать сѣдла и позаботиться о проводникѣ и еще кое о чемъ. Послѣ обѣда я возвратился тѣмъ же опаснымъ путемъ въ домъ къ крестьянину.

Въ пятницу утромъ осѣдлали мы лошадей и отправились на Кару. Весь нашъ багажъ составляли наши дорожные одѣяла, письма, немного провизіи и фотографическій аппаратъ. Погода опять сдѣлалась теплѣе, и термометръ показывалъ 18° по Фаренгейту (около 7° мороза по Реомюру); но небо было пасмурное и шелъ густой снѣгъ, что меня немного обезпокоило; достигнувъ первой вершины, мы увидѣли передъ собою всю снѣжную пустыню горъ, которую намъ нужно было проѣхать. Впрочемъ, безпокойство было не безъ основанія. Я еще не оправился послѣ перенесенной болѣзни и боялся, что путешествіе верхомъ въ 130 километровъ, въ холодное зимнее время, совсѣмъ изнуритъ меня, кромѣ того мы не запаслись всѣмъ необходимымъ для такого путешествія. Мы рассчитывали плыть по Шилкѣ, и, благодаря этому, позабыли застись спальными мѣховыми мѣшками. Наши полушубки были такъ коротки, что не закрывали колѣни; башлыковъ у насъ не было, а валенки у насъ были такъ велики, что мы не могли вдѣть ноги въ стремяна и должны были отказаться или отъ валенокъ или отъ стремянъ. Но къ нашему счастью горная тропинка вначалѣ была не очень трудная и погода

не очень холодная. Мы проѣхали болѣе 30 километровъ, не почувствовавъ особенной усталости.

Ночь провели мы въ Ломи, деревушкѣ на берегу Шилки. Переночевали мы въ крестьянской избѣ, конечно, на полу, рядомъ съ двумя взрослыми и пятью дѣтьми.

Въ субботу утромъ мы отправились дальше на свѣжихъ лошадяхъ и съ другимъ проводникомъ. За ночь погода сдѣлалась лучше, но стало холоднѣе. Наши лошади покрылись инеемъ, а изъ ноздрей у нихъ висѣли ледяныя сосульки.

Отсюда дорога пошла гораздо труднѣе. Тропинка извивалась по крутымъ, пустыннымъ высотамъ, уклонялась иногда на сѣверъ, чтобы обойти овраги или пропасти, вела черезъ крутизны и скалы, возвывавшіяся надъ покрытой льдомъ Шилкой. Стоило только лошади хоть немножко поскользнуться или споткнуться, и мы полетѣли бы въ пропасть. Считалось за особенное счастье проѣхать благополучно всю дорогу. Наши лошади не были подкованы на шипы, а на дорогѣ иногда попадался покрытый снѣгомъ ледъ; поэтому на крутыхъ спускахъ, хотя бы при самой тщательной предосторожности, мы не были увѣрены, что здѣсь лошадь сможетъ твердо стоять. Оба слѣдующіе дня намъ пришлось идти рядомъ съ лошадьми для большей безопасности, такъ какъ, при столь затруднительной дорогѣ и жестокомъ холодѣ, невозможно было усидѣть въ сѣдлѣ.

Это трехдневное путешествіе, частью верхомъ, частью лѣшкомъ, при довольно низкой температурѣ окончательно обезсилило меня, и когда въ воскресенье поздно вечеромъ мы пріѣхали въ деревушку Шилкино, біеніе моего пульса показывало, что я физически совершенно изнемогъ. Но самое худшее уже миновало: мы были у цѣли. Самое южное каторжное поселеніе, „Устье Кары,“ находилось въ 18 километрахъ отъ Шилкина, и дорога туда не представ-

ляла особыхъ трудностей. Въ понедѣльникъ въ полдень мы пріѣхали, наконецъ, въ деревню, расположенную у устья Кары; мы остановились отдохнуть у одного крестьянина, знакомаго нашего проводника.

Рудники на Карѣ составляютъ частную собственность царя. Мы находимъ тамъ прежде всего рядъ золотыхъ пріисковъ, расположенныхъ на неравныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ вдоль берега небольшой, но быстрой рѣчки Кары; рѣчка эта начинается на водораздѣлѣ у Яблоновыхъ горъ, около 70 километровъ протекаетъ въ юго-восточномъ направленіи и впадаетъ наконецъ въ Шилку между Срѣтенскомъ и устьемъ Аргуни.

«Кара» по-татарски значитъ — черная; — это названіе относилось вначалѣ только къ рѣчкѣ, но позже его стали употреблять какъ названіе всего округа, рудниковъ, тюремъ, колоній преступниковъ; но послѣднія кромѣ того имѣютъ свои особые названія. По рѣчкѣ по направленію съ сѣвера на югъ слѣдуютъ: Устье Кары, Нижняя тюрьма, тюрьма для политическихъ, Нижніе пріиски, Средняя Кара, Верхняя Кара и Верхняя или Амурская тюрьма.

Все управленіе сконцентрировано у Нижнихъ пріисковъ; здѣсь живетъ начальникъ тюремъ для обыкновенныхъ преступниковъ, здѣсь же находится колонія преступниковъ съ 200—300 заключенныхъ, а также казармы для двухъ ротъ солдатъ. Это мѣсто казалось мнѣ наиболѣе подходящимъ для нашего мѣстопребыванія, такъ какъ здѣсь мы были по близости отъ начальника тюремъ, безъ согласія котораго мы ничего не могли предпринять, да къ тому же отсюда было всего полчаса ходьбы къ политическимъ заключеннымъ, которые меня больше всего интересовали. Въ Устьѣ Кары мы отпустили лошадей и проводника, а сами, отдохнувъ, отправились въ экипажѣ на Нижніе пріиски. Дорога шла вверхъ по лѣвому берегу Кары, по незначительной долинь, окруженной холмами, поросшими молодымъ, хвой-

нымъ лѣсомъ. На землѣ валялись всюду большіе куски хряща и глыбы песку, уже давно использованные для добыванія золота.

Въ сумерки пріѣхали мы въ Нижніе пріиски. Это была довольно большая деревня. Невысокія деревянныя хижины были безпорядочно разбросаны, тутъ же находились длинныя бревенчатыя зданія, служащія казармами, офицерскія жилища, крытыя желѣзомъ, и старая тюрьма, по внѣшнему виду вполне похожая на другія сооруженія подобнаго рода, встрѣчающіяся въ Восточной Сибири. Эти зданія расположены были довольно правильно по широкимъ улицамъ и большимъ площадямъ, они рѣзко отличались отъ запущенныхъ деревянныхъ лачугъ преступниковъ. На обширной площади, гдѣ находились казармы и тюрьма, какъ разъ работали на постройкѣ около 50 арестантовъ въ своихъ сѣрыхъ армякахъ съ желтыми лоскутками на спинѣ. Ихъ охранялъ вооруженный отрядъ казаковъ, которые стояли, опираясь на берданки. Въ небольшомъ разстояніи отсюда тлѣлся костеръ, надъ нимъ висѣлъ чайникъ, а вокругъ лежали въ небрежныхъ позахъ около дюжины казаковъ. Занесенная снѣгомъ площадь, неохотно работающіе преступники, казачья стража и лежащіе вокругъ огня солдаты — все это въ холодныхъ, пасмурныхъ сумеркахъ осенняго вечера произвело на меня тяжелое подавляющее впечатлѣніе.

Мы отправились прежде всего къ начальнику тюремъ, чтобы представиться ему и разспросить, гдѣ мы можемъ остановиться. Начальникъ, майоръ Потуловъ, статный мужчина 50 лѣтъ, принялъ насъ очень радушно и заявилъ, что онъ уже извѣщенъ исполняющимъ обязанности губернатора Читы о нашемъ пріѣздѣ, но онъ думалъ, что мы отказались отъ нашего плана, такъ какъ по Шилкѣ нельзя было проѣхать. Ему казалось невѣроятнымъ, что иностранные путешественники находили интереснымъ путешествовать въ такую погоду и по столь опасной дорогѣ.

Но онъ былъ радъ насъ видѣть и гостепріимно предложилъ намъ пріютъ въ своемъ домѣ. Я поблагодарилъ его и замѣтилъ, что мы вовсе не хотимъ стѣснять его; мы были бы очень довольны, если бы онъ былъ настолько добръ, что указалъ бы намъ, гдѣ мы можемъ найти пристанище. Улыбаясь онъ объяснилъ намъ, что въ Карѣ есть только жилища, которыя правительство сочло нужнымъ устроить для убійцъ, воровъ и поддѣльвателей, а посему мы можемъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ принять его предложеніе, и что у него мы будемъ хорошо себя чувствовать. Это было, конечно, очень мило съ его стороны, но, принимая во вниманіе цѣль нашего путешествія, предстоящая перспектива была для насъ неудобна, такъ какъ въ его домѣ мы нѣкоторымъ образомъ постоянно будемъ подъ его наблюденіемъ, и намъ едва ли возможно будетъ имѣть сношенія съ политическими преступниками. Мы вынуждены были, однако, въ силу необходимости принять его предложеніе, и наконецъ то послѣ долгаго промежутка времени очутились въ уютно устроенномъ домѣ, предъ нами снова были большія зеркала, мягкіе ковры, удобная мебель и даже рояль.

Во время нашего пребыванія въ Карской области тамъ находилось около 1800 преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ. Половина изъ нихъ содержались въ тюрьмахъ, остальные же жили въ деревянныхъ лачугахъ и баракахъ.—По подсчету тюремнаго управленія къ концу 1885 года, слѣдовательно спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ нашего пребыванія, тамъ находилось 2507 человекъ. Это число, однако, заключаетъ въ себѣ женщинъ и дѣтей, которыя добровольно послѣдовали за своими мужьями и отцами. Ихъ насчитывали отъ 600 до 800 душъ.

Срокъ наказанія арестанта въ рудникахъ Кары можно раздѣлить на двѣ части. Въ первое время его содержатъ въ тюрьмѣ, и если онъ сумѣетъ здѣсь угодить начальнику его освобождаютъ отъ тюремнаго заключенію въ „вольныя

команды.“ Въ вольныхъ командахъ, хотя онъ все еще приговоренный къ каторжнымъ работамъ преступникъ, хотя все еще получаетъ свои съѣстные припасы, являясь ежедневно въ тюрьму и не смѣетъ шагу ступить безъ разрѣшенія, но онъ можетъ жить съ другими преступниками въ особыхъ баракахъ или перебраться съ семействомъ въ отдѣльную избушку; въ свободное время онъ можетъ работать для себя, и такимъ образомъ пользуется своего рода очень ограниченной свободой. Когда истекаетъ и этотъ срокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается весь срокъ наказанія, преступникъ высылается, какъ ссыльно-поселенецъ въ какое-нибудь мѣсто Восточной Сибири.

Въ то время въ Карской области было 7 тюремъ, расположенныхъ вдоль рѣки Кары почти на 30 километровъ.

Въ поискахъ золота колонія мало-по-малу разрасталась вверхъ по рѣкѣ, и, такъ какъ невозможно было закованныхъ въ кандалы арестантовъ заставлять ежедневно ходить на далекое разстояніе, то многіе изъ нихъ сидѣли въ тюрьмѣ совсѣмъ безъ дѣла. Тюрьмы управлялись цѣлымъ штатомъ надзирателей подъ начальствомъ маіора Потулова; сторожевую службу здѣсь несъ отрядъ казаковъ карійскаго батальона, численностью до 1000 человекъ. Въ вѣдѣніе маіора Потулова не входили лишь двѣ тюрьмы для политическихъ арестантовъ: первая — мужская, близъ такъ называемой «Нижней Золотопромывки», и другая женская, въ Устьѣ Кары. Этими обѣими тюрьмами завѣдывалъ спеціально для этого присланный изъ Петербурга жандармъ кій полковникъ Николинъ. Охрану здѣсь несъ отборный отрядъ жандармовъ, числомъ до 140 человекъ. Политическіе арестанты тоже могли образовывать «вольныя команды», и ко времени нашего прибытія въ такой «командѣ» было человекъ пятнадцать мужчинъ и женщинъ; жили они въ хаткахъ, близъ «Нижней Золотопромывки».

Все это было для насъ своеобразно и ново, и поэтому намъ очень хотѣлось подробнѣе ознакомиться и прибавить многое къ уже видѣнному нами. Прѣжде всего мы намѣревались посѣтить тюрьмы обыкновенныхъ преступниковъ и повидать ихъ самихъ за работой; затѣмъ изучить жизнь политическихъ арестантовъ въ «вольныхъ командахъ» и, наконецъ, посѣтить тюрьмы для «политическихъ» съ цѣлью познакомиться съ образомъ ихъ жизни. При этомъ мы, конечно, не упустили бы случая поговорить съ ними, если бы къ этому представилась возможность. Я не сомнѣвался въ томъ, что первая часть нашихъ стремленій увѣнчается успѣхомъ, что касается второй, то тутъ у меня была лишь надежда на случайность. На удовлетвореніе же третьей и послѣдней части и надеждъ было мало, хотя я твердо рѣшилъ добиться положительныхъ результатовъ.

Я не зналъ, получалъ ли майоръ Потуловъ какія-либо указанія относительно насъ и если получилъ, то какого рода. Онъ однако отнесся къ намъ очень привѣтливо, не задавалъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ; вскорѣ по приѣздѣ я высказалъ ему свое желаніе осмотрѣть тюрьмы и шахты; онъ нисколько не былъ удивленъ и сейчасъ же далъ намъ разрѣшеніе. Даже больше того,—онъ предоставилъ въ наше распоряженіе свой экипажъ и замѣтилъ, что будетъ очень радъ насъ сопровождать.

Ограничусь описаніемъ самой лучшей и самой худшей тюремъ, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною.

Самой худшей безусловно надо назвать тюрьму возлѣ устья Кары. Она лежитъ очень низко, въ болотистой мѣстности, на границѣ колоніи, гдѣ Кара впадаетъ въ Шилку, и построена въ первой половинѣ нашего столѣтія, когда русское правительство впервые начало ссылатъ преступниковъ въ работы на прииски. Тюрьма вмѣстѣ съ огороженнымъ дворомъ представляетъ почти квадратъ со стороною приблизительно, метровъ въ 35. Съ двухъ сто-

ронъ этотъ квадратъ замыкается постройками, а съ двухъ другихъ—массивнымъ и высокимъ частоколомъ. Когда мы приблизились къ воротамъ, караулъ отдалъ честь и обычнымъ крикомъ—старшій!—вызвалъ дежурнаго унтеръ-офицера. На этотъ зовъ поспѣшно вышелъ казачій офицеръ и отворилъ намъ ключомъ изъ громадной связки маленькую дверь, продѣланную въ большихъ воротахъ. Мы вошли.

Нѣсколько арестантовъ съ на половину выбритыми черепами спѣшили черезъ дворъ въ свои камеры. Мы поднялись по нѣсколькимъ ступенямъ, покрытымъ грязью и слизью, и достигли массивной двери, которая вела въ корридоръ. Въ немъ было темно и грязно. Воздухъ тепелъ, влаженъ и насквозь пропитанъ какимъ-то острымъ запахомъ, свойственный вообще сибирскимъ тюрьмамъ. Тотъ, кто хоть разъ почувствовалъ этотъ запахъ, вѣроятно, никогда его ужъ не забудетъ: его рѣшительно ни съ чѣмъ нельзя сравнить. Представьте себѣ спертый воздухъ въ погребѣ, воздухъ изъ котораго удаленъ весь кислородъ, гдѣ каждая частица почти сплошь состоитъ изъ азота, вообразите дальше, что сюда прибавлены еще острия, удушливыя испаренія множества, долго не мытыхъ, тѣлъ, запахъ прѣлаго дерева и человѣческихъ нечистотъ—такова эта атмосфера. Человѣкъ, непривыкшій къ этому воздуху, насыщенному зародышами всевозможныхъ болѣзней, не въ состояніи провести здѣсь ни минуты. Когда мы прошли уже по скользкому полу весь корридоръ, стараясь поменьше вдыхать это зловоніе, кое какъ приспособившись къ этому, Потуловъ обратился ко мнѣ и съ омерзѣніемъ вскричалъ: «Ужасная тюрьма!»

Дежурный, все время шедшій впереди насъ, открылъ теперь массивную деревянную дверь въ первую камеру и крикнулъ:—Смирно!—Такъ обыкновенно тюремщики предупреждаютъ арестантовъ, что офицеръ осматриваетъ камеры.

Мы вошли въ комнату, приблизительно въ 8 метровъ длины, 5 ширины и 3 высоты, рассчитанную на 29 арестантовъ. Воздухъ здѣсь былъ несравненно хуже, чѣмъ въ корридорѣ. Въ камерѣ были два рѣшетчатые окна, но окна не открывались и вентиляціи совершенно не было; стѣны, вѣроятно, были когда-то выкрашены, но теперь отъ массы грязи онѣ совершенно почернѣли; во многихъ мѣстахъ на нихъ виднѣлись слѣды крови раздавленныхъ насѣкомыхъ. Полы были чисто выметены, но къ нимъ крѣпко пристали цѣлые толстые слои грязи. Нары были устроены по тремъ сторонамъ. Арестантамъ приходилось вплотную другъ къ другу спать на голыхъ нарахъ, головами къ стѣнѣ. Кромѣ наръ, каменной печи и «параши» ничего въ комнатѣ не было. Мы пробыли здѣсь только двѣ, три минуты. У меня было только одно желаніе,—поскорѣе бѣжать отсюда: я и до сихъ поръ ясно помню съ какимъ чувствомъ облегченія дышалось мнѣ даже въ вышеупомянутомъ корридорѣ.

Мы быстро прошли остальные семь камеръ тюрьмы, отличавшіяся изрѣдка, то своей величиной, то количествомъ заключенныхъ; повсюду царилъ невыносимый воздухъ. Его послѣдствія ярко иллюстрировались въ больницѣ: здѣсь преобладала цынга, тифъ, малокровіе и чахотка, какъ и въ большинствѣ сибирскихъ тюремныхъ госпиталей. Всякій чиновникъ зналъ источникъ этого зла и ни одинъ не пытался сдѣлать какія-либо улучшенія. Тюремный врачъ сказалъ мнѣ: «круглый годъ свирѣпствуетъ у насъ цынга. Теперь вы осмотрѣли камеры и можете составить о нихъ свое мнѣніе. При этой грязи и переполненіи камеръ неудивительно, конечно, что болѣзни становятся повальными. Теперь у насъ 140 больныхъ, весной это число подымается часто до 250».

Прежде было еще хуже. Въ 1857 году знаменитый Разгильдяевъ захотѣлъ добыть царю изъ золотыхъ приисковъ на Карѣ 100 пудовъ золота. И въ томъ году болѣе 1000

арестантовъ заболѣли и умерли отъ цынги, тифа и переутомленія. Русскимъ царемъ былъ тогда Александръ II—Освободитель,—и можно было бы предположить, что правительство обратитъ немного вниманія на судьбу людей, принужденныхъ при явной опасности для своей жизни, работать въ ужасныхъ рудникахъ, и удѣлить хоть часть добываемыхъ каторжанами денегъ на улучшеніе печального положенія ихъ—ничуть не бывало! Десять лѣтъ спустя, какъ сообщаетъ С. Максимовъ въ своей книгѣ «Сибирь и каторга», положеніе дѣлъ было все то-же, оставались все тѣ же тюрьмы и та же цынга. Посѣтивъ Кару въ 1886 году, спустя 20 лѣтъ, мы также какъ и Максимовъ констатировали, то-же злосчастное положеніе каторжанъ при невыносимыхъ условіяхъ, тѣ же повальные болѣзни, съ той только разницей, что число жертвъ желѣзнаго режима и безчеловѣчной обстановки увеличилось: такъ въ 1886 году больныхъ насчитывается, по официальнымъ даннымъ, до 408, что даетъ въ среднемъ 117 заболѣваній на день.

Но въ официальныхъ отчетахъ отмѣчены далеко не всѣ заболѣванія. Сюда не входятъ больные изъ «вольныхъ командъ», лежащіе у себя дома, а также больные, остающіеся въ камерахъ, въ случаѣ если положеніе ихъ кажется не такъ плохо, или если переполнены госпитали. Нерѣдко случается, что арестантъ въ первой стадіи цынги лежитъ двѣ недѣли въ своей камерѣ, и отъ этого заражаются живущіе вмѣстѣ съ нимъ здоровые арестанты.

Осмотрѣвъ мужскія камеры, мы вышли, наконецъ, снова на свѣжій воздухъ во дворъ; мы перешли дворъ, чтобы зайти въ женскую тюрьму. Это было такое же деревянное зданіе, только гораздо меньшее; въ немъ были двѣ камеры. Онѣ были теплѣе, свѣтлѣе, а также выше другихъ, но въ общемъ немногимъ лучше. Полъ былъ весь въ дырахъ и женщины, вѣроятно, сметали туда всякую дрянъ и нечи-

стоты. Я наклонился, чтобы поближе рассмотреть одну из дыръ, но за темнотою и несшимся оттуда зловоніемъ этого нельзя было сдѣлать, спертый пропитанный гнилью воздухъ былъ до того невыносимъ, что я принужденъ былъ задержать дыханіе. И эти камеры, въ которыхъ жили 48 женщинъ,—нѣкоторыя кромѣ того съ болѣзненными дѣтьми на рукахъ—устроены были не лучше другихъ, здѣсь также не было и признака постелей.

Во время нашего обхода несчастные арестанты осаждали маіора Потулова просьбами и жалобами. Одинъ заключенный, напримѣръ, во время транспорта, какъ говорятъ, въ пьяномъ видѣ обмѣнялся именемъ и долженъ былъ отбывать каторгу, вмѣсто того чтобы поселиться гдѣ-либо ссыльно-поселенцемъ; онъ просилъ выяснить это печальное для него обстоятельство. Другой думалъ, что его должны уже привести въ вольныя команды;—нѣкоторыя, наконецъ, жаловались, что они находятся мѣсяцы въ тюрьмѣ, не зная за что. Многіе обращались ко мнѣ, думая, что мы явились для ревизіи. Чтобы избавить маіора отъ замѣшательства, а арестантовъ, быть можетъ, отъ наказанія, я каждый разъ возможно скорѣе старался разъяснить, что мы ничѣмъ не можемъ имъ помочь, что мы просто путешественники, и только осматриваемъ тюрьму.

Плохое состояніе тюрьмы и жалобы арестантовъ, казалось, разстроили Потулова. Онъ сдѣлался молчаливымъ и вовсе не пытался представить въ лучшемъ свѣтѣ положеніе дѣлъ. Онъ насъ и не спрашивалъ, ни тогда, ни позже, о нашемъ мнѣніи о состояніи тюрьмы, понявъ, каково должно было быть вынесенное нами впечатлѣніе. Въ другомъ замкнутомъ дворѣ находилась женская политическая тюрьма. Однако чтобы посѣтить эту часть нужно было имѣть разрѣшеніе отъ жандармскаго капитана Николина. Изъ того, что я узналъ о ней позже, я заключилъ, что она быть можетъ чище и не такъ переполнена, какъ камеры обык-

новенныхъ преступниковъ, но во многомъ мало гигиенична и удобна.

Во вторникъ послѣ обѣда мы посѣтили тюрьму въ Средней Карѣ. Это была лучшая тюрьма изъ всѣхъ, какія я встрѣтилъ въ этой мѣстности. Она находилась приблизительно въ 5 километрахъ отъ Нижнихъ приисковъ; дорога туда вела вверхъ по правому берегу Кары, по пустынной занесенной снѣгомъ долиноѣ, по которой разбросаны были нѣсколько худыхъ избъ, занятыхъ арестантами изъ вольныхъ командъ. Болѣе жалкихъ жилищъ, чѣмъ эти лачуги, наскоро сколоченныя изъ плавучаго лѣса и досокъ, нельзя себѣ представить. Для меня было совершенно непонятно, какъ могутъ люди проводить суровую сибирскую зиму въ такихъ помѣщеніяхъ. Основаніе—вольныхъ командъ—имѣло цѣлью побудить арестантовъ къ исправленію, дать имъ возможность хорошимъ поведеніемъ улучшить свое положеніе. Я же не думаю, чтобы этимъ поощрялась нравственность, напротивъ! Вольныя команды способствуютъ скорѣе разврату, пьянству и другимъ порокамъ. Вредить нравственности уже то, что женщинамъ и дѣтямъ разрѣшается слѣдовать за своими мужьями и отцами въ Сибирь и жить въ вольныхъ командахъ, отдѣльно отъ приговоренныхъ къ каторгѣ. Правительство помогало этимъ женщинамъ и дѣтямъ, думая, что семья окажетъ облагораживающее вліяніе на арестанта. Но большинство этихъ женщинъ и дѣвушекъ ведутъ въ колоніяхъ преступниковъ порочную жизнь; онѣ здѣсь погибаютъ, если даже жизнь во время этапа не оказала особенно вреднаго вліянія на ихъ нравственность. Арестантъ, попавшій въ вольныя команды въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ охоту уютно устроить свое жилище. Онъ знаетъ, что время его наказанія теперь вѣдь не такъ долго протянется, и его тогда сошлютъ на поселеніе въ какую-нибудь часть Сибири, и труды его пропадутъ даромъ. Такимъ образомъ все его стремленіе—

меньше работать, и насколько это возможно, предаваться порочнымъ наслажденіямъ.

Большая часть арестантовъ нетерпѣливо ждетъ своего назначенія въ вольныя команды только потому, что здѣсь имъ представляется болѣе удобный случай бѣжать. Ежегодно, какъ только наступитъ лѣто, они въ большомъ количествѣ бѣгутъ въ лѣса, а оттуда стараются пробраться къ Байкальскому озеру. Крикъ кукушки служить для нихъ сигналомъ. Поэтого бѣжать на воровскомъ языкѣ сибирскихъ бродягъ значитъ—получить приказъ отъ «генерала Кукушкина».

Ежегодно почти до 300 преступниковъ слѣдуютъ приказу «генерала Кукушкина». Множество арестантовъ Карійской области, убѣжавшихъ весной, къ осени возвращаются обратно, только подъ другими именами. Ихъ снова заковываютъ въ кандалы, но они уже довольны и тѣмъ, что хоть нѣсколько мѣсяцевъ насладились свободой и подышали свѣжимъ воздухомъ лѣсовъ. Многіе арестанты положительно не могутъ обойтись безъ того, чтобы не убѣжать. Какая-то могучая внутренняя сила гонитъ ихъ въ безпредѣльные лѣса и обширныя тайги Восточной Сибири. Они прекрасно знаютъ, что совершенное спасеніе почти невозможно; знаютъ, что какъ преслѣдуемой дичи, имъ приходится бѣжать безъ отдыха и оглядки, что въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ они будутъ питаться одними ягодами да овощами, что ежеминутно имъ грозитъ смерть, и все-таки,—лишь только раздастся первый призывный громкій крикъ кукушки, ужъ ихъ неудержимо гонитъ на волю.

— Я имѣлъ когда-то арестанта въ услуженіи, — рассказывалъ мнѣ одинъ тюремный чиновникъ съ Кары, — который былъ, положительно, профессиональнымъ бродягой и часто бѣгалъ, единственно лишь побуждаемый усвоенной

привычкой. Въ бѣгахъ ему приходилось переносить величайшія невзгоды. Его обыкновенно очень скоро ловили, водворяли обратно, сурово наказывали. Такъ онъ и состарился. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ, тогда онъ былъ уже въ «вольной командѣ», и проситъ посадить его въ тюрьму. Я съ удивленіемъ взглянулъ на него, такъ какъ меня поразило такое странное желаніе, и спросилъ, что онъ затѣваетъ.—Ничего, право ничего!—увѣрилъ онъ,—но вѣдь вы сами знаете, что я бродяга, что я уже часто убѣгалъ и теперь тоже убѣжалъ бы, вѣроятно; но теперь я ужъ состарился и не могу больше, какъ прежде, переносить жизнь въ лѣсахъ. Прикажите, баринъ, посадить меня въ тюрьму, такъ какъ я не совладаю съ собой, когда услышу „генерала Кукушкина“—Я исполнилъ его желаніе и продержалъ его большую часть лѣта за замкомъ. Когда же прошло лѣто, то съ нимъ прошла у него и охота странствовать, онъ успокоился.

Не безъ умиленія слушалъ я этотъ рассказъ о старомъ бродягѣ. Подобно Одиссею, привязывавшему себя къ мачтѣ, чтобы устоять противъ сладкихъ чаръ сиренъ этотъ старикъ добровольно сѣлъ въ тюрьму, чтобы только не поддаться зову кукушки и не уйти въ туманную даль, такъ обольстительно сулящую ему свободу и чувства наслажденія, связанные съ нею.

Возникаетъ вопросъ, какъ же умудрялись удирать такъ усердно охраняемые арестанты. Но, въ сущности говоря, здѣсь несравненно меньше трудностей, чѣмъ кажется. Дома „вольной команды“ не охраняются; нигдѣ не выставляется ни патрулей, ни заставъ, а потому арестанту вовсе не трудно, запасшись предварительно необходимыми для жизни продуктами, собраться ночью въ путь-дорогу. Да при томъ подобные побѣги вовсе не такъ ужъ неприятны тюремнымъ сторожамъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ они лишь выигрываютъ. Скрывая побѣги, они исправно получа-

ють предназначенные убѣжавшимъ платьемъ и припасы, продають поставщикамъ. Такимъ образомъ выходитъ, что правительство дважды покупаетъ и оплачиваетъ однѣ и тѣ же продукты. Для порочныхъ чиновниковъ каждый умершій или бѣжавшій арестантъ есть извѣстный источникъ дохода до тѣхъ поръ, пока представляется возможность скрывать такой случай и считать его имя въ спискахъ. Такимъ образомъ странно было бы и ожидать, чтобы администрація особенно усердно старалась предупреждать попытки къ бѣгству или обращала бы особенное вниманіе на поимку бѣжавшихъ...

Тюрьма у Средней Кары находилась въ колоніи того же имени. Это было не особенно большое одноэтажное бревенчатое зданіе. Фасадомъ оно было обращено на улицу, а остальные стороны, огражденныя высокимъ частоколомъ, образовывали четырехугольный дворъ. По своему внѣшнему и внутреннему устройству эта тюрьма была очень похожа на ту, что лежитъ при устьѣ Кары; только самое сооруженіе не было такъ ветхо, да санитарное ея состояніе было нѣсколько лучше. Во время нашего посѣщенія большая часть здѣшнихъ обитателей были на работахъ на Верхнемъ пріискѣ, а потому я не могъ непосредственно убѣдиться въ томъ, была ли и эта тюрьма переполнена такъ же, какъ и другія. На мой вопросъ по этому поводу маіоръ Потуловъ объяснилъ, что въ настоящее время здѣсь содержатся 107 арестантовъ. Въ данный же моментъ, кромѣ больныхъ, въ тюрьмѣ оставалось еще нѣсколько человѣкъ на кухнѣ и на уборку. Воздухъ и здѣсь тоже былъ тяжелъ, но все же несравненно чище: здѣсь, по крайней мѣрѣ, можно было хоть дышать-то безъ отвращенія. И здѣсь, не было недостатка въ вышеупомянутомъ характерномъ-тюремномъ запахѣ, но мнѣ казалось, что здѣсь хоть заботились о томъ, чтобы сдѣлать его менѣе замѣтнымъ; вѣроятно, съ этою цѣлью на стѣнахъ надъ нарами

были прикрѣплены свѣжіе еловые сучья. Кое гдѣ къ этимъ сучьямъ привѣшены были картонныя дощечки съ цитатами изъ бібліи. Такъ на одной я прочелъ:—«Прійдите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ». — Не знаю, по чьему приказанію навѣшаны здѣсь были эти изреченія: мнѣ казалось, только, что ужъ слишкомъ, много противорѣчія было въ приведенныхъ словахъ и еловыхъ украшеніяхъ съ противнымъ тюремнымъ запахомъ, и жесткими нарами, полными всякихъ паразитовъ.

Нѣкоторыя нары были покрыты толстыми одѣялами, сдѣланными самими арестантами изъ всевозможныхъ локутьевъ. Какое безчеловѣчіе со стороны русскаго правительства, не давать арестантамъ хоть соломенной подстилки тогда, какъ такую роскошью пользуются даже цѣпныя собаки въ цивилизованныхъ странахъ! Проработавъ, какъ волъ, двѣнадцать часовъ, усталый и разбитый, возвращается арестантъ домой, гдѣ его ждетъ жесткая скамья да многообѣщающія слова на грязной стѣнѣ: „Прійдите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ!“ Злая, жестокая насмѣшка надъ человѣкомъ!

Мы осмотрѣли въ Забайкальѣ десять тюремъ, но только въ одной, именно въ новой тюрьмѣ въ Верхне-Уфимскѣ, видѣли кровать, подушку и одѣяло. Вездѣ же арестанты должны были не раздѣваясь спать на жесткихъ нарахъ, вездѣ быть буквально поѣдаемы паразитами и вдыхать отравленный воздухъ. Если кто думаетъ, что я здѣсь что-либо преувеличилъ, пусть обратится къ уже упомянутымъ книгамъ „Сибирь и каторга“ Максимова и Книгѣ Орфанова. Не я первый обратилъ на это вниманіе, про это говорилось уже давно въ Россіи русскими людьми; я повторяю все это здѣсь и не потому, что мнѣ нравятся

всѣ эти вещи, о нѣтъ,—единственно лишь потому, что про это говорятъ черезчуръ рѣдко, чтобы заставить, наконецъ, русское правительство положить предѣлъ этому возмутительному порядку.

Послѣ осмотра камеръ мы прошли на кухню.

Арестанты въ Карійскомъ округѣ получаютъ каждый ежедневно по три фунта ржаного хлѣба, около четырехъ унцій мяса съ костями, немного ячменя, который обыкновенно идетъ въ супъ, и наконецъ, маленькую горсть кирпичнаго чаю. Скопившій на сверхурочной работѣ или инымъ образомъ немного денегъ, иногда сверхъ того получаетъ нѣсколько картошекъ или капустныхъ листьевъ. Пища выдаваемая арестантамъ, показалась мнѣ болѣе или менѣе удовлетворительной; конечно, о разнообразіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Я попробовалъ хлѣбъ. Онъ нѣсколько похожъ былъ на тотъ, который обыкновенно потребляютъ сибирскіе крестьяне, только былъ недостаточно выпеченъ. Мясо, приготовленное для арестантовъ, показалось мнѣ значительно менѣе удовлетворительнымъ: оно очень походило на жировыя вырѣзки, что идутъ въ дѣло на мыловарняхъ.

Послѣ утренней переклички они получали въ камеры ранній завтракъ изъ кирпичнаго чаю съ хлѣбомъ. Затѣмъ, захвативъ съ собой новыя порціи чаю и хлѣба для поздняго завтрака, они отправлялись на пріиски. Здѣсь, независимо отъ погоды, завтракъ готовился на походномъ огнѣ. Завтракали, разумѣется, подъ открытымъ небомъ. Только подъ вечеръ, возвратившись съ работъ, арестанты получали въ своихъ камерахъ настоящій уже обѣдъ: супъ, мясо, хлѣбъ и иногда немного чаю. Затѣмъ, послѣ новой переклички, ихъ уже запирали по камерамъ.

Одежда арестанта въ Карійской области состоитъ, или, вѣрнѣе, должна состоять изъ слѣдующаго: каждые шесть мѣсяцевъ онъ получаетъ грубую полотняную ру-

башку и такіе же штаны, каждый годъ — куртку, плотные брюки и шапку. Зимой въ продолженіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, онъ носитъ такъ называемые «бродни» кожаные сапоги, а лѣтомъ, въ теченіе двадцати двухъ дней „коты“—нѣкоторое подобіе туфель. О качествахъ пищи и одежды арестантовъ легче всего судить по тому обстоятельству, что ежегодно правительство расходуетъ на полное содержаніе каждаго изъ нихъ меньше 80 рублей.

Осмотрѣвъ тюрьмы по Средней Карѣ, мы поѣхали въ Верхнюю; здѣсь, оставивъ экипажъ, мы пошли по теченію рѣки къ пріискамъ.

Золотоносный слой песку въ Карійской области лежитъ подъ пластами глины или камня толщиной отъ трехъ до шести метровъ. Арестанты прежде всего удаляютъ эти пласты и затѣмъ уже засыпаютъ золотоносный песокъ въ машину, гдѣ онъ промывается въ большой желѣзной воронкѣ. Всѣ остатки затѣмъ пропускаются въ цѣлый рядъ плоскихъ, наклонныхъ желобовъ, на днѣ которыхъ и осаждается „черный песокъ“ и частицы золота. Поперечныя деревянныя планки удерживаютъ отъ утечки эти осадки.

Первая осмтрѣнная нами разработка производила очень грустное впечатлѣніе, еще усиливавшееся пасмурнымъ зимнимъ днемъ. Тридцать-сорокъ арестантовъ, окруженные казачьимъ кордономъ, работали въ глубокой ямѣ, дно которой нѣкогда, вѣроятно, было русломъ рѣки. Одни изъ нихъ ломami отдѣляли твердую верхнюю кору, другіе нагружали носилки добытыми обломками, третьи, наконецъ, убирали эти носилки и опорожняли ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Машина не работала, такъ какъ пока производилась лишь очистка, обнаженіе золотоноснаго слоя.

Скованные арестанты работали вяло; было замѣтно, что каждый изъ нихъ думаетъ лишь о ночномъ отдыхѣ. Кругомъ тихо; лишь иногда стукъ лома, короткое прика-

заніе надзирателя или звонъ кандаловъ у арестантовъ, убирающихъ носилки, нарушаютъ эту тишину. Въ нѣсколькихъ шагахъ кучка солдатъ пытается разложить на занесенной снѣгомъ землѣ костеръ, чтобы отогрѣть озябшія руки и сварить себѣ чай.

Съ четверть часа мы смотрѣли на работу арестантовъ, затѣмъ вернулись къ своей повозкѣ, разстроенные грустной картиной и сѣверной погодой.

Въ рудникахъ на Карѣ зимою работаютъ съ 7 часовъ утра до 5 вечера, а лѣтомъ—съ 5 до 7; значительная часть этого времени тратится на дорогу изъ тюрьмы къ рудникамъ и обратно. Эти рудники даютъ правительству ежегодно 11 пуд. золота. Дѣйствительная добыча здѣсь гораздо значительнѣе, такъ какъ арестанты, живущіе въ „вольныхъ командахъ“ умудряются прятать золотыя зерна и продаютъ ихъ потомъ людямъ, специально занимающимся перевозкой ихъ за китайскую границу. Въ самой Сибири торговля золотомъ невозможна, такъ какъ здѣсь закономъ строго карается частное владѣніе „золотой пшеницей“, какъ выражаются арестанты, — но предпріятіе это даетъ такіе большіе барыши, что многіе отваживаются на него.— Арестанты охотно продаютъ золото контрабандистамъ, такъ какъ считаютъ его „Божьимъ даромъ“. И на этомъ основаніи со спокойною совѣстью присваиваютъ его, въ особенности, если имъ не грозитъ при этомъ опасность быть открытыми.

По мнѣнію маіора Потулова на содержаніе арестантовъ въ Карійскомъ округѣ ежегодно расходуется до полумилліона рублей. Мнѣ лишь удалось узнать, что „кабинетскіе рудники“, какъ; ихъ называютъ въ Россіи, доставляютъ ежегодно около 3600 фунтовъ чистаго золота.

„Вольныя команды.“

Моимъ завѣтнымъ желаніемъ было познакомиться о поближе съ жизнью и занятіями арестантовъ, сосланныхъ въ каторжныя работы за политическія преступленія. Обыкновенныхъ преступниковъ, — убійцъ, воровъ, мошенниковъ и т. д. можно было увидѣть на каторгѣ и въ другихъ мѣстахъ Сибири, тогда какъ политическіе каторжники не ходятъ лишь въ Карійской области, гдѣ живутъ въ тюрьмахъ или деревянныхъ избушкахъ „вольныхъ командъ“. Прежде всего намъ предстояло добиться пропуска въ нихъ и мы надѣялись, что это удастся, такъ какъ мы были вѣдь не больше, какъ безвредные, невинные путешественники, вдобавокъ снабженные рекомендательными письмами; дѣйствовали мы съ официального разрѣшенія и въ интересахъ полноты изслѣдованія не могли обойтись безъ подробнаго ознакомленія съ тѣмъ и другимъ. За полъ года мы столько видѣли и испытали, что научились, какъ слѣдуетъ обращаться съ недовѣрчивыми полицейскими и жандармами, въ чемъ намъ много помогли цѣнныя указанія политическихъ ссыльныхъ.

Въ данномъ случаѣ мнѣ представлялось наиболѣ цѣлесообразнымъ завести сношенія съ чиновниками, постараться уяснить себѣ положеніе дѣлъ путемъ осторожныхъ вопросовъ, конечно такъ, чтобы не дать имъ замѣтить, что для меня главный интересъ представляютъ политическіе арестанты, а затѣмъ ждать удобнаго случая привести въ исполненіе свое желаніе. Слѣдуя такому плану, мы осмотрѣли сперва тюрьмы обыкновенныхъ арестантовъ въ рудникѣ, обращались очень любезно съ чиновниками и въ особенности съ маіоромъ Потуловымъ и его хорошенькой женой. Скоро однако мнѣ сдѣлалось ясно, что было бы совершенно тщетно хлопотать о разрѣшеніи сообщаться

съ политическими, и что только тайно мы сможемъ осуществить свои планы. Такъ впрочемъ, оно и должно было случиться...

Я зналъ по именамъ и по участи многихъ здѣшнихъ политическихъ, а къ одной изъ нихъ—Натальѣ Армфельдтъ имѣлъ даже рекомендательное письмо; былъ у меня также и планъ „Нижняго Пріиска“ съ обозначеніемъ хижинки, въ которой она жила со своею матерью въ „вольной командѣ“. Вся бѣда была въ томъ, что никакъ невозможно было нанести ей тайно визитъ въ этомъ гнѣздѣ, биткомъ набитомъ казаками и жандармами, гдѣ зорко слѣдили за каждымъ шагомъ чужого человѣка, гдѣ каждый новичокъ возбуждалъ такое же любопытство, какъ дикій звѣрь. Было и еще одно препятствіе на пути къ нашей цѣли. Маіоръ Потуловъ положительно не покидалъ насъ! Съ того часа, когда мы обратились къ нему, онъ бросилъ все и посвятилъ себя исключительно намъ; онъ сидѣлъ дома, если сидѣли мы, и выходилъ вмѣстѣ съ нами, куда бы мы не вышли. Стоило мнѣ взглянуть на шляпу и пальто, и онъ уже замѣчалъ:

— Вы собираетесь пройтись? Я съ удовольствіемъ былъ бы вашимъ спутникомъ.—Намъ, конечно, оставалось только одно: изображать на лицѣ пріятную улыбку и принимать это предложеніе. Несомнѣнно онъ старался такимъ образомъ лишить насъ возможности самостоятельно познакомиться съ тѣмъ, что нужно было выставить въ наилучшемъ свѣтѣ передъ нами. Я хорошо понималъ положеніе нашего хозяина, и мнѣ было очень непріятно видѣть, какую массу безпокойства доставляетъ ему наше пребываніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ дѣла, я вынужденъ былъ рѣшиться обманывать его, по скольку это возможно было, не выходя изъ границъ простого приличія. Я зналъ, что намъ, вдобавокъ его гостямъ, очень трудно будетъ согласовать то и другое,—благодарность и обманъ,—и положеніе наше было

поэтому здѣсь очень тяжелымъ. Однако другого пути для достиженія цѣли не было! Если бы мы ему просто сказали, что хотимъ посѣтить обитателей «вольной команды», то несомнѣнно онъ постарался бы насъ отговорить, и послѣ того уже навѣрно въ будущемъ намъ не удалась бы ни одна попытка безъ его вѣдома; вотъ почему я рѣшилъ приняться за выполненіе своихъ плановъ раньше, чѣмъ онъ какимъ-нибудь образомъ могъ о нихъ узнать. Конечно, способы выполненія должны были быть таковы, чтобы никоимъ образомъ не быть во вредъ нашему радушному хозяину, и всѣ послѣдствія открытія этого предпріятія должны были пасть на насъ. У меня ни разу не явилось мысли лучше отказаться отъ своихъ намѣреній; наконецъ, это гостепріимство, составлявшее главное наше препятствіе, вѣдь было намъ навязано...

Итакъ, я ожидалъ лишь благопріятнаго случая, чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе, которое представлялось мнѣ прежде полнымъ непреодолимымъ препятствіемъ. На другой день по пріѣздѣ на Кару насъ посѣтилъ жандармскій капитанъ Николинъ. Онъ уже получилъ свѣдѣнія о нашемъ прибытіи и хотѣлъ, вѣроятно, лично узнать, что собственно привело насъ сюда. Капитанъ не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія, но тѣмъ болѣе я былъ удивленъ тому, съ какою просто оскорбительною холодною принималъ его нашъ маіоръ въ своемъ домѣ. Съ перваго взгляда было видно, что эти два человѣка питаютъ другъ къ другу далеко не дружелюбныя чувства, и я соображалъ какія именно важныя причины могли побудить капитана мириться съ обращеніемъ, которое всякій другой на его мѣстѣ счелъ бы равносильнымъ пощечинѣ. Но русскіе жандармскіе офицеры готовы на все тамъ, гдѣ дѣло идетъ о достиженіи ихъ цѣли! Капитанъ Николинъ хотѣлъ лично насъ изучить и потому-то, быть можетъ, несмотря на ледяную холодность въ обращеніи съ нимъ маіора, самъ былъ привѣтливъ, и весьма

любезенъ. Что касается меня, то я старался отнестись къ нему наиболѣе ласково, насколько, конечно, такое отношеніе возможно было, безъ оскорбленія хозяина, и разчитывалъ, что ему особенно должна была льстить подобная ласковость въ окружающей обстановкѣ. Мнѣ думалось, что такое мое поведеніе побудитъ его вынести о насъ болѣе благоприятное впечатлѣніе, и будущее показало, что я не ошибся. Капитанъ Николинъ былъ видимо растроганъ нашимъ тонкимъ обращеніемъ и, когда собрался уже уходить, тепло пожалъ мнѣ руку и выразилъ надежду снова увидѣться съ нами въ недалекомъ будущемъ. Онъ не рѣшился, вѣроятно изъ за присутствія маіора, сдѣлать намъ прямое приглашеніе, да и мы старались его избѣжать, чтобы не опредѣлить точнаго времени визита, хотя въ числѣ нашихъ ближайшихъ цѣлей было и это новое знакомство, но мы собирались исполнить это желаніе какъ только удастся на нѣкоторое время освободиться отъ нашего постоянного спутника. Изъ чувства ли деликатности или изъ благоразумія, но маіоръ ни однимъ словомъ не коснулся капитана послѣ его ухода. Позже изъ разговоровъ съ другими офицерами мнѣ удалось узнать, что оба они были въ очень натянутыхъ отношеніяхъ, и что сверхъ того капитана ненавидѣли и презирали всѣ офицеры гарнизона за его страсть къ доносамъ и шпіонству.

— Онъ сообщаетъ въ Петербургъ о всѣхъ нашихъ поступкахъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ офицеръ:—но, впрочемъ, наплевать, ни я и никто его вовсе не боится. За послѣдніе три года здѣсь, на должности коменданта политическихъ смѣнилось четыре или пять жандармскихъ офицеровъ, но этотъ куда злѣе всѣхъ прежнихъ!

Подобное обстоятельство естественно еще ухудшило наше положеніе; мнѣ казалось, что если мы войдемъ въ

сношеніе съ политическими преступниками въ „вольныхъ командахъ“, то Николинъ сейчасъ же, вѣроятно, будетъ поставленъ объ этомъ въ извѣстность и нѣтъ сомнѣнія, что немедленно имъ въ Петербургъ будетъ отправленъ доносъ, тѣмъ болѣе, что не упуститъ же онъ удобнаго случая отомстить и напакостить своему врагу, маіору Потулеву. Итакъ, намъ предстояло повредить человѣку, гостепріимствомъ котораго мы пользовались. И не только это: подобный исходъ могъ бы имѣть несравненно болѣе грустныя послѣдствія! Я слыхалъ, что жандармскій капитанъ былъ противникомъ учрежденія „вольныхъ командъ“ и не разъ уже добивался упраздненія этого института. Мои тайныя сношенія съ людьми, находящимися въ этихъ „командахъ“, дали бы ему надежное оружіе для защиты своихъ притязаній, и онъ имѣлъ бы полное основаніе написать министру внутреннихъ дѣлъ хотя бы слѣдующій докладъ:—Правительство заботится о томъ, чтобы лишить возможности наиболѣе вредныхъ преступниковъ принимать участіе въ общественной жизни, но эта цѣль никакъ не будетъ достигнута, если политическіе арестанты будутъ жить въ „вольныхъ командахъ“ и тамъ сообщатся съ путешествующими иностранцами.

По Сибири теперь ѣздятъ чаще, чѣмъ прежде, и карійская область теперь совсѣмъ не такъ недоступна, какъ когда-то. Если даже офицеры дѣйствительной службы, какъ напримѣръ маіоръ Потулевъ, начинаютъ облегчать путешествующимъ иностранцамъ сношенія съ политическими арестантами, то правительство должно добиться желаемой изоляціи вреднаго элемента инымъ способомъ, а именно уничтожить бесполезныя, даже вредныя „вольныя команды“ и снова заключить въ тюрьмы преступниковъ.

Легко себѣ представить, что могло бы произойти изъ за подобнаго доклада. Мое тайное посѣщеніе могло бы по-

вредить не одному только майору Потулеву, но и тѣмъ, кто жилъ въ „вольныхъ командахъ“; я былъ бы причиною ихъ новаго заточенія въ тюрьмы. Мысль что я могъ бы способствовать умноженію золь, падавшихъ на этихъ несчастныхъ, вмѣсто того, чтобы облегчить имъ ихъ тяжкую участь,—эта мысль заставила меня провести страшную безсонную ночь. Я снова обдумалъ съ различныхъ точекъ зрѣнія свое предпріятіе, и все таки пришелъ къ заключенію, что долженъ завести знакомства съ политическими въ карійской области, и что добиться этого возможно только слѣдуя тому плану, который я выработалъ себѣ съ самаго начала. Поэтому, въ настоящее, время мнѣ оставалось только заботиться о томъ какъ избавиться отъ вниманія столь же любезнаго, какъ и осторожнаго майора.

Въ теченіе цѣлыхъ пяти дней мнѣ не удавалось ни разу выйти изъ дому безъ непрошеннаго спутника, на шестой, наконецъ, представился давно желанный случай, такъ какъ Потулевъ долженъ былъ отправиться къ устью Кары произвести разслѣдованіе о пожарѣ, которымъ не за долго до того уничтожилъ громадный казенный мучной складъ.

Исторія этого пожара между прочимъ даетъ великолѣпную картину развращенности и казнокрадства русскихъ чиновниковъ. Эти два качества, составляютъ повсемѣстно въ Россіи отличительную черту чиновничества, здѣсь въ Сибири выступаютъ еще болѣе рельефно. Въ магазинѣ къ тому времени, когда онъ сгорѣлъ, должно было находиться около 20000 пудовъ муки, однако послѣ пожара оказалось, что тамъ едва ли было и 20 пудовъ, да и тѣ принадлежали частному лицу случайно отдавшему свой хлѣбъ на сохраненіе въ пустой магазинѣ. Отъ 20000 пудовъ не осталось и слѣда; ясно было, что мука кѣмъ то украдена, и что магазинъ подожженъ съ цѣлью скрыть преступленіе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ мы услышали, что домъ майора

Потулева, гдѣ хранились акты разслѣдованія этого случая тоже внезапно сдѣлался жертвою пламени. Не сомнѣваюсь, что здѣсь виновниками были люди, имѣвшіе серьезное основаніе стараться уничтожить эти компрометирующія дѣла.

Не прошло и часа со времени отъѣзда майора, какъ я уже собрался въ путь, на поиски политическихъ преступниковъ въ „вольныхъ командахъ“; нѣкоторые подарки, приготовленные для нихъ, я спряталъ подъ мѣхомъ моей шубы, равно какъ и письма, бывшія со мною.

Былъ второй часъ пополудни. Майоръ Потулевъ сказалъ, что возвратится только на слѣдующій день послѣ полудня, поэтому цѣлые сутки я оставался безъ надзора, что и хотѣлъ по возможности использовать. Прежде всего я рѣшилъ отыскать капитана Николина, чтобы еще усилить въ немъ то благопріятное мнѣніе, которое онъ могъ о насъ составить. Вечеромъ же я хотѣлъ прямо изъ его дома отправиться къ упомянутой уже госпожѣ Армфельдтъ. Я думалъ, что Николину польстило бы, что первымъ свободнымъ часомъ я воспользовался, чтобы посѣтить его, а потомъ я думалъ также, что посѣщеніе мое госпожи Армфельдтъ меньше обратило бы вниманія, если бы люди видѣли передъ этимъ, что я вышелъ изъ дома начальника. Они быть можетъ, подумали бы, что посѣщеніе это было съ вѣдома майора, а поэтому и не сообщили бы ему объ этомъ.

Капитанъ Николинъ, мужчина лѣтъ 50, лысый, съ большой сѣдой бородой, тонкими сжатыми губами, съ холоднымъ выраженіемъ глазъ, былъ одинъ изъ наиболѣе хитрыхъ и опытныхъ жандармскихъ офицеровъ; онъ прошелъ школу подъ начальствомъ генерала Муравьева Вѣшателя и состоялъ уже тридцать лѣтъ на службѣ.

Обращеніе у него было мягкое, учтивое, какъ обыкновенно бываетъ у русскихъ жандармскихъ офицеровъ, однако несмотря на это, то неблагоприятное впечатлѣніе, которое

онъ произвелъ на меня при первой встрѣчѣ, теперь еще болѣе усилились. Какъ ни старался онъ казаться радушнымъ, какъ сердечно онъ ни привѣтствовалъ меня—все-таки въ его взорѣ было что-то шпионское, и это ясно показывало, что всѣ эти прекрасныя слова и улыбки не что иное какъ маска, за которой скрывается его настоящій характеръ. Насколько я могъ узнать его, у него была только одна слабость: тщеславіе важностью и значеніемъ своего здѣшняго положенія. По его мнѣнію была не шутка—занимать этотъ постъ, гдѣ онъ имѣлъ надзоръ за самыми важными тюрьмами Сибири и при этомъ былъ подчиненъ только министру внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ, съ которымъ у него были непосредственныя сношенія, честь не меньшая, чѣмъ имѣть непосредственныя сношенія съ царемъ. Я хотѣлъ насколько возможно использовать теперь это тщеславіе, чтобы расположить его къ себѣ. Я извинился, что не посѣтилъ его прежде, къ сожалѣнію благодаря сложившимся обстоятельствамъ мнѣ было невозможно сдѣлать это. Онъ поклонился, и замѣтилъ, что вполнѣ можетъ судить о томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь; потомъ онъ пригласилъ меня на чашку чая. Принесли кипящій самоваръ, налили чай, закурили папиросы и потомъ начался живой разговоръ.

Я нарисовалъ въ веселыхъ краскахъ наши приключенія въ Сибири, и при этомъ не забылъ упомянуть, что я состою членомъ географическаго общества въ Америкѣ, рассказалъ о своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ русско-американскимъ телеграфнымъ обществомъ, о своей жизни въ палаткѣ на Камчаткѣ, о своихъ сношеніяхъ съ господиномъ Влангалли, секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, послѣднее рассказалъ съ цѣлью намекнуть на то, что свою поѣздку по Сибири я совершаю съ вѣдома и разрѣшенія высшихъ русскихъ властей.

Мнѣ казалось, что онъ охотно слушаетъ меня и скоро я рассказалъ ему исторію всей моей жизни. Онъ испросилъ

меня, думаю ли я описать свое путешествіе по Сибири, на что я отвѣтилъ утвердительно и указалъ на свое положеніе въ «Century Magazine». Я упомянулъ что кое-что я уже раньше написалъ о Сибири, это его заинтересовало. Я пригласилъ его зайти къ намъ посмотрѣть эскизы моего друга Фроста, и въ концѣ концовъ пожалѣлъ, что онъ не понимаетъ по англійски, и поэтому не можетъ почитать мои статьи. Онъ выразилъ надежду, что они будутъ переведены на русскій языкъ. Я согласился съ возможностью, тѣмъ болѣе, что моя первая книга была два раза переведена на русскій языкъ. Не знаю навѣрное, что я еще болталъ, во всякомъ случаѣ, ни съ однимъ человѣкомъ въ мірѣ я не говорилъ столько о себѣ и своихъ дѣлахъ, какъ съ этимъ жандармскимъ капитаномъ.

Моя откровенность и болтливость, казалось, произвели желаемое дѣйствіе: рѣчь его стала искреннѣе, онъ налилъ мнѣ еще чашку чаю и когда замѣтилъ, что я могъ не только говорить но и слушать, онъ рассказалъ мнѣ о своей жизни, о своихъ чинахъ, орденахъ, своихъ отношеніяхъ, о томъ сколько ему нужно было еще служить, чтобы выслужить пенсію, упомянулъ также съ гордостью, что онъ единственный во всей Сибири офицеръ въ чинѣ капитана имѣетъ непосредственныя сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ разговорѣ мы коснулись ссылки и я не мало удивился, когда онъ выразился о пересыльныхъ тюрьмахъ какъ о злѣ, нашелъ жизнь ссыльныхъ во время транспорта достойной сожалѣнія, да вообще всю систему ссылки считалъ никуда негодной.

Такихъ рѣчей, признаться, я не ожидалъ здѣсь. Однако, подумалъ, я не хитрость ли все это, не хочетъ ли онъ подобными рѣчами вывѣдать мое мнѣніе. Я все же вступилъ въ разговоръ, не показывая виду, какъ хорошо извѣстны мнѣ всѣ эти вещи; и я не упустилъ случая настойчиво указывать на тѣ немногія лучшія тюрьмы, какія мнѣ

пришлось видѣть. Я упомянулъ о новой тюрьмѣ въ Верхне-удинскѣ и выставилъ ее, какъ доказательство того, что правительство стараетсяъ улучшить тюремное дѣло въ Сибири.

Теперь онъ вдругъ перешелъ къ политическимъ заключеннымъ Карской области. Онъ увѣрялъ, что они находятся въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ часто думаютъ. Они живутъ въ большихъ свѣтлыхъ камерахъ, не обязаны исполнять никакихъ принудительныхъ работъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи книги, могутъ получать деньги и, наконецъ, по истеченіи извѣстнаго срока выходятъ въ вольныя команды, гдѣ они живутъ въ собственномъ домѣ, при которомъ имѣютъ садики.

Я выразилъ удивленіе такому снисходительному обращенію и спросилъ, не обязаны ли политическіе заключенные работать на золотыхъ приискахъ.

— Конечно нѣтъ!—отвѣтилъ онъ.—Они находятся въ своихъ уютныхъ помѣщеніяхъ, читаютъ, занимаются тамъ, вотъ и все.

— А могутъ ли они переписываться со своими знакомыми и родственниками, проживающими въ Европейской Россіи?—спросилъ я.

— Почему же не могутъ? Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь я установилъ совсѣмъ особыя отношенія къ этому. Само собой разумѣется, я прочитываю письма и открытки, которыя они посылаютъ, но писать они могутъ сколько имъ угодно.

— У насъ въ Америкѣ думаютъ—замѣтилъ я,—что часто политическіе преступники въ Сибири принуждены, прикованные къ тачкѣ, работать въ рудникахъ, гдѣ они проводятъ дни въ величайшихъ бѣдствіяхъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня, снисходительно улыбнулся и сказалъ:

— И я былъ прежде подобнаго же мнѣнія и былъ совсѣмъ пораженъ, когда нашелъ здѣсь столь благоприятныя условія. Если бы вы могли сейчасъ заглянуть въ камеры, вы увидѣли бы тамъ заключенныхъ, сидящихъ за большимъ столомъ, и занятыхъ чтеніемъ или письмомъ, вы подумали бы, что попали въ читальню.

Я замѣтилъ, что очень былъ бы радъ посмотрѣть, что это очень интересный матеріалъ для статьи, и спросилъ его, не можетъ ли онъ разрѣшить посѣтить тюрьму.

— На это я не имѣю права,—отвѣтилъ онъ, помедливъ,—но нѣкоторыя книги вы можете посмотрѣть, если хотите. Есть даже англійскія

Тутъ онъ позвалъ солдата и приказалъ ему принести изъ тюрьмы нѣсколько англійскихъ книжекъ и газетъ.

Солдатъ ушелъ и возвратился скоро съ томомъ стихотвореній Шелли въ номерѣ лондонскаго юмористическаго журнала—Punch.—Съ улыбкой побѣдителя передалъ ихъ мнѣ капитанъ и продолжалъ разговаривать дальше:

— Недавно они устроили даже театральное представленіе въ одной изъ камеръ, а нѣкоторое время они даже издавали писанную газету.

Потомъ онъ принесъ свои книги, чтобы показатъ мнѣ, сколько денегъ въ теченіе года получаютъ заключенные отъ своихъ близкихъ. По его расчетамъ 6044 рубля. *)

*) Когда на обратномъ пути я былъ въ Иркутскѣ, я познакомился съ однимъ изъ чиновникомъ счетнаго отдѣленія такъ какъ онъ имѣлъ доступъ ко всѣмъ отчетамъ, то я при случаѣ спросилъ его, сколько денегъ получили политическіе преступники Карской области за первые десять мѣсяцевъ 1885 г. Онъ посмотрѣлъ документы и сообщилъ мнѣ потомъ сумму около 700 рублей. Такъ что капитанъ Николинъ сообщилъ мнѣ невѣрное число, чтобы заставить меня думать, что политическіе преступники имѣютъ достаточно денегъ, чтобы устроиться сравнительно удобно. Въ вѣрности цифры, сообщенной мнѣ чиновникомъ, я ничуть не сомнѣваюсь.

— Имѣютъ ли право арестанты свободно распоряжаться этими деньгами?—спросилъ я.

— Да, но денегъ они не получаютъ, а могутъ только указывать, что на нихъ купить; и то только въ томъ случаѣ, если они указываютъ предметы, которые могутъ быть допущены правилами.

Я принималъ эти открытія съ радостнымъ изумленіемъ я былъ совершенно восхищенъ видомъ пріятной картины, которую рисовалъ передъ моими взорами благородно мыслящій жандармскій капитанъ: счастливо-радостные арестанты сидятъ въ великолѣпныхъ помѣщеніяхъ, читаютъ для развлеченія—Punch,—еженедѣльно издаютъ газету, а когда они въ хорошемъ расположеніи духа, играютъ комедіи. При этомъ я снова возмущился, что арестанты отвѣчаютъ такой неблагодарностью и гнуснымъ возмущеніемъ на такую отеческую доброту и кротость правительства.

— Вы даже не можете себѣ представить, — говорилъ мнѣ Николинъ,—какъ хитры эти арестанты, и какую хитрость они могутъ выдумать, чтобы пронести въ тюрьму или изъ тюрьмы письмо. Что бы вы сдѣлали, на примѣръ, если бы вамъ нужно было тщательно обыскать арестанта.

— Я бы заставилъ его раздѣть и обыскать всю его одежду.

— А потомъ?

— Я не знаю, что еще?—отвѣчалъ я.

— Обыскали бы вы у него уши?

— Нѣтъ, едва-ли вздумалъ бы я это сдѣлать.

— А заглянули бы вы ему въ ротъ.

— Нѣтъ.

— А пустой зубъ осмотрѣли бы?

Я замѣтилъ, что мнѣ никогда не пришло бы въ голову, что въ пустомъ зубѣ можетъ находиться письмо.

— Ну, вотъ видите!—воскликнулъ онъ, снисходительно улыбаясь.—Я доставалъ тонкія бумажки изъ ушей и изъ

рта у арестантовъ, а въ пустомъ зубѣ нашелъ спрятанную дозу яду.

— Эхъ! хитрые, люди—прибавилъ онъ, потирая руки,—но меня они не проведутъ!

Я испугался, когда я вдругъ вспомнилъ, что въ своемъ пальто я спряталъ кое-что, что не предназначалось для взоровъ капитана. Пальто свое я снялъ въ передней, и, быть можетъ, подозрительный офицеръ, обыскивающій даже пустые зубы, отдастъ распоряженіе поближе разсмотрѣть мое платье. Я чувствовалъ себя очень непріятно, и каждый разъ когда отворялись двери, я невольно смотрѣлъ, не принесено ли содержимое моего пальто. Но, къ счастью, всѣ эти опасенія оказались излишними.

Капитанъ Николинъ рассказалъ мнѣ еще кое-что изъ жизни и занятій политическихъ преступниковъ въ Карской области. Многое изъ того, что онъ мнѣ рассказывалъ, было вѣрно; но онъ такъ искусно рассказывалъ это, что навѣрное онъ обдурчилъ бы меня, если бы я былъ простодушнымъ путешественникомъ, за кого онъ меня, безъ сомнѣнія, принималъ.

Мы оба чудесно играли комедію.

Тюрьму для политическихъ я зналъ почти также подробно, какъ самъ капитанъ по тѣмъ запискамъ, какія находились у меня въ поясѣ, у меня былъ также подробный планъ тюрьмы и имена всѣхъ заключенныхъ. Я могъ бы описать Николину всякій предметъ, находящійся въ камерахъ; я зналъ, чѣмъ кормили арестантовъ, во что ихъ одѣвали и какимъ образомъ они проводили время; я зналъ также, что четыре изъ заключенныхъ прикованы были къ тачкамъ, что нѣкоторые отъ страданій сошли съ ума—я зналъ все, что случилось за послѣдніе пять лѣтъ и могъ понять истинный смыслъ каждаго утвержденія Николина. Тѣмъ не менѣе я внимательно слушалъ, выказывалъ чувства, которыя были мнѣ совершенно чужды, и дѣлалъ видъ

простодушнаго, веселаго путешественника, который ничего не может скрыть, да и скрывать ничего не нужно. Представлялся, что меня совсѣмъ удивило то, что заключеннымъ не приходится прикованнымъ къ тачкамъ исполнять рабскій трудъ въ сырыхъ рудникахъ, прикидывался искренно обрадованнымъ тѣмъ, что начальникъ заключенныхъ такой любезный, благородный офицеръ, обращающійся съ ними съ добротой и кротостью.

Какое мнѣніе составилъ обо мнѣ капитанъ Николинъ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ, но я думаю, что мнѣ удалось порядочно одурачить самага хитраго и безпощаднаго изъ всѣхъ жандармскихъ офицеровъ Восточной Сибири; если же это, быть можетъ, и не такъ, то по крайней мѣрѣ ему не удалось провести меня. Съ точки зрѣнія морали мое поведеніе въ данномъ случаѣ нельзя, конечно, считать вполне заслуживающимъ одобренія, но иначе поступить я не могъ, для меня все было поставлено на карту. Въ моемъ багажѣ и на мнѣ самомъ находились многочисленныя революціонныя сочиненія, планы тюрьмы, копіи съ официальныхъ документовъ, письма политическихъ преступниковъ, цѣлая дюжина записныхъ книжекъ съ замѣтками; содержаніе ихъ компрометировало бы не только политическихъ ссыльныхъ, но и многихъ честныхъ чиновниковъ. Если бы я теперь возбудилъ подозрѣніе и далъ этимъ поводъ обыскать мои вещи, то это была бы не только потеря для меня всего, съ такимъ трудомъ собраннаго матеріала, но этимъ воспользовались бы для противоположныхъ цѣлей, и изъ-за этого погибли бы многіе люди. Эти обстоятельства могутъ конечно оправдать мое поведеніе; существованіе многихъ зависѣло отъ моей безопасности.

Къ вечеру я оставилъ капитана Николина и отправился къ госпожѣ Армфельдтъ; ея хижина находилась между тюрьмой для политическихъ и домомъ маіора Потулева, ближе къ границѣ Нижнихъ пріисковъ,

Жизнь госпожи Армфельдтъ отчасти была мнѣ извѣстна. Она была дочь извѣстнаго русскаго генерала и сестра писательницы госпожи Федченко, жены одного русскаго ученаго. Это была дворянская богатая семья съ важными связями; госпожа Армфельдтъ и ея мать были, между прочимъ, въ дружбѣ и съ русскимъ писателемъ графомъ Львомъ Толстымъ. Она говорила по французски, нѣмецки, англійски, рисовала, писала красками, вообще это была вполне образованная дама. 11 февраля 1879 года она была арестована въ одномъ революціонномъ тайномъ собраніи въ Кіевѣ. Полиція напала на собраніе ночью; мужчины оказали сопротивленіе и стрѣляли изъ револьверовъ во врывающихся полицейскихъ и жандармовъ, эти стрѣляли съ своей стороны, причемъ съ обѣихъ сторонъ были раненые и убитые.

Въ концѣ концовъ они были побѣждены и арестованы. Госпожу Армфельдтъ за участіе въ революціонномъ сообществѣ и сопротивленіе законной власти, хотя здѣсь-то, собственно, она была ужъ совершенно въ сторонѣ,—присудили по лишеніи всѣхъ гражданскихъ правъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на четырнадцать лѣтъ и десять мѣсяцевъ. По окончаніи срока этого наказанія она должна была остаться въ Сибири на вѣчное поселеніе.

Уже стемнѣло, когда я добрался до маленькой выбѣленной избушки, которая по описанію должна была быть ея жилищемъ. Я постучалъ, и молоденькая особа отворила мнѣ массивную деревянную дверь.

— Здѣсь ли живетъ госпожа Армфельдтъ?—спросилъ я.

— Это я сама,—отвѣтила она.

— Я—Георгій Кеннанъ, американецъ путешественникъ. Ъзжу я по Сибири съ цѣлью изучить постановку дѣла ссылки. Знакомъ со многими изъ вашихъ друзей и привезъ вамъ также письмо отъ госпожи X,

Мгновѣніе она съ молчаливымъ недоумѣніемъ смотрѣла на меня, затѣмъ, спохватившись, пригласила меня зайти въ домъ.

Изъ маленькихъ, темныхъ сѣней я попалъ въ комнатку съ поломъ безъ досокъ. Низкій потолокъ былъ устроенъ изъ грубаго дерева; изъ того же матеріала были и бѣдно крашенныя стѣны. Въ комнатѣ было два окна. Вся мебель состояла изъ простого, не покрытаго скатертью, деревяннаго стола, трехъ деревянныхъ стульевъ и узкой кровати подъ сѣрымъ шерстянымъ одѣяломъ. Кромѣ того, по обѣимъ сторонамъ двери помѣщались полки, на которыхъ находилась посуда: тарелки, чашки, ножи, вилки и чайникъ; затѣмъ корзина и подъ кроватью простой деревянный сундукъ. Несмотря на очевидное убожество, въ комнатѣ была совершеннѣйшая чистота. Я снялъ свою шубу и уже собирался было достать письмо, какъ она схватила меня за руку и сказала:— Подождите, пожалуйста! Я только прикрою ставни да замкну дверь.— Дрожащею рукой она зажгла свѣчу и поспѣшно вышла затворять ставни... Возвратившись и задвинувъ засовъ у двери, она обратилась ко мнѣ:— Вы, конечно, не привыкли жить въ той атмосферѣ вѣчнаго страха и осторожности, въ которой вѣчно находимся мы. Вѣдь какъ легко было черезъ окошко подсмотреть, какъ вы передаете мнѣ письмо.

Она взяла у меня пакетъ и, не распечатывая, мгновѣніе, пристально смотрѣла на него. По ея лицу видно было, что удивленіе и неожиданность, замѣченныя мною въ первый моментъ нашей встрѣчи, еще не прошли. Наконецъ, она спросила:— Какъ только это вамъ удалось пробраться сюда?

Я отвѣтилъ, что пріѣхалъ верхомъ прямо изъ Срѣтинска.

— Но кто же далъ вамъ разрѣшеніе?

— Да у меня вовсе нѣтъ его. Вотъ уже цѣлую недѣлю я нахожусь здѣсь, и только теперь мнѣ представился случай навѣстить васъ,

Тутъ я рассказалъ ей, что пріѣхалъ въ Сибирь съ цѣлью изучить жизнь политическихъ ссыльныхъ, и сообщилъ съ возможною краткостью о томъ, что мнѣ уже пришлось увидѣть. Между тѣмъ и она мало-по-малу пришла въ себя отъ первоначальнаго изумленія и обратилась ко мнѣ на англійскомъ языкѣ:

— Простите мнѣ, что я съ такимъ удивленіемъ смотрю на васъ, что можетъ быть не такъ радушно васъ приняла, но ваше посѣщеніе и теперь еще кажется мнѣ какимъ-то сномъ. Я такъ взволнована, что, право, не знаю, что дѣлаю и говорю. Вы вѣдь первый чужой человѣкъ, котораго я вижу здѣсь въ лицо; при томъ неожиданность вашего появленія такъ сильно на меня повліяла, что я едва могу оправиться. Вѣроятно, такъ же чувствовалъ себя Левингстонъ, встрѣтившись неожиданно въ Африкѣ со Станлеемъ. Что побудило васъ рѣшиться поѣхать путешествовать по Сибири съ цѣлью изученія системы ссылки?

Только что я собрался отвѣчать на ея вопросы, какъ вдругъ изъ-за печи донесся слабый голосъ:— Кто здѣсь, Наташа? Съ кѣмъ ты говоришь?

— Это, Маша, путешественникъ изъ Америки, которому удалось разыскать насъ на здѣшнихъ рудникахъ.

Госпожа Армфельдтъ старшая, оказывается, спала за печью во время моего прихода; теперь, разбуженная нашимъ разговоромъ, она вышла оттуда и привѣтствовала меня. Это была худоцавая, болѣзненная на видъ женщина, лѣтъ 60. На ея интеллигентномъ лицѣ ясно отражались слѣды всѣхъ перенесенныхъ заботъ и лишеній. По ея глубоко запавшимъ глазамъ, окруженнымъ синевою, видно было что не одну безсонную ночь проплакала она насквозь. Меня охватило чувство жалости и состраданія къ ней: никогда до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть на человѣческомъ лицѣ такихъ явныхъ слѣдовъ безутѣшныхъ страданій.

Просидѣвъ здѣсь еще съ полчаса, я собрался уходить, пообщавъ вернуться нѣсколько позже. Госпожа Армфельдтъ младшая замѣтила при этомъ, что, возвратясь, я застану у нея и остальныхъ арестантовъ «вольной команды».

Естественно возбужденный, я спѣшилъ домой, гдѣ меня ожидали съ ужиномъ. Госпожа Потулева обращала на меня по временамъ вопросительные взгляды, какъ будто желая узнать, гдѣ я пропадалъ все послѣобѣденное время; однако прямыхъ вопросовъ по этому поводу она мнѣ не задавала, а потому и мнѣ не пришлось прибѣгать ни къ какимъ уловкамъ.

Въ седьмомъ часу я возвратился въ избушку къ госпожѣ Армфельдтъ. Здѣсь уже былъ политическій арестантъ, по имени Куртеевъ и худенькая, молоденькая женщина—госпожа Колѣнкина. О послѣдней я уже кое-что слышалъ. Она была одною изъ революціонерокъ, сосланныхъ въ Карскую область за разговоръ на жизнь генерала Мезенцева. И теперь, какъ уже не разъ со мной случалось раньше, я былъ удивленъ, увидѣвъ въ этой извѣстной революционеркѣ почти дѣвочку подростка. Замѣчательно, что за послѣдніе пятнадцать лѣтъ всѣ женщины, принимавшія участіе въ самыхъ ужасныхъ случаяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, гдѣ требуется мужество и рѣшительность, рѣдко встрѣчающіяся даже у мужчинъ, замѣчательно, говорю, что всѣ эти женщины были настолько молоденькія, нѣжныя созданія, отъ 18 до 20 лѣтъ, что при взглядѣ на ихъ невинныя, почти робкія лица каждый навѣрно принялъ бы ихъ за наставницъ или даже за воспитанницъ женскаго института.

Мало-по-малу собирались всѣ политическіе арестанты этой «вольной команды». Легкимъ стукомъ въ оконные ставни они предупреждали о себѣ, послѣ чего младшая Армфельдтъ подходила къ двери, осторожно освѣдомляясь объ имени посѣтителя прежде, чѣмъ открыть ее.

Полутемная комната, безразличная тишина, таинственная постукиванья въ ставни, оживленный разговоръ шопотомъ, который вели между собою блѣдные мужчины и женщины, посматривая удивленно на меня, какъ будто я былъ выходцемъ съ того свѣта,—все это какъ-то особенно дѣйствовало на меня.

Ничто въ этой комнатѣ не напоминало мнѣ внѣшняго міра съ его безконечно разнообразными заботами. Когда же изъ устъ этихъ узниковъ я услышалъ ужаснѣйшія исторіи о тѣхъ бѣдствіяхъ и жестокостяхъ, о помѣшательствахъ и самоубійствахъ, которыя составляютъ въ Карійской области заурядное явленіе, то мнѣ показалось, будто я вошелъ въ тѣ мрачныя ворота, надъ которыми Данте прочелъ ужасныя слова:—*Lasciate ogni speranza voi ch'entrate.*

Было, вѣроятно, около девяти часовъ; я только что взялся было за записную книжку, чтобы кое-что туда занести, какъ вдругъ въ оконный ставень сильно постучали.— Это жандармы,—прошептала мать Колѣнкиной:—Не пускайте ихъ сюда! Скажите имъ, кто изъ нашихъ собрался тутъ, можетъ быть они и этимъ удовлетворятся.

Въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина, и сердце мое забилося чаще чѣмъ прежде, когда m-lle Армфельдтъ, открывъ дверь, съ притворною безпечною крикнула стоявшимъ извнѣ жандармамъ:

— Мы всѣ здѣсь: моя мать, я, Куртеевъ, Колѣнкина... дальше она назвала имена остальныхъ присутствовавшихъ, но я ихъ не разобралъ.

Задавъ еще нѣсколько вопросовъ, жандармы удалились. M-lle Армфельдтъ снова заперла дверь и сказала съ улыбкою:—Они удовлетворены и не настаивали на томъ, чтобы войти сюда.—Затѣмъ, обернувшись ко мнѣ, она добавила по-англійски:—Жандармы ежедневно совершаютъ три раза такой обходъ, чтобы убѣдиться, не убѣжалъ ли кто-либо

изъ насъ. Теперь чаще случается, что они смотрятъ на это, какъ на простую формальность, и потому не заходятъ въ наши помѣщенія.

Разговоръ продолжался.

Болѣе двухъ часовъ слушая рассказы, и отвѣчалъ, насколько могъ, на торопливые вопросы о положеніи дѣлъ въ Россіи и о ходѣ революціоннаго движенія. Въ пылу нашихъ бесѣдъ мое вниманіе вдругъ привлекъ одинъ господинъ, котораго мнѣ не представляли, и который до сихъ поръ ничѣмъ особенно не выдѣлялся. На видъ лѣтъ тридцати, съ блѣднымъ глупымъ лицомъ и громадными голубыми глазами, сидѣлъ онъ напротивъ меня на скамейкѣ, зажавъ голову между руками, опертыми въ колѣни, и долго пристально смотрѣлъ на меня. Воспользовавшись минутной паузой въ нашемъ разговорѣ, онъ вдругъ какимъ-то беззвучнымъ голосомъ, растягивая слова, обратился ко мнѣ:— У насъ — здѣсь — есть — собственное кладбище. Хотите — ли его посмотрѣть?—

То, что онъ сказалъ, и какъ это сказалъ, меня настолько поразило, что я не нашель, что ему отвѣтить. Но тутъ же мнѣ пришло въ голову, что это вѣроятно, одни изъ тѣхъ несчастныхъ, которые лишились здѣсь разсудка. И этотъ вопросъ, пахнувъ на меня ужасомъ помѣшательства и смерти, усилилъ возбужденіе, уже давно овладѣвшее мною.

Только послѣ полуночи я распрощался съ политическими и поспѣшилъ домой, но, и холодный воздухъ, охватившій меня, не могъ успокоить охватившаго меня волненія. Уже все спало. Бодрствовалъ лишь Фростъ, ожидая моего возвращенія. — Я бросился въ кровать, стараясь уснуть, но это было напрасно: все видѣнное и слышанное слишкомъ сильно подѣйствовало на меня, чтобы я могъ оставаться спокойнымъ. Только уже подъ утро я нѣсколько забылся.]

Политическіе арестанты въ Карской области.

На слѣдующій день мы съ Фростомъ снова посѣтили госпожу Армфельдтъ. Вечеромъ долженъ былъ возвратиться майоръ, и тогда конечно, нашимъ самостоятельнымъ экскурсіямъ, былъ бы конецъ; оставалось поэтому наиболѣе продуктивно использовать короткое время, оставшееся у насъ до его прибытія. Нельзя было также сомнѣваться и въ томъ, что наши сношенія съ политическими недолго останутся тайной для мѣстнаго начальства, но пока это случилось бы, и намъ помѣшали бы дальше работать въ этомъ направленіи, я хотѣлъ собрать возможно большее количество свѣдѣній. Посѣщеніе днемъ хижинъ „вольной команды“, конечно, усиливало для насъ опасность быть открытыми скорѣе, но это не останавливало меня, такъ какъ невозможно было тратить ни одного часа, да кромѣ того я обѣщала госпожѣ Армфельдтъ зайти къ ней на утренній часъ, если мнѣ не помѣшаютъ какія нибудь особенныя препятствія.

Послѣ четверти часа быстрой ходьбы мы уже были у своей цѣли; дверь отворила намъ m-lle Армфельдтъ. Мы вошли. При яркомъ свѣтѣ чистенькаго зимняго утра убогая комнатка показалось мнѣ еще болѣе неуютной и печальной, чѣмъ при вчерашнемъ посѣщеніи. Теперь только я замѣтилъ мольбертъ, на которомъ стояла картина, содержаніе которой мнѣ не было видно съ моего мѣста. Я не могъ удержаться, чтобы не бросить вопросительнаго взгляда на молодую хозяйку. Она сразу меня поняла и, повернувъ мольбертъ такъ, чтобы я могъ видѣть картину: — Я пыталась нарисовать здѣсь мою мать. Она хочетъ въ этомъ году ради другихъ дѣтей вернуться въ Россію, и мнѣ ужъ, вѣроятно, никогда не придется больше ея увидѣть. Она слиш-

комъ слаба чтобы рѣшится предпринять вторичное путешествіе въ Сибирь. Вотъ мнѣ и захотѣлось имѣть что-нибудь, что напоминало бы мнѣ ея черты, когда она исчезнетъ изъ моей жизни. Я знаю, своя картина очень не изъ важныхъ; мнѣ даже, право, стыдно показывать ее вамъ, но можетъ быть вы посовѣтуете мнѣ что-нибудь лучшее. Быть можетъ господинъ Фростъ научить меня, какъ мнѣ лучше обойтись со скромнымъ матеріаломъ, которымъ я располагаю, такъ какъ лучшаго достать не удалось.

Растроганный я взглянулъ на картину; да это была плохая, очень плохая картина. Правда, было сходство, былъ даже замѣтенъ талантъ, но полотно не годилось никуда, краски скверны; по первому взгляду можно было замѣтить, что попытка произведена совсѣмъ негодными средствами. Больно было смотрѣть на это желаніе любящей дочери увѣковѣчить черты своей дорогой любимой матери, но еще больнѣе дѣлалось при мысли, что въ недалекомъ будущемъ эта скверная картина будетъ у нея единственнымъ утѣшеніемъ въ полнѣйшемъ одиночествѣ.

Я не сталъ упоминать о недостаткахъ картины и, пока Фростъ занимается приборами для рисованія, я заговорилъ съ матерью Армфельдтъ и спросилъ, какъ у нея, несмотря на возрастъ, хватило мужества рѣшиться на путешествіе изъ Петербурга въ Карскую область.

— Да я не могла иначе!— кратко отвѣтила она.—Вѣдь съ ними бѣдняками отвратительно обращаются; такъ, Наташу солдаты били прикладами, другіе здѣсь буквально умирали съ голоду. Я изъ Петербурга слѣдила за всѣмъ, что меня такъ тревожило, и, наконецъ, рѣшила пріѣхать сюда, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣла. Я не могла допустить, чтобы моя дочь осталась совсѣмъ одинокой въ такомъ несчастіи...

— Когда это было?— спросилъ я.

— Въ 1882 и 1883 годахъ. Въ маѣ 82 года отсюда бѣжали восемь арестантовъ и тогда съ остальными стали такъ жестоко обращаться, что они должны были начать голодовку и въ теченіе тринадцати дней не принимали никакой пищи.

Во время этого разговора вошло нѣсколько политическихъ; госпожа Армфельдтъ, поставила самоваръ и налила намъ чаю. Разговоръ сдѣлался общимъ...

Послѣ обѣда я въ послѣдній вазъ навѣстилъ госпожу Армфельдтъ. Я зналъ, что мнѣ врядъ-ли придется когда-нибудь въ жизни еще разъ встрѣтиться съ этими несчастными людьми; знали также и они, что никогда имъ не представится лучшаго случая поговорить съ человѣкомъ, возвращающимся въ цивилизованный міръ, гдѣ можетъ быть онъ встрѣтится съ ихъ родными и друзьями. Предчувствуя скорую разлуку, они относились ко мнѣ еще болѣе привѣтливо. Матери и дочери я обѣщалъ посѣтить графа Толстого и рассказать ему, въ какомъ состояніи нашелъ ихъ здѣсь *), далъ имъ также свой адресъ, чтобы они имѣли возможность при случаѣ сообщить мнѣ о себѣ, а у нихъ взялъ письма для отсылки ихъ родственникамъ въ Россію. Я зналъ, что такого рода посредничество строго карается,

*) Я исполнилъ это обѣщаніе; посѣтилъ Толстого и рассказалъ ему о тѣхъ ужасныхъ страданіяхъ, какія приходилось переносить близкой ему Армфельдтъ. Однако онъ ничего и слушать не захотѣлъ о политическихъ узникахъ Восточной Сибири и отказался даже отъ тѣхъ мемуаровъ, которые я приготовилъ ему съ цѣлью дать полную картину положенія этого дѣла. При этомъ онъ объяснилъ мнѣ, что, хотя ему и жалко иныхъ политическихъ, но что сдѣлать для нихъ онъ ничего не можетъ, такъ какъ ему въ высшей степени несимпатично ихъ прошлое. Они употребили насилие, отъ насилія же и сами теперь страдаютъ.—Въ Москвѣ мнѣ рассказывали, что однажды жена одного ссыльнаго обратилась къ Толстому за помощью арестантамъ, но онъ не желалъ положительно ничѣмъ помогать людямъ, поступки которыхъ ему не нравились.

и что худо мнѣ пришлось бы, если бы русская полиція вздумала пересмотрѣть мои бумаги, но, и зная это, я не могъ отказать въ подобной дружеской услугѣ арестантамъ, которымъ часто въ теченіе долгихъ лѣтъ не представляется ни одного удобнаго случая отправить письмо близкимъ людямъ. Не часто встрѣтишь здѣсь того, кто подобно мнѣ, взялся бы за передачу писемъ.

Когда стемнѣло, я распрощался съ ними, обѣщая, хотя это и мало вѣроятно, побывать у нихъ еще разъ, если когда-нибудь это будетъ возможно.

Маіоръ Потулевъ возвратился домой въ полночь, и только утромъ на слѣдующій день мнѣ удалось его увидѣть. Онъ встрѣтилъ меня вѣжливо, но суше обыкновеннаго и даже не подалъ мнѣ руки. Затѣмъ онъ не проронилъ ни слова, а молча уставился въ свою чашку чаю. Я ожидалъ, что это такъ должно случиться, и теперь обдумывалъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Я цѣнилъ Потулева, какъ честнаго человѣка; онъ радушно принялъ насъ въ своемъ долгѣ тогда, какъ я своимъ поведеніемъ поставилъ его быть можетъ въ очень непріятное положеніе, поэтому я рѣшилъ сказать ему все открыто. Я рассказалъ ему, что во время его отсутствія изучалъ арестантовъ, живущихъ въ „вольной командѣ“.

— Я знаю,—отвѣтилъ онъ, не взглянувъ на меня и черезъ нѣкоторое время добавилъ; — Считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, что вы поступили очень неосторожно.

— Почему?

— Потому что постороннихъ, тайно входящихъ въ сношенія съ политическими арестантами, здѣсь считаютъ подозрительными. Это не разрѣшается, и у васъ изъ-за этого выйдутъ непріятности.

— Мнѣ никто не говорилъ, что это возбраняется, — возразилъ я.—Откуда я могъ знать, что воспрещается сноситься съ людьми, которые живутъ на волѣ и кото-

рыхъ каждый день можно встрѣтить на улицѣ. Вѣдь лица принадлежащія къ «вольной командѣ», не содержатся въ тюрьмѣ, они сообщаются со всѣми, почему же именно я долженъ ихъ избѣгать?

— Губернаторъ Барабашъ *) телеграфировалъ мнѣ, — сказалъ онъ сурово,—что Вамъ не разрѣшено посѣщать политическихъ арестантовъ, и, конечно, онъ хочетъ, также чтобы вы вообще держались дальше отъ такихъ преступниковъ.

— Мнѣ этого не сообщили. Если бы я зналъ, то, конечно, считался бы съ этимъ, и не дай вы мнѣ только что указаній,—то и дальше пребывалъ, бы въ такомъ же невѣдѣніи.—Но я и не предполагалъ чтобы у васъ были такія намѣренія, вѣдь вы никогда мнѣ о нихъ не упоминали. Впрочемъ,—все это, собственно, касается капитана Николина, такъ какъ онъ отвѣчаетъ за политическихъ арестантовъ. Я хочу васъ только предупредить и сказать, что вы поступили крайне неблагоприятно и подвергли себя большой опасности.

Тогда я откровенно рассказала Потулеву, почему раньше не упоминала объ этомъ дѣлѣ, а также, почему воспользовался его отсутствіемъ для выполненія своихъ плановъ. Я сознался, что хотѣлъ избѣжать его протестовъ, боялся, что онъ мнѣ можетъ помѣшать, и наконецъ, не желалъ, чтобы на него могло пасть подозрѣніе въ соучастіи.

Мои объясненія, казалось подѣйствовали благоприятно; скоро онъ снова перешелъ къ мягкому тону, какъ раньше, однако, нашелъ нужнымъ еще разъ повторить свое предостереженіе.

Приблизительно черезъ часъ послѣ завтрака явился капитанъ Николинъ переговорить съ маіоромъ о служебныхъ

*) Губернаторъ той части Забайкалья, въ которой находятся золотые рудники.

дѣлахъ. Маіоръ увелъ его къ себѣ въ кабинетъ. Разговоръ продолжался не менѣе полу часа. Я въ это время занимался въ своей комнатѣ привиденіемъ въ порядокъ своихъ бумагъ, а Фростъ, сидя въ пріемной маіора, приходившейся какъ разъ напротивъ его кабинета, рисоваль дѣтей нашихъ хозяевъ.

Когда Николинъ ушелъ, Фростъ отыскалъ меня и сообщилъ, что онъ слыхалъ часть разговора капитана съ маіорамъ, и что дѣло шло о насъ.

Оказывалось, что о моемъ сношеніи съ политическими преступниками уже было сообщено, и поэтому Николинъ находилъ нужнымъ произвести обыскъ въ моихъ бумагахъ. Потулевъ же считалъ, что это могло вызвать много шума, и что лучше совсѣмъ не дѣлать этого. Въ концѣ концовъ капитанъ заявилъ, что обыскъ все-таки долженъ быть произведенъ, если не здѣсь на Карѣ, то гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ порядочномъ возбужденіи сообщилъ мнѣ это шопотомъ Фростъ; меня это тоже обезпокоило. Хотя было невѣроятно, чтобы Потулевъ допустилъ въ своемъ домѣ обыскъ моихъ вещей, но было возможно, что онъ явится ко мнѣ и скажетъ: „Милый, Григорій Ивановичъ, капитанъ Николинъ узналъ о вашихъ близкихъ сношеніяхъ съ политическими преступниками въ вольныхъ командахъ, о томъ что вы проводили у нихъ много времени, и предполагаетъ, что они передали черезъ васъ письма. Онъ потребовалъ у меня сегодня обыскать ваши пожитки. Такъ какъ вы мой гость, то я отказалъ въ этомъ, однако я прошу васъ дать честное слово въ томъ, что вы не везете съ собой подобныхъ бумагъ.“

Если бы онъ вздумалъ спросить это, то мнѣ ничего бы не осталось какъ, или солгать человѣку, оказавшему мнѣ гостепріимство, или выдать тѣхъ несчастныхъ, которые такъ довѣрчиво ко мнѣ отнеслись, на сторонѣ которыхъ были всѣ мои симпатіи. И то и другое я считалъ невозмож-

нымъ сдѣлать. Но нужно было, какъ можно скорѣе что-нибудь предпринять, такъ какъ опасность была близка. Если найдутъ мои письма, то безъ сомнѣнія Армфельдтъ и еще кое-кто снова будутъ посажены въ тюрьму, кромѣ того тогда найдутъ и другія мои записки, а это, какъ я выше уже замѣтилъ, повредило бы еще многимъ другимъ лицамъ. Въ страхѣ и нерѣшительности прежде всего старался я избѣгать маіора,—сославшись на мнимую болѣзнь, я рано улегся, но всю ночь провелъ безъ сна, раздумывая, чтобы лучше всего предпринять. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ, что ничего не остается, какъ уничтожить письма. Само собой понятно, что я не могъ спросить позволенія на это у лицъ передавшихъ ихъ мнѣ, но я былъ убѣжденъ, что при такихъ обстоятельствахъ они найдутъ правильнымъ мой поступокъ.

Тяжело, очень тяжело было для меня рѣшиться уничтожить письма, которыя были надеждой и утѣшеніемъ столькимъ несчастнымъ и должны были принести радость многимъ ихъ близкихъ—однако ничего другого не оставалось! Вопросъ былъ только въ томъ, какимъ образомъ ихъ уничтожить. Съ тѣхъ поръ какъ узнали о моихъ сношеніяхъ съ политическими преступниками, за мной слѣдили, вѣроятно, еще строже, чѣмъ прежде; наша комната отдѣлялась отъ другихъ помѣщеній только портретами; окно было не завѣшено и стоящій напротивъ часовой, могъ наблюдать за нами день и ночь. Если бы ограничился тѣмъ, что разорвалъ бы бумаги, то клочки могли бы быть найдены и снова соединены; если бы я сжегъ ихъ, то меня могъ бы выдать дымъ, да кромѣ того меня могъ при этомъ застать Потулевъ, который часто заходилъ ко мнѣ, не спросясь.

Вскорѣ послѣ того, какъ я всталъ, явился солдатъ и затопилъ печь. Воспользовавшись случаемъ, когда Фростъ разговорился въ сосѣдней комнатѣ съ маіоромъ, а часовой,

какъ я убѣдился, нѣкоторое время не могъ меня наблюдать, я бросилъ письма въ огонь, и черезъ нѣсколько минутъ отъ нихъ не осталось и слѣда. Потомъ уничтожилъ я кое-что изъ записной книжки, кое-что зашифровалъ и сдѣлалъ еще кое-какія приготовленія въ ожиданіи обыска. Съ грустью вспоминаю я теперь о двухъ событіяхъ изъ времени моего пребыванія въ Карской области: первое изъ этихъ событій уничтоженіе упомянутыхъ писемъ.

Я не видѣлся больше съ политическими заключенными, а также совсѣмъ не имѣлъ случая сообщить или объ этомъ и объяснить, какія обстоятельства заставили меня это сдѣлать. Въ настоящее время мои объясненія слишкомъ за поздалы. Госпожа Армфельдтъ умерла отъ чахотки спустя годъ послѣ моего посѣщенія; письмо, переданное ею, было, быть можетъ послѣднимъ, которое она написала. И при томъ всѣ опасенія оказались напрасными. Маіоръ Потулевъ не требовалъ отъ меня никакихъ объясненій, вещи мои не обыскивались, и поэтому я могъ бы передать эти письма, какъ позже передалъ многія другія.

Второе связано съ личностью доктора Эдуарда Веймара. Во время моего пребыванія онъ лежалъ при смерти, и я его не посѣтилъ. Онъ былъ одинъ изъ выдающихся политическихъ преступниковъ жившихъ въ вольныхъ командахъ. Происходилъ онъ изъ знатной богатой семьи; ему было около 35 лѣтъ. До ссылки онъ жилъ въ великолѣпномъ домѣ на Невскомъ проспектѣ въ Петербургѣ и былъ лично извѣстенъ супругѣ нынѣшняго царя (Александра III). Въ 1877—1878 годахъ, во время русско-турецкой войны онъ завѣдывалъ полевымъ лазаретомъ, устроенномъ княжной, за отличную службу награжденъ былъ орденомъ святой Анны и другими отличіями и пользовался расположеніемъ генерала Гурко, съ которымъ совершилъ извѣстный переходъ черезъ Балканы. Арестованъ онъ былъ по незначительному поводу и послѣ годич-

наго заключенія подъ слѣдствіемъ въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ сосланъ былъ въ Карскіе рудники.

Когда онъ былъ осужденъ, лондонскій „Times“ слѣдующимъ образомъ выразился объ этомъ обстоятельстве:

„Въ телеграммѣ, которую мы сегодня напечатали, нашъ корреспондентъ въ Петербургѣ сообщилъ намъ приговоръ, произнесенный вчера надъ обвиняемыми въ нигилистическомъ заговорѣ. Западно европейскому человѣку подобнаго рода политической процессъ покажется карикатурой не правосудіе. Этотъ судебный процессъ доказываетъ только, что управлять государствомъ при помощи осаднаго положенія не такъ ужъ трудно. Обыкновенно, военные суды отличаются быстротой и строгостью своихъ приговоровъ; тогда, какъ русскіе военные суды жестоки своей медлительностью, бессмысленны въ своихъ осужденіяхъ и безсердечны по своимъ приговорамъ...

Въ числѣ обвиняемыхъ, осужденныхъ вчера, находится между прочимъ докторъ Веймаръ, человѣкъ, которымъ Россія въ правѣ была бы гордиться. Это настоящій джентельменъ; какъ врачъ, онъ самоотверженно помогалъ своимъ страждущимъ соотечественникамъ. Былъ награжденъ русскимъ и румынскимъ орденами и получилъ медаль за войну. Онъ находился въ войскахъ генерала Гурко, совершившихъ блестящее дѣло—переходъ черезъ Балканы. Обвиненія, возводимыя на него, способы какими преувеличилось и искажилось все дѣло, показали бы невѣроятными въ самой сумасбродной шуткѣ-комедіи...

Вызваны были свидѣтели для дачи показаній относительно его характера. Всѣ говорили только въ его пользу. Это вовсе не походило на обвиненіе. Если обвиненія, приведенныя противъ доктора Веймара, были бы справедливы, то пришлось бы только предположить, что вліятельный, достойный уваженія гражданинъ настолько отчаялся въ состояніи своего отечества, что вступилъ въ заговоръ съ убійцами,

как Соловьевъ и другіе. Быть можетъ подумаютъ, что во время судебного процесса приведены были доказательства, рисующія характеръ обвиняемаго въ менѣе благоприятномъ свѣтѣ, которыя могли бы ослабить высказанныя о немъ похвалы. Ничего подобнаго! Прокуроръ заявилъ:— Господа, я могъ бы привести цѣлый рядъ свидѣтелей, показанія которыхъ доказываютъ обратное тому, что здѣсь было высказано другими; но, къ несчастью, всѣ они отсутствуютъ.—Военный судъ, само собой разумѣется, вполне былъ удовлетворенъ заявленіемъ генерала..

Этотъ случай бросаетъ свѣтъ на ужасное состояніе русскаго общества и русскаго правосудія: или невыносимый деспотизмъ заставилъ лучшаго гражданина броситься въ ряды заговорщиковъ, или докторъ Веймаръ былъ осужденъ и наказанъ безъ вины. Какъ бы то ни было—во всякомъ случаѣ—если дѣло происходило такъ, какъ гласитъ извѣстіе—процессъ этотъ былъ позоромъ для военныхъ судовъ...

Великая княгиня Дагмара, нынѣшняя царица, полевымъ лазаретомъ который завѣдывалъ докторъ Веймаръ, принимала въ немъ участіе и считали его невиновнымъ; но ея ходатайство не могло тогда ему помочь. Когда же въ 1881 году ея супругъ вззошелъ на престолъ, отправила она въ Карскую область полковника Норда, который долженъ былъ предложить доктору Веймару освобожденіе подъ условіемъ, чтобы онъ далъ торжественное обѣщаніе, не предпринимать ничего противъ правительства. Онъ отвѣтилъ, что не можетъ дать обѣщанія, пока ему неизвѣстно настоящіе положеніе Россіи. Если бы правительство разрѣшило ему, взявъ съ него честное слово въ томъ, что онъ не убѣжитъ, или подъ стражей явится въ Петербургъ, чтобы ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣла, то онъ скоро могъ бы принять то или иное рѣшеніе. Напрасно полковникъ Нордъ уговаривалъ его отказаться отъ этого рѣшенія, это ни къ чему не привело.

Когда мы были въ Карской области докторъ Веймаръ уже былъ освобожденъ отъ тюрьмы, но—какъ уже упомянуто—лежалъ тяжело больной. Онъ, какъ это было со многими, нажилъ въ сибирскихъ тюрьмахъ чахотку.

Товарищи его хотѣли повести меня къ нему, въ ту ночь, которую мы провели вмѣстѣ въ хижинѣ Армфельдтъ. Они говорили, что отъ слабости онъ уже едва говорить и можетъ умереть каждое мгновеніе. Но уже видъ госпожи Армфельдтъ и другихъ политическихъ преступниковъ изъ вольныхъ командъ, которые были сравнительно здоровы, произвелъ на меня такое удручающее впечатлѣніе, что я боялся, окончательно разстроить себя ночнымъ посѣщеніемъ умирающаго. Позже я раскаивался въ своей нерѣшительности, такъ какъ докторъ Веймаръ умеръ, не повидавшись со мной. Шесть мѣсяцевъ спустя, когда на обратномъ пути я снова былъ въ Петербургѣ, явилась ко мнѣ молодая дама, какъ оказалось его невѣста, спросить не привезъ ли я съ собой отъ него письма или, быть можетъ, какого-либо устнаго извѣстія. Она какъ разъ собиралась отправиться въ далекое путешествіе на Кару, чтобы тамъ вступить въ бракъ съ докторомъ Веймаромъ, какъ вдругъ получила отъ капитана Николина телеграмму въ которой онъ коротко сообщилъ о его кончинѣ. Съ тѣхъ поръ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а они ничего не слыхали о немъ; ни самъ докторъ Веймаръ не могъ послать ей нѣсколько строкъ передъ смертью и ни кому изъ арестантовъ не разрѣшить сдѣлать этого. Она надѣялась, что я привезу какое-либо извѣстіе. И мнѣ очень трудно было сказать ей, что во время своего пребыванія на Карѣ я не навѣстилъ его, хотя и имѣлъ возможность.

Потомъ я былъ у этой дамы. Она мнѣ рассказала исторію этого честнаго челоѣка, прочла мнѣ письма, которыя онъ ей присылалъ съ поля сраженія изъ Болгаріи со слезами показала самую драгоцѣнную память о немъ рукодѣлье,

которое онъ приготовилъ въ своей тюремной камерѣ и имѣлъ случай тайно послать ей. Это была длинная узкая полоса грубаго полотна, изъ какого шьютъ рубашки арестантамъ, на которой красиво вышиты были разноцвѣтныя геометрическія фигуры;“ съ какими мыслями вышивалась эта работа!—воскликнула дама горько заплакавъ.

Послѣ нашего послѣдняго посѣщенія госпожи Армфельдтъ мы оставались на Карѣ еще пять дней, однако ничего не предпринимали, такъ какъ знали что за нами строго слѣдятъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы описывать мало интересныя происшествія изъ нашего дальнѣйшаго пребыванія здѣсь, я лучше кратко и основательно сообщу то что я узналъ въ Карской области о тамошнихъ тюрьмахъ. То что будетъ здѣсь сообщено вполне основано на истинѣ и написано не безъ старательнаго предварительнаго изслѣдованія. Многія даты заимствованы даже изъ официальныхъ источниковъ. Возможно, что при этомъ вкрались незначительныя ошибки, но я вполне и передъ всѣми могу ручаться за вѣрность всего существеннаго. То что сообщается здѣсь о полковникѣ Кононовичѣ я узналъ отчасти отъ политическое заключенныхъ, отчасти, же отъ чиновниковъ на Карѣ, въ Читѣ, Иркутскѣ и Петербургѣ. Я сожалею что мнѣ нельзя подробно изложить, откуда и какимъ образомъ я досталъ эти данныя. Впечатлѣніе отъ моихъ словъ усилилось бы, если бы я доказалъ, что мое изложеніе исходитъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, отъ людей, личность и положеніе которыхъ могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ того, что всякое подозрѣніе въ партійности можетъ быть исключено.

Уже въ 1873 году ссылались люди за политическія преступленія въ Карскіе рудники, общимъ правиламъ это сдѣлалось только позже съ 1879 года. До этого времени большинство приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ политическихъ преступниковъ содержалось въ Петропалов-

ской крѣпости въ Петербургѣ или въ большой харьковской тюрьмѣ.

Но такъ какъ революціонное движеніе все болѣе разрослось, и тюрьмы въ Европейской Россіи были переполнены политическими арестантами министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился перевести наиболѣе серьезныхъ преступниковъ въ Карскіе рудники, гдѣ ихъ помѣстили въ тюрьмѣ для обыкновенныхъ преступниковъ, такъ какъ тюрьмы для политическихъ арестантовъ тогда еще не было. Они содержались въ одиночномъ заключеніи въ такъ называемыхъ—секретныхъ камерахъ.—Позже они были помѣщены въ отдѣльномъ, старомъ зданіи въ Средней-Карѣ. съ ними обращались какъ съ обыкновенными преступниками, они должны были работать на золотыхъ приискахъ и по истеченіи извѣстнаго срока получили позволеніе жить въ „вольныхъ командахъ.“

Въ декабрѣ 1880 года въ тюрьмахъ на Карѣ находилось около 50 политическихъ арестантовъ; 9 жили въ „вольныхъ командахъ“ въ различныхъ избушкахъ. Большая часть мужчинъ обязаны были исполнять принудительныя работы въ рудникахъ; такъ ихъ тамъ чрезмѣрно не утомляли, то имъ даже пріятно было выходить изъ грязныхъ, вонючихъ камеръ чтобы ежедневно работать нѣсколько часовъ на свѣжемъ воздухѣ. Завѣдывалъ тогда исправительной колоніей полковникъ Кононовичъ образованный гуманный офицеръ, о которомъ и теперь еще дружелюбно вспоминаютъ арестанты. Нельзя утверждать, что бы онъ хоть немного симпатизировалъ революціонерамъ; но онъ зналъ что большинство этихъ преступниковъ благородные, образованные люди, и если онъ могъ порицать ихъ образъ дѣйствій то во всякомъ случаѣ онъ зналъ, что дѣйствовали не изъ эгоистическихъ побужденій; поэтому онъ хорошо съ ними обращался и каждому, насколько было возможно, облегчалъ печальную его судьбу. Въ его время въ Карской тюрьмѣ

находилось нѣсколько политическихъ осужденныхъ, которые по приказу жандармскаго офицера въ дисциплинарное наказаніе были прикованы къ тачкѣ *).

Полковникъ Кононовичъ враждебно относился къ этому жестокому, безчеловѣчному обращенію, но не въ его власти было измѣнить это; онъ приказывалъ, по крайней мѣрѣ, освобождать осужденныхъ отъ тачекъ, каждый разъ когда думалъ произвести осмотръ тюрьмы, чтобы такимъ образомъ избавить себя отъ печальнаго зрѣлища.

Въ концѣ 1880 года появилось нѣсколько распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ, которыя еще уменьшили скудныя права политическихъ арестантовъ; такъ, между прочимъ, имъ запретили переписываться съ родственниками и знакомыми; далѣе имъ запрещено было работать на приискахъ, что лишило ихъ возможности дышать свѣжимъ воздухомъ и заниматься нѣкоторое время физическимъ трудомъ; наконецъ пришло приказаніе уничтожить „вольныя команды“, жившихъ въ „вольныхъ командахъ“ снова помѣстить въ тюрьму, заковать въ цѣпи и обрить имъ половину головы, какъ и обыкновеннымъ преступникамъ. Эти приказы изданы были — либеральнымъ — министромъ Лорисъ-Меликовымъ. Я не могъ понять, почему онъ издалъ эти усиленные правила, тогда какъ съ другой стороны старался выказать либеральныя воззрѣнія. Многимъ чиновникамъ въ Сибири высказывалъ я поэтому поводу свое изум-

*) По правиламъ это усиленіе наказанія допускается еще и теперь и примѣняется къ людямъ осужденнымъ на вѣчную каторгу. Арестантъ приковывается къ небольшой тачкѣ, причѣмъ цѣпи допускаютъ только незначительныя свободныя движенія. Онъ не можетъ свободно ходить не можетъ даже перейти камеру, не таская за собой тачку; даже во время сна онъ остается прикованнымъ къ ней. Въ то время прикованы къ тачкѣ были 4 политическихъ арестанта: Попеко, Березнинъ, Фомичевъ и Щедринъ. Послѣдній былъ освобожденъ отъ тачки только въ 1884 году.

леніе и въ отвѣтъ получалъ различныя объясненія. Одни полагали, что этимъ онъ хотѣлъ заставить политическихъ преступниковъ сильнѣе сознавать свои проступки, другіе объясняли эти правила его недостаточною освѣдомленностью; къ этому мнѣнію склоняюсь и я; но большинство политическихъ арестантовъ ни въ коемъ случаѣ не были такъ снисходительны, и считали либеральныя сужденія Меликова просто лицемѣріемъ.

Полковникъ Кононовичъ былъ очень недоволенъ этими распоряженіями и приложилъ всѣ старанія, чтобы заставить отмѣнить или, по крайней мѣрѣ, смягчить ихъ. Но всѣ его старанія остались безплодными. Поэтому 28 декабря онъ созвалъ живущихъ въ „вольныхъ командахъ“, — сообщилъ имъ распоряженіе, и заявилъ, что онъ напрасно старался помѣшать проведенію ихъ въ жизнь. Онъ далъ имъ подѣ собственною отвѣтственностью три дня срока для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Однако 1 января они должны были быть уже въ тюрьмѣ. Это былъ тяжелый ударъ для преступниковъ, жившихъ въ „вольныхъ командахъ“!

Два года прожили они въ «вольныхъ командахъ», гдѣ пользовались хоть незначительной свободой, — многіе съ же нами и дѣтьми, пріѣхавшими издалека, — теперь приходилось все это покидать и возвращаться снова въ тюрьму, гдѣ кишѣли насѣкомыя и гдѣ отвратительный воздухъ пропитанъ былъ губительными міазмами. Многіе изъ нихъ были настолько физически слабы, что для нихъ пребываніе въ тюрьмѣ было равносильно смерти.

Среди проживавшихъ тогда въ «вольныхъ командахъ» — находился и Евгений Семеновскій, юристъ, 33 лѣтъ, сынъ извѣстнаго кіевскаго врача. Семеновскаго высоко цѣнили всѣ знавшіе его. Онъ былъ адвокатомъ въ Петербургѣ, и былъ осужденъ за участіе въ органѣ революціонной партіи, газетѣ «Впередъ».

Около 5 лѣтъ провелъ онъ въ Карской тюрьмѣ, по-

томъ былъ переведенъ въ «вольныя команды», такъ какъ у него было сильно разстроено здоровье. Когда наканунѣ новаго года арестанты въ послѣдній разъ собрались внѣ тюремныхъ стѣнъ, Семеновскій казался печальнѣе, чѣмъ обыкновенно, и когда расходились, онъ съ особенной сердечностью простился съ товарищами. Одинъ изъ нихъ, Чарушинъ, жившій съ нимъ въ одной избѣ, былъ разбуженъ выстрѣломъ во второмъ часу ночи. Онъ бросился въ комнату товарища и нашель его лежащимъ съ прострѣленной головой; хотя онъ еще былъ живъ, но въ сознание больше не приходилъ и спустя часъ умеръ. На столѣ лежала записка Чарушину, въ которой онъ просилъ, если возможно будетъ, передать отцу письмо. Письмо гласило приблизительно слѣдующее:

Ночь, наканунѣ новаго года 1880—81.

Дорогой отецъ!

Я возвратился сейчасъ отъ товарищей, среди которыхъ провелъ конецъ стараго года. Новый годъ начался для насъ печально. Ты получилъ, можетъ быть, письмо отъ жены одного моего товарища; я просилъ ее сообщить тебѣ, что намъ запретили переписываться даже съ родителями. Это жестоко, но еще болѣе жестоко то, о чемъ могу сообщить тебѣ только теперь, такъ какъ раньше не зналъ объ этомъ. Дней черезъ десять послѣ того, какъ написано было упомянутое письмо, намъ сообщили, что мы снова должны возвратиться въ тюрьму и быть закованы въ цѣпи. Намъ девять человѣкъ въ послѣдніе два года пользовались хоть какой-нибудь свободой: Шишко, Чарушинъ, Квятковскій, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Тевдулъ и я. Но съ того времени, какъ Лорисъ-Меликовъ запретилъ намъ переписку, мы жили въ ожиданіи чего то еще худшаго. Завтра мы всѣ снова должны возвратиться въ тюрьму; независимо отъ полковника Кононовича приказаніе при-

водится уже въ исполненіе. Онъ далъ намъ нѣсколько дней сроку для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Мы воспользовались послѣднимъ днемъ нашей свободы, чтобы отпраздновать окончаніе стараго года; я хочу воспользоваться имъ еще для одной цѣли. Быть можетъ я злоупотребляю довѣріемъ полковника Кононовича? Но вѣдь мнѣ не остается ничего другого!

Кто прочтетъ слова: „завтра мы всѣ снова должны возвратиться въ тюрьму“, — быть можетъ, сравнитъ насъ со стадомъ барановъ, которые добровольно даютъ вести себя на бойню; но это было бы несправедливо. Единственное, что мы могли бы сейчасъ сдѣлать—это бѣжать, но какъ? куда? безъ всякаго приготовленія, при 34 градусахъ мороза. Кромѣ того, изъ письма которое я тебѣ написалъ въ августѣ этого года, ты ясно могъ видѣть, почему мы не бѣжали.

Если бы приказъ о возвращеніи въ тюрьму пришелъ весной, то я бы бѣжалъ, тогда была бы по крайней мѣрѣ надежда на успѣхъ и я могъ бы надлежащимъ образомъ подготовиться. Но теперь совсѣмъ другое! Я чувствую, что мои силы убываютъ съ каждымъ днемъ, я боюсь, что сойду съ ума. И это теперь, когда я нахожусь внѣ тюремныхъ стѣнъ, что же будетъ, если я снова попаду въ тюрьму. До сихъ поръ меня поддерживала надежда, что рано или поздно я все-таки вернусь въ Россію и снова смогу быть полезнымъ тому благому дѣлу, которому я посвятилъ свою жизнь.

Но что можетъ сдѣлать для него человѣкъ физически и духовно-сломленный! На что мнѣ остается надѣяться, если и эта надежда исчезаетъ! Оправданіе передъ самимъ собою? Прежде чѣмъ исполнилось бы это желаніе, меня могли бы десять разъ подвергнуть пыткамъ.

Такъ пришелъ я къ рѣшенію, что жизнь моя безцѣльна, и я имѣю право съ ней покончить. Давно я уже усталъ,

усталь отъ всего, и только мысль о родинѣ удерживала меня отъ самоубійства. Я знаю, что тебѣ, дорогой Саша, *) и всѣмъ, кто меня любитъ, я причину большое горе. Но развѣ ваша любовь не настолько благородна, чтобы простить самоубійство человѣку, котораго столько мучили? Въ послѣднія пять лѣтъ меня дѣйствительно мучили до смерти. Всѣмъ, что вамъ дорого, заклинаю васъ, простите меня! Вѣдь вы знаете, что мои послѣднія мысли были о васъ, что изъ любви къ вамъ я хотѣлъ бы продолжать жизнь, но на это не хватаетъ у меня больше силъ. Сумасшествіе или смерть! Мнѣ остается только этотъ выборъ, и я выбираю послѣднюю. Прощай навсегда, дорогой отецъ и другъ! Прощай, Саша, и ты, мой младшій братъ, котораго я едва знаю! И помните: лучше смерть, даже и такая, какъ моя, чѣмъ жизнь безъ чести и характера.

Еще разъ—простите! Вспоминайте добромъ вашего сына и брата, который даже въ своемъ несчастіи могъ найти утѣшеніе. *Евгеній.*

На кладбищѣ политическихъ преступниковъ, на одиноко стоящемъ холмѣ, извѣстномъ подъ названьемъ „Голова каторжника“, погребенъ прахъ Евгенія Семеновскаго. Истлѣетъ простой деревянный крестъ на его могилѣ, и тогда никто болѣе не отыщетъ мѣсто послѣдняго успокоенія человѣка, замѣчательныя способности и благородный характеръ котораго могли бы оказать много пользы для дѣла свободы и культуры.

На полковника Кононовича самоубійство Семеновскаго подѣйствовало страшно мучительно: но худшее было еще впереди. Это самоубійство было только первымъ звеномъ цѣпи печальныхъ событій, вызванныхъ репрессіями прави-

тельства,—вскорѣ послѣ этого самоубійства отравился политическій арестантъ Родинъ; упомянутый въ письмѣ Успенскій повѣсился въ банѣ, а госпожа Ковалевская, помѣшалась, такъ что въ концѣ концовъ пришлось надѣть на нее смирительную рубашку.

Полковникъ Кононовичъ былъ такъ потрясенъ этими ужасными происшествіями, что рѣшилъ во всякомъ случаѣ оставить мѣсто начальника исправительной колоніи. Онъ написалъ объ этомъ генераль-губернатору, а также министру внутреннихъ дѣлъ и заявилъ при этомъ, что новыя распоряженія были не только бессмысленны, но и жестоки.

Если хотятъ такимъ образомъ обращаться съ заключенными, то пусть пришлютъ палача, онъ же не палачъ и не можетъ рѣшиться исполнять приказанія, если при этомъ приходится даже насиловать свои убѣжденія. Поэтому онъ проситъ объ отставкѣ.

Онъ получилъ ее. Лѣтомъ 1881 года покинулъ полковникъ Кононовичъ Карскую область и вскорѣ послѣ этого отправился въ Петербургъ. Во время проѣзда черезъ Иркутскъ генераль-губернаторъ Анучинъ холодно и небрежно замѣтилъ ему:—Человѣкъ съ вашими воззрѣніями не пригоденъ для того, чтобы управлять Карской областью. Да я думаю даже, что вы вообще не годитесь для службы правительству.

— Въ такомъ случаѣ я ее совсѣмъ оставлю,—отвѣтилъ полковникъ. Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ тогдашнимъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ, господиномъ Дурново, при этомъ полковникъ выразился между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

— Я всегда уважалъ законъ и умѣлъ другихъ заставить уважать его. Если вы хотите заставить политическихъ преступниковъ на Карѣ повиноваться закону и уважать правительство, вы должны дать имъ начальника, который

*) Александръ, любимый братъ пишущаго это письмо.

держался бы моихъ принциповъ. Вы, вѣроятно, не разъ слышали обвиненія противъ меня.

Но я не боюсь своихъ противниковъ и никогда не стану дѣлать того, что не согласно съ моею совѣстью. Предписанія правительства сдѣлали для меня невозможнымъ дальнѣйшее завѣдываніе Карскими тюрьмами, и поэтому я подалъ въ отставку. Въ подобномъ случаѣ я не могъ поступить иначе.

Послѣдующія событія въ исправительной колоніи на Карѣ (читатель познакомится съ ними въ дальнѣйшемъ разсказѣ) не разъ заставляли секретаря министерства вспоминать слова этого отважнаго, прямодушнаго человѣка.

Увы! Мало хорошаго я могу сказать о сибирскихъ тюрьмахъ, еще меньше о тамошнихъ чиновникахъ, но тѣмъ пріятнѣе мнѣ упомянуть здѣсь, что почти всѣ хвалили полковника Кононовича. Какъ политическіе преступники, такъ и лучшая часть чиновничества и обывателей, — всѣ они цѣнили въ немъ образованнаго, гуманнаго, неподкупной чести человѣка. Почти всѣ улучшения, введенныя въ Карскомъ округѣ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ, относятся ко времени его управленія. Стоитъ пожалѣть поэтому, что ему пришлось уйти изъ Сибири вслѣдствіе гнусности нѣкоторыхъ російскихъ чиновниковъ. Они считали его „слабымъ» и „сентиментальнымъ», называли его „соціалистомъ» и обвиняли въ тайныхъ симпатіяхъ къ политическимъ преступникамъ. Нерчинскій исправникъ осмѣлился даже однажды въ клубѣ заявить, что пришелъ къ заключенію, что полковнику Кононовичу съ желтымъ тузомъ на спинѣ придется прогуляться въ Иркутскую область.

Высшіе чиновники легко поддавались и вѣрили сплетнямъ про него, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго.

Въ послѣдній годъ его служебной дѣятельности на Карѣ сюда былъ сосланъ политическій преступникъ — молодой

полякъ Бибиговъ. По пути ему пришлось перенести столько всякихъ преслѣдованій, что онъ совершенно одичалъ и сдѣлался недовѣрчивымъ положительно ко всѣмъ; въ каждомъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться, онъ видѣлъ врага, съ которымъ долженъ бороться. Кононовичъ принялъ его ласково, послалъ ему черезъ жену одного арестанта свѣжее бѣлье, позаботился о томъ, чтобы всѣми способами удовлетворить его насущнѣйшія потребности, старался успокоить увѣреніями, что никто здѣсь не станетъ его оскорблять или издѣваться надъ нимъ. Такое неожиданное сердечное отношеніе поразило молодого арестанта, и онъ высказался по этому поводу въ письмѣ, которое позже какъ-то ему удалось отправить въ Россію своему товарищу. „Узнавъ полковника Кононовича, — писалъ онъ, — я пришелъ къ заключенію, что не всѣ російскіе полковники лишены человѣческихъ чувствъ.“ Это письмо попало въ Россію въ руки полиціи, и министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ забайкальскому губернатору, генералу Ильяшевичу, потребовать у полковника Кононовича объясненій по этому дѣлу; письмо было приложено въ качествѣ доказательства склонности полковника къ политическимъ. Кононовичъ оставилъ безъ отвѣта предписаніе губернатора, и, когда черезъ нѣкоторое время по служебнымъ дѣламъ пріѣхалъ къ нему въ Читѣ, то тотъ его спросилъ, получилъ ли онъ его бумагу.

— Конечно, — сказалъ Кононовичъ, — но какой отвѣтъ я вамъ могъ бы дать? Развѣ нужно было мнѣ оправдываться въ томъ, что я «не лишенъ человѣческихъ чувствъ»?

Смущенный такимъ оборотомъ дѣла, губернаторъ не нашелся, свалилъ вину на секретаря, который будто бы не совсѣмъ вѣрно выразился, затѣмъ перевелъ разговоръ на иную тему и ужъ больше никогда не поднималъ этого вопроса.

Бросивъ службу въ Карской области, полковникъ Ко-

ноновичъ принялъ командованіе надъ забайкальскими казаками въ Нерчинскѣ. Здѣсь онъ скоро обнаружилъ, что нѣкоторые офицеры, войдя въ соглашеніе съ мѣстнымъ исправникомъ, освобождали отъ службы новобранцевъ за плату въ нѣсколько сотенъ рублей съ человѣка. Онъ потребовалъ отчета у преступныхъ офицеровъ, но у этой компаніи были въ Иркутскѣ вліятельные друзья; посыпались обвиненія, жалобы и, дѣйствительно, не будь и у Кононовича въ Петербургѣ вліятельныхъ друзей, ему, навѣрно, пришлось бы съ вышеупомянутымъ желтымъ тузомъ на арестантскомъ халатѣ отправиться въ Иркутскъ. Въ данномъ случаѣ онъ обратился къ своимъ покровителямъ и министру внутреннихъ дѣлъ, и ему все-таки удалось добиться назначенія новой комиссіи для разслѣдованія преступленія. Исправникъ и другіе обвиняемые были арестованы и вина ихъ скоро доказана документально. Тогда, однажды, въ холодную зимнюю ночь товарищи уличенныхъ преступниковъ подожгли домъ полковника такъ, что онъ со всей семьей навѣрно сгорѣли бы, если бы имъ не удалось въ ночной одеждѣ бѣжать изъ пылающаго дома. Убѣдившись въ безопасности своей семьи, онъ поспѣшилъ обратно спасать хранившіяся у него бумаги относительно этого процесса, но уже это было невозможно изъ-за дыма и огня. Такимъ образомъ были уничтожены почти всѣ доказательства этого злодѣянія. Тогда-то онъ пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее его пребываніе въ Сибири невозможно, что онъ не можетъ жить въ странѣ, гдѣ каждый честный человѣкъ подвергается опасности быть заживо сожженнымъ. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ. И здѣсь получилъ мѣсто въ генеральномъ штабѣ, гдѣ и оставался до лѣта 1888 года. Къ этому времени, произведенный въ генералы, онъ принялъ начальство надъ важной сибирской исправительной колоніей на островѣ Сахалинѣ.

Къ числу послѣднихъ новшествъ за время управленія

полковника Кононовича относится постройка у «Нижняго пріиска» тюрьмы для политическихъ преступниковъ. Капитанъ Николинъ воспретилъ намъ осмотрѣть ее изнутри. Снаружи же эта тюрьма немногимъ отличалась отъ другихъ строеній подобнаго типа, только была, повидимому, объемистѣе, много свѣтлѣе, да воздуху здѣсь должно было быть больше. Вся тюрьма, кромѣ больничнаго отдѣленія, состояла изъ четырехъ камеръ, рассчитанныхъ на 25 человѣкъ каждая. Постели здѣсь имѣются только въ больничномъ отдѣленіи; арестантамъ же предоставляется спать, на чемъ хотятъ. Въ началѣ, около этого зданія не было нынѣшняго высокаго забора. Генераль губернаторъ Анучинъ въ одно изъ своихъ рѣдкихъ посѣщеній нашелъ это непристойнымъ. — Тюрьма не дворецъ! — цинично замѣтилъ онъ и приказалъ обнести все сооруженіе высокимъ частоколомъ. Конечно, это не былъ случайный плодъ мимолетной фантазіи, а строго обдуманное намѣреніе, имѣвшее цѣлью заставить политическихъ преступниковъ еще сильнѣе почувствовать всю тяжесть своего положенія. Такимъ образомъ, они были лишены возможности наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ, любоваться зеленью полей и пурпуромъ заката; отнынѣ они не должны были видѣть ни одного человѣка не въ платьѣ тюремныхъ сторожей.

Въ глубинѣ души, я больше, чѣмъ когда-либо, пожелалъ его превосходительству, господину генераль-губернатору просидѣть хоть одинъ только годъ въ заточеніи въ тюрьмѣ политическихъ арестантовъ на Карѣ. Пусть онъ въ теченіе 365 дней поглядѣлъ бы исключительно только на вывѣтрившійся заборъ, пусть попробовалъ бы 365 ночей проспать на жесткихъ, полныхъ паразитовъ, нарахъ, въ продолженіе 52 недѣль подышать и днемъ и ночью отравленнымъ воздухомъ камеръ, въ атмосферѣ, пропитанной невыносимой вонью «парашекъ». — О! тогда онъ понялъ бы, вѣроятно, истинный смыслъ своего изреченія: — „Тюрьма не дворецъ!“

Тюрьмы политическихъ преступниковъ въ Карской области.

Послѣ того, какъ полковникъ Кононовичъ въ 1881 году оставилъ должность начальника исправительной колоніи на Карѣ, на его мѣсто былъ назначенъ маіоръ Потулевъ, до этого имѣвшій какое-то отношеніе къ тюремному управленію на серебряныхъ рудникахъ у Нерчинска.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ вступилъ въ отправленіе служебныхъ обязанностей, всѣ политическіе, которыхъ въ это время здѣсь было около сотни, были переведены въ новую тюрьму у «Нижняго Пріиска», выстроенную при полковникѣ Кононовичѣ, и заключены здѣсь въ камеры Дни, проводимые ими здѣсь, какъ это видно изъ ихъ писемъ, которыя они иногда умудрялись тайно отправлять своимъ друзьямъ *), были злыми днями, но все-таки не такъ невыносимыми, какъ тѣ, что прошли до нихъ. Здѣсь имъ ежедневно разрѣшалось гулять по двору, распоряжаться по своему усмотрѣнію деньгами, передаваемыми имъ; они имѣли право пользоваться нѣкоторыми книгами, пріобрѣтенными на собственныя средства или присланными имъ изъ Россіи; иногда для развлеченія они занимались работами въ столярныхъ и слесарныхъ мастерскихъ. Конечно, этимъ жалкимъ привилегіямъ противоялагалась цѣлая масса тяжчайшихъ наказаній: нѣкоторымъ дни и ночи приходилось проводить закованными въ кандалы; двое или трое даже бы и прикованы къ тачкѣ. Работать на пріискахъ

*) Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ находятся въ моемъ распоряженіи, и многое изъ послѣдующаго разсказа взято изъ нихъ. Конечно, они не могутъ служить совершенно безпристрастными доказательствами, но они вовсе не написаны въ тенденціозномъ духѣ; вѣдь отправлявшіе эти письма и не подозревали, что содержаніе ихъ, будетъ предано гласности.

арестантамъ не разрѣшалось, и имъ приходилось все время проводить въ пустыхъ камерахъ, слушая нелѣпую болтовню своихъ лишившихся разсудка товарищей, запертыхъ вмѣстѣ съ ними. Не было у нихъ надежды и на это, чтобы по истеченіи извѣстнаго срока попасть въ «вольныя команды», гдѣ они могли бы пользоваться хоть маленькой свободой; переписка была безусловно воспрещена, и весь свѣтъ для нихъ ограничивался тюремнымъ дворомъ.

Въ мартѣ 1882 года сибирскій генераль-губернаторъ, генераль Анучинъ отправилъ царю секретный рапортъ, въ которомъ сообщалъ о политическихъ арестантахъ слѣдующее:

„...Заканчивая эту часть моего рапорта, осмѣливаюсь просить, Ваше Величество, обратить Ваше вниманіе на мои нижеслѣдующія замѣтки о государственныхъ преступникахъ, находящихся въ Восточной Сибири.

Къ 1 января 1882 г. ихъ здѣсь было всего 430 чел., а именно:

а) Сослано въ Сибирь по судебнымъ приговорамъ:	
1) Ссылно-каторжныхъ	123
2) Ссылно-поселенцевъ	49
3) Съ ограниченіемъ мѣста жительства.	41
б) Сослано административнымъ порядкомъ:	
1) Съ ограниченіемъ мѣста жительства	217

Итого . . . 430 *)

*) Слѣдуетъ здѣсь обратить особенное вниманіе на явленіе, официально признаваемое самимъ генераль-губернаторомъ, что 217 ссыльныхъ, слѣдовательно, большая ихъ половина, отправлено въ Сибирь безъ судебного приговора. На это обстоятельство было указано всеми посредниками по заключенію русско-американскаго договора.

Караульную службу при государственных преступниках, осужденных въ каторжныя работы, въ области золотыхъ приисковъ несетъ отрядъ Забайкальскихъ казаковъ въ 200 человекъ. Невозможно допускать этихъ преступниковъ работать на приискахъ вмѣстѣ съ уголовными. Но и отдѣльно отъ нихъ они не могутъ работать, такъ какъ, во-первыхъ, не хватаетъ удобныхъ для разработки мѣстъ, во-вторыхъ,—мало охраны, да наконецъ, большая часть изъ нихъ недостаточно сильны для такой самостоятельной работы *). У насъ здѣсь нигдѣ не имѣется иныхъ производительныхъ занятій, на которыя можно было бы назначать этихъ арестантовъ, чтобы дать имъ возможность физически работать, поэтому приходится держать ихъ безъ дѣла. Мѣстное начальство, строго отвѣчающее за каждый случай побѣга, вынуждено такимъ образомъ держать ихъ подъ стражей въ тюрьмѣ, только изрѣдка назначая на текущія работы здѣсь или гдѣ нибудь по близости. Но эти послѣднія работы никакъ не могутъ быть названы «каторжными», да и служатъ то они только для поддержанія физической бодрости. Впрочемъ, освобожденіе отъ каторжныхъ работъ нисколько не улучшаетъ положенія арестантовъ, наоборотъ! Полнѣйшая отчужденность дѣлаетъ имъ ихъ жизнь совершенно невыносимой... Здѣсь, поэтому было нѣсколько случаевъ самоубійства; одинъ изъ такихъ преступниковъ, по имени Позень, сошелъ съума, и нравственное состояніе многихъ другихъ тоже граничитъ съ умопомѣшательствомъ. Поэтому я сдѣлалъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о приспособленіи какого-либо частного дома въ Читѣ подъ пріютъ для умалишенныхъ, такъ

*) Господинъ генераль губернаторъ не мотивируетъ здѣсь невозможности политическимъ работать вмѣстѣ съ уголовными. Не объясняетъ онъ также и того, какимъ образомъ при полковникѣ Кононовичѣ это было возможно, и ни побѣговъ никакихъ либо иныхъ недоразумѣній все-таки не случилось.

какъ въ Сибири такихъ учрежденій нѣтъ, а имѣющіяся въ Европейской Россіи всѣ переполнены...“

Такъ гласитъ Всеподданнѣйшій генераль-губернаторскій докладъ, помѣщенный въ третьемъ отдѣлѣ пятой главы сборника подъ названіемъ: «Ссылка, каторга и тюремный отдѣлъ». Копія этого доклада у меня въ рукахъ. На оригиналѣ имѣется собственноручная помѣтка царя:—„Грустная, но не новая картина.“

Три съ половиною года спустя мы снова посѣтили Карскую область, а благое намѣреніе генераль-губернатора изолировать въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ умалишенныхъ арестантовъ все еще не было исполнено. По прежнему они жили въ однихъ камерахъ со своими здоровыми товарищами и своимъ присутствіемъ дѣлали имъ заточеніе буквально невыносимымъ. Да и вообще въ тюрьмахъ Восточной Сибири о душевно больныхъ заботились очень мало. Не разъ бывало, при входѣ въ тюрьму, гдѣ-нибудь въ Забайкальѣ, вздрогнешь отъ дикаго смѣха или плача умалишеннаго, буквально наскაკивающаго на тебя. Во всей мѣстности,—какъ гласитъ докладъ,—не имѣется ни одного пріюта для умалишенныхъ, а въ то-же время власти находятъ болѣе удобнымъ для себя поручать самимъ арестантамъ заботу о своихъ больныхъ товарищахъ вмѣсто того, чтобы назначать для этой цѣли отдѣльныхъ сторожей. На образованныхъ людей, боящихся помѣшательства, больше всякой иной болѣзни, конечно, угнетающе дѣйствуетъ видъ ихъ больныхъ товарищей и необходимость созерцать то несчастье, которое раньше или позже постигнетъ, можетъ быть, и ихъ самихъ.

Генераль-губернаторъ назвалъ въ своемъ докладѣ „невыносимымъ“ положеніе, при которомъ арестанты обречены на бездѣятельность. Но не само ли правительство создало это положеніе? Вѣдь оно же распорядилось поставить передъ окнами тюрьмы высокой заборъ, мѣшавшій арестан-

тамъ даже смотрѣть на окрестность; вѣдь самъ же министръ внутреннихъ дѣлъ безъ всякой настоятельной необходимости уничтожилъ «вольныя команды» и приказалъ совершенно изолировать политическихъ арестантовъ. Такія мѣры повлекли за собою увеличеніе случаевъ помѣшательства и самоубійства, такъ опечалившіе господина генераль-губернатора!

Никакъ невозможно было предположить, чтобы молодые люди съ закаленною волей стали трусливо мириться съ положеніемъ, которое сама администрація признавала невыносимымъ! И вотъ, въ апрѣлѣ 1882 года, почти черезъ годъ послѣ выхода въ отставку полковника Кононовича, едва лишь черезъ мѣсяцъ послѣ отсылки вышеупомянутаго Всеподданѣйшаго доклада, нѣсколько самыхъ отважныхъ политическихъ преступниковъ на Карѣ предприняли попытку бѣжать изъ тюрьмы. Первоначально они устроили подкопъ подъ тюремной стѣной, но онъ, хотя и не былъ открытъ, не пригодился имъ, такъ какъ былъ залитъ почвенной водой. Тогда одинъ изъ заключенныхъ предложилъ ежедневно прятаться нѣсколькимъ человѣкамъ въ мастерскихъ, гдѣ они иногда работали, чтобы затѣмъ, подъ покровомъ ночи перебираться черезъ заборъ. Наибольшую трудность при выполненіи такого плана представляла бы вечерняя повѣрка; ежедневно вечеромъ, послѣ ужина, всѣхъ заключенныхъ пересчитывали въ камерахъ, и исчезновеніе спрятавшихся было бы замѣчено еще раньше, чѣмъ они успѣли бы ускользнуть. Но тутъ имъ помогъ благопріятный случай. А именно: обыкновенно бывало такъ, что надзиратель, приходившій на повѣрку не будилъ уже спавшихъ арестантовъ; они рѣшили сдѣлать поэтому нѣсколько куколъ и класть ихъ на нары. Такъ какъ повѣрка обыкновенно производилась у дверей, то было вѣроятно, что чиновникъ не замѣтитъ обмана. Если бы планъ удался то бѣглецамъ оставалось бы только, слѣдуя по долину

Амура, добраться до береговъ Тихаго Океана, а тамъ на какомъ-нибудь американскомъ кораблѣ завершить свой побѣгъ. Остававшіеся въ тюрьмѣ должны были ежедневно при повѣркѣ класть куколъ на нары, чтобы какъ можно дольше скрывать побѣгъ, и такимъ образомъ дать бѣжавшимъ возможность добраться до берега прежде, чѣмъ было бы начато преслѣдованіе. Когда всѣ необходимыя приготовленія были закончены, однажды, послѣ обѣда (это было въ апрѣлѣ) двое политическихъ, Мышкинъ и Хрущевъ, спрятались, какъ было условлено, а на нары положены два чуела въ арестантскихъ халатахъ. Хитрость удалась. Надзиратель не замѣтилъ отсутствія двухъ арестантовъ, и имъ благополучно удалось перелѣзть черезъ заборъ и достичь спасительнаго лѣса. Черезъ нѣсколько дней за ними, такимъ же образомъ, отправились еще двое другихъ узниковъ; черезъ четырнадцать дней на нарахъ лежали уже шесть набитыхъ чуелъ, а въ теченіе слѣдующей недѣли къ нимъ прибавилась еще четвертая пара. Судьбѣ было угодно, чтобы одинъ изъ послѣдней пары бѣглецовъ, соскакивая съ забора, упалъ въ ровъ, наполненный водой. Всплескъ привлекъ вниманіе стражи, открывшей огонь, и не прошло и десяти минутъ, какъ все было на ногахъ. Точный подсчетъ всѣхъ арестантовъ показалъ, что восемь человѣкъ бѣжали.

За нѣсколько дней до этого открытія директоръ тюремнаго вѣдомства, Галкинъ Враскій съ забайкальскимъ губернаторомъ Ильяшевичемъ осматривали карскія тюрьмы и теперь какъ разъ возвращались въ Читу. Немедленно извѣщенные маіоромъ Потулевымъ о происшествіи, они сейчасъ же возвратились, и подъ личнымъ руководствомъ повели самое энергичное слѣдствіе объ убѣжавшихъ.

По всѣмъ гаванямъ Тихаго океана были разосланы телеграфныя увѣдомленія и предписанія, всѣ полицейскіе чины были снабжены подробными примѣтами и даже, по возмож-

ности, фотографическими снимками бѣглецовъ, было отдано распоряженіе арестовывать всѣхъ подозрительныхъ путешествующихъ; массы мѣстныхъ жителей, соблазненныхъ общаніемъ награды, обыскивали лѣса съ цѣлью поимки бѣжавшихъ. Физически изнуреннымъ, не знающимъ дороги, безъ картъ и компаса подъ рукою, трудно было, конечно, бѣднякамъ разсчитывать на возможность избѣжать преслѣдованія да еще при такихъ рѣшительныхъ мѣрахъ. Только двумъ, убѣжавшимъ въ началѣ, удалось добраться до Владивостока, но и тутъ они, какъ и всѣ остальные, были, наконецъ, арестованы и въ кандалахъ препровождены обратно.

Послѣ этого политическимъ арестантамъ было «прочитано наставленіе» и такимъ образомъ порядокъ въ тюрьмѣ возстановленъ *). У политическихъ отняли всѣ привилегіи и права, которыми пользовались даже уголовные, затѣмъ они были группами размѣщены между уголовными преступниками на Устьѣ Кары и при средней и верхней Карѣ и, наконецъ, здѣсь уже подвергнуты «карцерному положенію».

Такой преступникъ лишается денегъ, книгъ, письменнаго прибора, постельнаго бѣлья, табаку—словомъ всего того, что не составляетъ насущной необходимости. Ему не разрѣшаютъ гулять по двору, его пища состоитъ изъ ржаного хлѣба и воды, иногда прибавляютъ еще немного ячменнаго супу,—«баланды», какъ его называютъ заключенные.

Губернаторъ Ильяшевичъ и начальникъ Галкинъ-Враскій можетъ быть, въ дѣйствительности и боялись протеста со стороны политическихъ заключенныхъ по поводу этихъ

*) Я привожу здѣсь подлинныя слова изъ разсказа маіора Потулева объ этомъ случаѣ. Политическіе предполагали, что у мѣстныхъ властей было намѣреніе вызвать возмущеніе въ ихъ средѣ, чтобы имѣть предлогъ потомъ еще сильнѣе прижать арестантовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на „небрежность“ администраціи.

правиль, или же это имъ только казалось, но они сочли необходимымъ поставить на нижнемъ золотомъ приискѣ шесть сотенъ казаковъ.

Въ теченіе десяти дней они не безпокоили политическихъ преступниковъ, вѣроятно, чтобы ихъ увѣрить въ безопасности, но вдругъ ночью казаки получили приказъ напасть на заключенныхъ; это дикое нападеніе вооруженныхъ на спящихъ беззащитныхъ людей извѣстно, какъ «погромъ 11-го мая». *) Нѣсколько сотенъ казаковъ по приказу подполковника Руденко напали на нихъ, съ примкнутыми штыками ворвались во всѣ камеры, стаскивали спящихъ съ ихъ наръ, обыскивали ихъ самымъ грубымъ образомъ, забрали все ихъ имущество, срывали платья и тащили ихъ во дворъ. Всѣ просьбы и разговоры истязаемыхъ были напрасны и на нихъ отвѣчали самымъ грубымъ образомъ. Нѣкоторые вспльчивые политическіе заключенные срывали со своихъ наръ доски, чтобы ими защищаться, но за то были избиты прикладами ружей. Имена наиболѣе жестоко пострадавшихъ слѣдующія: Волошенко, Родіоновъ, Кобылянской, Поповъ и Орловъ.

Совершенно излишне рисовать здѣсь подробно эти жестокія насилія, достаточно только замѣтить, что 11-го мая 1882 въ предобѣденное время бѣдные заключенные, окровавленные и избитые, у которыхъ ограбили платья, бѣлье и всѣ другія на собственныя средства пріобрѣтенныя вещи, были раздѣлены на три группы, и не давъ имъ ничего поѣсть, отправили ихъ въ тюрьмы Устья-Кары, Средней Кары и Верхней Кары, въ сопровожденіи казаковъ, которымъ генераль Ильяшевичъ приказалъ не стѣсняться въ употребленіи прикладовъ.

Пересылаемые пѣшкомъ на Усть-Кару, среди которыхъ находился также прикованный къ тачкѣ, дорогой просили

*) Погромъ—означаетъ жестокое, неожиданное нападеніе.

разрѣшенія немного отдохнуть, такъ какъ они должны были пройти пятнадцать верстъ и притомъ ничего не ѣвши,— этого имъ не разрѣшили и прикладами погнали дальше. Тогда тѣ изъ нихъ, у которыхъ руки не были въ кандалахъ, разъярившись, забросали солдатъ камнями, слѣдствіемъ чего явилось еще болѣе жестокое обращеніе, причемъ тѣмъ, которые были безъ кандаловъ, связали руки. Разбитые, усталые и голодные добрались они поздно вечеромъ до Усть-Кары, гдѣ ихъ снова обыскали, а затѣмъ заключили въ секретныя камеры тюрьмы, гдѣ они въ изнеможеніи растянулись на холодной, сырой землѣ и благодарили небо за то, что наконецъ день прошелъ *).

Съ преступниками, переведенными въ другія тюрьмы, поступали подобнымъ же образомъ, съ тою только разницей, что ихъ не такъ жестоко избивали. Господамъ Галкину-Враскому и Ильяшевичу удалось усмирить «бунтъ»,

*) Секретныя камеры сибирскихъ тюремъ предназначены для одиночнаго заключенія убійцъ и другихъ самаго низкаго рода преступниковъ. При нашемъ осмотрѣ намъ эти секретныя камеры обыкновенно не показывали, только въ Иркутскѣ разрѣшилъ мнѣ полковникъ Маковскій ихъ осмотрѣть. Онѣ не имѣли, кромѣ параша, никакой обстановки, даже не было наръ. Заключенные должны были сидѣть, а также и спать на голой землѣ. Тамъ, въ Иркутскѣ я встрѣтилъ людей, которые даже еще не судились. Если бы я имѣлъ возможность призвать чиновниковъ тюремнаго вѣдомства изъ Петербурга въ качествѣ свидѣтелей, то могъ бы въ случаѣ необходимости представить русскому суду доказательства, что даже въ этой образцовой русской тюрьмѣ существовали секретныя камеры, гдѣ не только не было наръ, но даже парашъ, и испражненія оставались лежать на полу. Я предполагаю, что высшимъ чиновникамъ тюремнаго управленія не были извѣстны эти ужасныя обстоятельства, но таковы факты, и я не могу предположить, чтобы политическіе заключенные и тюремные чиновники дали бы мнѣ лживыя показанія. Я не видалъ секретныхъ камеръ въ Карѣ, но все же я думаю, что они не находились въ лучшемъ состояніи нежели тѣ, которыя я осматривалъ и здѣсь обрисовалъ.

который могли бы устроить спящіе заключенные и преподать «бунтовщикамъ» необходимый, хорошей «урокъ».

Имъ удалось представить доказательства Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ какой энергіей они умѣли предупредить «грозившую опасность».

Два мѣсяца провели политическіе въ секретныхъ камерахъ, не зная ничего другъ о другѣ, не зная, что происходитъ за стѣнами ихъ тюрьмы.

Скверный воздухъ, недостаточная пища и лишеніе физическаго движенія должны были самымъ ужаснымъ образомъ повліять на состояніе ихъ здоровья: эпидемія цынги распространилась между ними и въ короткое время нѣкоторыя были близки къ смерти, а другіе такъ изнурены, что даже не могли вставать при переключкѣ. Ихъ собственность, ихъ деньги находились у тюремной администраціи, которая не хотѣла имъ разрѣшить приобрѣсть даже самое необходимое, въ чемъ нуждались больные. Маіоръ Калтуринъ, грубый жандармскій офицеръ, преемникъ маіора Потулева въ „командѣ“, только тогда разрѣшилъ заключеннымъ приобрѣсть на ихъ собственныя деньги постельное бѣлье, когда цынга все болѣе распространялась и приняла угрожающія формы.

Въ женской тюрьмѣ въ Усть-Карѣ были немного лучшія условія. Женщины не были ни соучастницами побѣга заключенныхъ, ни искусственно произведеннаго «бунта», однако и онѣ также должны были почувствовать ухудшеніе своего положенія. До того времени имъ было снисходительно разрѣшено ношеніе собственной одежды, вмѣсто арестантской. Маіоръ Калтуринъ нашелъ это смѣшной безсмысленностью и настоялъ, чтобы предписанія строга приводились въ исполненіе. Поэтому было приказано женщинамъ снять собственныя платья и надѣть тюремныя. Нѣкоторыя были больны и вслѣдствіе этого не могли переѣхать, другія же противились этому въ надеждѣ, что насильно ихъ не заставятъ,

но что все же случилось, и тюремные смотрители при этом поступали такимъ подлымъ образомъ, что одна изъ женщинъ покушалась на самоубійство.

Въ «Нижнихъ золотопромывкахъ» находились нѣкоторыя женщины, которыя добровольно послѣдовали за своими мужьями. До „погрома 11-го мая“ онѣ могли иногда посѣщать своихъ мужей и получали изрѣдка отъ нихъ на содержаніе немного денегъ, сбереженныхъ отъ сверхурочной работы. Теперь же и это было имъ запрещено, и бѣдныя жены и дѣти были обречены на голодъ и другія лишенія. Жена молодого приговореннаго къ каторжнымъ работамъ поручика Дмитрія Рогачева пришла вслѣдствіе этого въ такое отчаяніе, что застрѣлилась.

1-го іюля 1882 года восемь изъ этихъ политическихъ заключенныхъ, которые казались правительству особенно опасными, были въ кандалахъ посланы въ Петербургъ, чтобы исчезнуть въ стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости. Ихъ имена: Геллисъ, Волошенко, Бутчинскій, Павелъ Орловъ, Малавскій, Поповъ, Щедринъ и Кобылянский. Что съ ними случилось, до сихъ поръ неизвѣстно. Съ женой перваго я познакомился въ Забайкальѣ и она рассказала мнѣ, что ей не было позволено проститься со своимъ мужемъ, о которомъ она даже теперь не знаетъ, живъ ли онъ. Приблизительно около середины іюля всѣ политическіе преступники были перевезены въ Нижнюю-золотопромывку, гдѣ они были заключены по семь и по восемь человѣкъ въ маленькихъ камерахъ, которыя устроили изъ обыкновенной камеры, раздѣливъ ее перегородками на три части. Почти все пространство было занято нарами; разстояніе между стѣной и нарой было такъ мало, что два человѣка не могли стоять одинъ возлѣ другого, поэтому не было никакого мѣста для движенія, и бѣдныя заключенные, которые ни физически, ни умственно не могли заниматься, должны были все время лежать или сидѣть на нарахъ. Кромѣ всего въ камерахъ были

поставлены параша, зловоніе которыхъ такъ заражало воздухъ, что „доводило до сумасшествія“—я употребляю выраженіе, которое было написано однимъ изъ находившихся тамъ въ письмѣ ко мнѣ. — Не было недостатка ни въ просьбахъ, ни въ жалобахъ, но единственный отвѣтъ, который они получали отъ маіора Калтурина, былъ тотъ, чтобы они были спокойны, иначе онъ прикажетъ ихъ высѣчь. И чтобы показать имъ, что онъ этой угрозой не шутитъ, онъ велѣлъ врачу освидѣтельствовать заключенныхъ съ цѣлью узнать, смогутъ ли они выдержать грозившее имъ наказаніе.

Тогда рѣшили бѣдные заключенные прибѣгнуть къ послѣднему отчаянному средству, къ голодовкѣ. Они велѣли передать маіору Калтуру, что они предпочитаютъ смерть подобной жизни, они воздержатся отъ всякой пищи до тѣхъ поръ, пока или не наступитъ смерть или же они добьются лучшаго отношенія; онъ принялъ это сообщеніе равнодушно, и заключенные впредь отказывались принимать приносимую имъ ѣду.

Дни проходили, могильная тишина царствовала въ камерахъ. Голадающіе заключенные были слишкомъ слабы, чтобы разговаривать другъ съ другомъ, подобно мертвецамъ лежали они на нарахъ. Единственно, что нарушило тишину, это былъ бредъ нѣкоторыхъ сошедшихъ съ ума или же скрипучіе шаги караульныхъ, ходившихъ взадъ и впередъ. Наконецъ, на пятый день маіоръ Калтуринъ понялъ, что дѣло съ голодовкой среди заключенныхъ было очень серьезно, онъ посѣтилъ тюрьму и спросилъ арестантовъ при какихъ обстоятельствахъ они прекратятъ голодовку. Они отвѣчали, что не станутъ принимать пищи до тѣхъ поръ, пока не будутъ удалены изъ камеръ параша, пока имъ не разрѣшатъ ежедневныя прогулки по двору, книги и употребленіе денегъ для своихъ потребностей. Кромѣ того долженъ былъ маіоръ дать обязательство, что ихъ не будутъ наказывать плетью. Калтуринъ возразилъ, что

угроза высъть ихъ не была серьезной, они могутъ прекратить голодовку и тогда онъ уже серьезно приметъ во вниманіе, что изъ ихъ желаній можетъ быть исполнено. Этимъ все же заключенные не хотѣли довольствоваться и продолжали голодать. На десятый день положеніе было очень опаснымъ. Они были обезсилены, нѣкоторые казались даже были близки къ смерти. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Толстой, которому было сообщено объ этомъ случаѣ, далъ приказъ сообщить ему о каждомъ измѣненіи въ положеніи голодающихъ. Чего я не могу понять, это — почему правительство, которое такимъ самымъ беспощаднымъ образомъ относится къ заключеннымъ, не даетъ имъ спокойно умереть и такимъ образомъ отъ нихъ избавиться. Сколько разъ политическіе преступники ни прибѣгали къ голодовкѣ и въ этомъ упорствовали, правительство всегда уступало. Это одно изъ многихъ противорѣчій, которыми богата русская судебная расправа. Съ одной стороны нерѣшимость, а съ другой снова крайняя беспощадность, то уничтожаютъ смертную казнь въ гражданскомъ сводѣ законовъ, то снова приговариваются военнымъ судомъ къ смерти гражданскія лица; здѣсь отмѣняютъ употребленіе кнута, чтобы въ замѣну сѣчь плетью, сто ударовъ которой, по словамъ русскихъ офицеровъ, дѣйствуютъ смертельно. Правительство не хочетъ, чтобы политическіе преступники погибли отъ добровольнаго голода, но ничуть не боится медленно губить ихъ въ стѣнахъ Шлиссельбургской тюрьмы. По моему мнѣнію, они поступали бы болѣе человѣчно, если бы открыто приказывали застрѣлить, нежели мучить ихъ до смерти невыносимымъ заточеніемъ.

Ежедневно въ камеры приходилъ врачъ, чтобы выслушивать у голодавшихъ пульсъ и измѣрять ихъ температуру. На тринадцатый день голодовки призвалъ маіоръ Калтуринъ женъ заключенныхъ къ себѣ и объявилъ имъ, что

желаетъ дать имъ разрѣшеніе посѣтить своихъ мужей, въ первый разъ послѣ болѣе двухмѣсячнаго запрета, но онѣ должны были постараться уговорить заключенныхъ снова принимать пищу. Онѣ согласились на это и были впущены въ тюрьму. Маіоръ также отправился туда и далъ свое честное слово, что онъ сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы исполнить ихъ желанія. Наконецъ удалось уговорить заключенныхъ прекратить это упорство; благодаря этому обѣщанію и еще болѣе — просьбамъ плачущихъ женъ, послѣ тринадцатидневнаго поста кончилась первая и самая упорная голодовка въ Карѣ.

Въ теченіи этого времени одна молодая женщина, приговоренная въ Одессѣ къ каторжнымъ работамъ за революціонную дѣятельность и отбывшая наказаніе, была сослана въ Акшу, маленькую деревню въ Забайкальѣ, вблизи монгольской границы. Она видѣла всѣ звѣрства, которыми былъ подавленъ „бунтъ“ въ Карѣ, она сама испытала то оскорбленіе чести и женской стыдливости, изъ-за котораго другія женщины покушались на самоубійство, и ей хорошо была извѣстна голодовка со всѣми ея несчастіями. Возмущенная этими обстоятельствами, она рѣшила убить генерала Ильяшевича, губернатора Забайкалья и этимъ способомъ обратить всеобщее вниманіе на жестокость, которая свирѣпствовала въ его управленіи и по большей частью съ его вѣдома въ Карскомъ округѣ. Она хорошо знала, что ей при этомъ ни подъ какимъ видомъ не спастись, она знала, что она идетъ на гибель и, вѣроятно, также погибнетъ ея еще не рожденное дитя, однако то, что она видѣла и чувствовала въ Карѣ, заставило ее рѣшиться даже пожертвовать своей собственной жизнью, чтобы совершить покушеніе на губернатора.

Спустя короткое время по ея прибытіи въ Акшу, она тайкомъ ушла отъ назначеннаго ей мѣста, наняла лошадей и поѣхала въ Читу, мѣстопребываніе губернатора.

Она купила револьверъ у поселенца изъ каторжныхъ. По дорогѣ она была арестована, но все таки сумѣла убѣдить урядника привезти ее въ Читу и тамъ ее выдать знакомому ей лично исправнику. Этому она объяснила, что ея удаленіе отъ мѣста ссылки не было совершено съ цѣлью побѣга, но только, чтобы поговорить съ губернаторомъ. Дѣйствительно, она также сумѣла уговорить и исправника, который ее повелъ къ губернатору. Тамъ онъ оставилъ ее ждать въ приемной, чтобы доложить генералу.

— Обыскали-ли вы женщину? — спросилъ Ильяшевичъ недовѣрчиво.

— Объ этомъ я не подумалъ, — отвѣчалъ исправникъ.

— Все равно! Что собственно эта женщина могла бы имѣть ко мнѣ! — подумалъ генералъ и направился въ комнату, гдѣ его ждала женщина, спрятавъ револьверъ въ носовой платокъ.

Когда онъ къ ней приблизился, она выстрѣлила въ него съ возгласомъ: „Это за одиннадцатое мая“. Пуля попала въ легкое. Хотя губернаторъ не былъ смертельно раненъ, но все же упалъ и его должны были унести. Исправникъ велѣлъ заковать ее въ кандалы и привести въ тюрьму. Ее заперли въ холодную, грязную секретную камеру, которую мнѣ обрисовалъ окружной архитекторъ изъ Забайкалья слѣдующими словами: «Она едва достаточна, чтобы растянуться и слишкомъ низка, чтобы стоять». У нея были отняты ея платья и бѣлье, она должна была надѣть арестантскую одежду, полную насѣкомыми паразитами. Три мѣсяца лежала она въ строгомъ заключеніи на холодномъ полу и, когда она вслѣдствіе лишеній заболѣла и просила немного соломы для ложа, полицейскій чиновникъ Мельниковъ отвѣтилъ, что для нея нѣтъ соломы. Она, вѣроятно, изголодалась бы, если бы ей иногда тайно не доставлялась пища. Военный судъ приговорилъ ее къ смерти черезъ повѣшеніе. Цѣлый мѣсяць ждала она исполненіе приговора, постоянно раздумывая, не

должна ли она открыть, что беременна. Она знала, что обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ откладываютъ исполненіе приговора, иногда даже замѣняютъ смертную казнь заточеніемъ въ тюрьмѣ. Тогда ее снова охватывало сознание тяжести жизни и она думала, что послѣ исполненія приговора станетъ извѣстнымъ ея беременность, и что это вызоветъ еще большую ненависть къ правительству. Но болѣе всего ее угнетала мысль, быть убійцей своего нерожденного плода.

И все таки она рѣшила допустить исполненіе приговора, однако оно не послѣдовало, такъ какъ въ январѣ 1883 года она помилована и ей замѣнили смертную казнь пожизненной каторгой, хотя и не знали о ея беременности.

Мнѣ сообщили изъ достовѣрныхъ источниковъ, что это смягченіе наказанія произошло по ходатайству самого губернатора. Я не знаю, чѣмъ было вызвано это великодушіе; можетъ быть, у него заговорила совѣсть, можетъ быть, дѣйствительно почувствовалъ онъ состраданіе, но можетъ быть это было только цѣлью показать яко-бы свое благородство души и этимъ ослабить впечатлѣніе, которое могло бы произвести сообщеніе о его жестокости по отношенію къ заключеннымъ въ Карскомъ округѣ.

Безъ теплаго платья, въ самую суровую зимнюю стужу она была сослана; она, вѣроятно, замерзла бы дорогой, если бы другіе преступники не снабдили бы ее своею теплой одеждой. Когда она добралась до Иркутска, то была до такой степени изнурена, что ее должны были вынести изъ экипажа; здѣсь же въ тюрьмѣ произвела она на свѣтъ мертвое дитя. Во время нашего пребыванія въ Сибири она была еще жива, позже я могъ узнать о ней, только то, что она умерла.

Все сообщенное мною здѣсь объ этихъ событіяхъ основано на разказахъ политическихъ преступниковъ и также на трехъ письменныхъ документахъ изъ разныхъ источниковъ и касается побѣга заключенныхъ, „погрома“ и голодовки. Покушеніе на убійство генерала Ильяшевича

и жизнь этой женщины въ тюрьмѣ извѣстны мнѣ изъ писемъ, которыя она позже писала, но ея мысли въ ожиданіе смертнаго приговора намъ сообщила одна изъ заключенныхъ, съ которой она была дружна.

Эта исторія извѣстна подробно въ Сибири, мнѣ ее рассказывали, по крайней мѣрѣ, въ шести различныхъ мѣстахъ. Я старался также что-нибудь узнать объ этомъ отъ чиновниковъ, но тщетно. Нѣкоторые выказывали большое нерасположеніе къ разсказу объ этомъ случаѣ, другіе же нелѣпо старались ввести меня въ заблужденіе.

Одинъ молодой тюремный врачъ въ Иркутскѣ на мой вопросъ о покушавшей до того испугался, что поспѣшилъ избавиться отъ моего общества и даже не отвѣтилъ на мой визитъ.

Исправникъ въ Нерчинскѣ, который нѣкоторыхъ изъ выше названныхъ бѣглецовъ настигалъ и возвращалъ, обрисовывалъ мнѣ политическихъ преступниковъ какъ „хитрыхъ плутовъ“, которые не заслуживаютъ ни состраданія, ни уваженія, какъ „поповичей или выгнанныхъ со школы учащихся“. Подполковникъ Новиковъ, который три года или даже еще дольше былъ начальникомъ казацкаго гарнизона въ Карѣ, выразился въ разговорѣ со мной, что политическіе преступники были только „мальчишки, люди безъ убѣжденій и цѣлей“.

Изъ многихъ, которыхъ онъ зналъ, только трое были прилично воспитаны.

Это покушеніе на убійство считалъ онъ „безумной выходкой“, а виновница этого „даже сама не знала, зачѣмъ она это дѣлаетъ“.

Не трудно было сдѣлать выборъ между нелѣпыми замѣчаніями съ одной стороны и ясными связными разсказами политическихъ заключенныхъ. Если это изложеніе, можетъ быть, и не совсѣмъ безпристрастно, то въ этомъ не моя вина. Я старался также достать разъясненія отъ противной

стороны, но они, хотя и могли, но не хотѣли мнѣ ихъ дать, а если и соглашались на это, какъ я уже указалъ, то въ ихъ сообщеніяхъ даже не было и признака истины.

На сколько взгляды чиновниковъ о характерѣ политическихъ ссыльныхъ были несправедливы, можно показать краткими описаніями жизни нѣкоторыхъ преступниковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ названныхъ событіяхъ или же имена которыхъ связываютъ съ позднѣйшей исторіей Карской тюрьмы.

Къ выдающимся личностямъ ссыльныхъ принадлежала Анна Павловна Корба, дочь дворянина Тверской губерніи Павла Менгарта, родившаяся въ 1849 году. Подъ руководствомъ своей матери, интеллигентной и благочестивой женщины, получила она тщательное воспитаніе и вышла замужъ, восемнадцати лѣтъ, за одного живущаго въ Россіи швейцарца по имени Викторъ Корба, который былъ зажиточенъ и радовался тому, что его молодая, красивая жена скоро заняла въ обществѣ видное положеніе. Однако, долго не могла этимъ довольствоваться умная и красивая женщина и въ 1869 году, едва достигнувъ 20 лѣтъ поступила она въ только что открытое въ Петербургѣ учебное заведеніе для благородныхъ молодыхъ женщинъ, съ намѣреніемъ впослѣдствіи продолжать свои занятія въ университетахъ Цюриха или Парижа. Отъ послѣдняго ей пришлось отказаться, такъ какъ годъ спустя ея мужъ обанкротился. Она послѣдовала за нимъ въ Минскъ, маленькій провинціальный городъ, гдѣ онъ нашелъ занятіе. Здѣсь она основала общество поощренія народнаго образованія и вспомоствованія бѣднымъ студентамъ. Позже—русско-турецкая война дала ей обширное поле для полезной общественной дѣятельности. Она ухаживала за возвращающимися изъ Болгаріи ранеными и послѣ даже отправилась въ качествѣ сестры милосердія „Краснаго Креста“ на театръ военныхъ дѣйствій. Кто видѣлъ картины русскаго худож-

ника Верещагина, тотъ можетъ имѣть приблизительно представленіе о томъ, что она тамъ пережила и перетерпѣла, и то, что она тамъ узнала рѣшительнымъ образомъ подѣйствовало на весь ея послѣдующій складъ жизни. Ее охватило чувство любви и почтенія къ русскому крестьянину, который на себѣ несъ всю тяжесть русскаго государства, который за него проливалъ свою кровь и въ благодарность за это обмануть, обкрадены и находится въ рабскомъ положеніи. Она задумала впредь посвятить всю свою жизнь на просвѣщеніе этого угнетеннаго сословія.

Возвратившись съ войны на родину, она заболѣла тифомъ, которымъ она заразилась въ переполненныхъ госпиталяхъ; но она выздоровѣла и стала осуществлять свои намѣренія. Здѣсь ей на каждомъ шагу приходилось встрѣчать препятствія со стороны полиціи, что укрѣпило въ ней убѣжденіе, что улучшение положенія народа возможно только чрезъ ниспроверженіе существующаго строя. Она примкнула къ партіи „Народной Воли“ и приняла дѣятельное участіе во всѣхъ покушеніяхъ, которыя были совершены съ 1879 года по 1882, чтобы уничтожить въ Россіи самодержавіе и на его мѣсто учредить конституціонный образъ правленія. 5-го іюня она была арестована и посажена въ Петропавловскую крѣпость, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ по обвиненію въ принадлежности къ террористамъ, предстала предъ судомъ.

Спрошенная, о томъ что она можетъ привести свое оправданіе, она сказала приблизительно слѣдующее: «я не признаю себя виновной въ томъ преступленіи, въ которомъ меня обвиняютъ, хотя я не лгу говоря, что принадлежу къ революціонной партіи «Народная Воля» и раздѣляю ея принципы. Я не знаю организаціи, которая бы стремилась къ этой цѣли только насильственными средствами и полагаю, что таковой вовсе не существуетъ. Возможно, что впоследствии, когда революціонное движеніе получитъ широкое распро-

страненіе, такая организація только и возникнетъ, но я къ ней навѣрное не принадлежала бы. Если бы организація „Народная Воля“ и дошла до террора, то онъ все-таки не былъ бы примѣненъ, не смотря на придаваемое ему значеніе, исключительно потому только, что эта партія должна понять, что къ достиженію своей цѣли она можетъ идти лишь тѣмъ путемъ, который указываетъ ей историческій ходъ русской жизни».

Печальныя, многозначительныя слова, заставляющія опасаться за худшее будущее! Далѣе она продолжала: „Господа, судьи, вы знаете основные законы русскаго государства. Вамъ извѣстно, что никто не въ правѣ ни измѣнять, ни даже посягать на измѣненіе существующаго образа правленія. Даже подача коллективной просьбы правительству запрещена. Однако русское самосознаніе растетъ, положеніе становится все болѣе серьезнымъ и скоро наступитъ моментъ, когда русскій народъ властно уничтожитъ удерживающія его преграды“.

— „Это ваше личное мнѣніе!—замѣтилъ предсѣдатель суда.

— Разрушить эти преграды и бороться за свободу и независимость русскаго народа—задача партіи «Народной Воли»,—продолжала свою рѣчь госпожа Корба.—Какимъ образомъ это осуществится, зависитъ отъ самого правительства. Мы не желаемъ обязательно пользоваться средствами террора. Рука, угрожающе поднявшаяся, доброжелательно опустится, какъ только правительство дастъ мѣсто другой системѣ. У насъ достаточно патріотизма и самопожертвованія, чтобы забыть всѣ тѣ страшныя страданія, которыя были намъ причинены, но мы бы оказались измѣнниками по отношенію къ себѣ и русскому народу, если бы опустили оружіе прежде, чѣмъ были бы завоеваны свобода и благоденствіе народа. Въ доказательство нашихъ мирныхъ стремленій я прошу васъ прочитать письмо, отправленное нашей

партіей Императору Александру III послѣ 1-го марта*). Изъ этого письма вы усмотрите, что мы стремимся только къ реформамъ, но къ реформамъ основательнымъ и искренно осуществляемымъ“.

Эти слова ничуть не послужили въ пользу обвиняемой, другого чего она и ожидать не могла.

Она была приговорена къ двадцатилѣтней каторгѣ, лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и по отбытіи срока наказанія къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь.

Послѣднія извѣстія, полученныя мною изъ Карскаго округа, передаютъ, что она еще жива, хотя настолько изнурена, что, вѣроятно, вскорѣ сдѣлается жертвой лишеній тюремнаго режима.

Изъ мужчинъ—политическихъ преступниковъ находившихся въ Карскомъ округѣ, больше всѣхъ меня интересовалъ Ипполитъ Мышкинъ. Въ 1864 году былъ осужденъ какъ революціонеръ и сосланъ въ Сибирь извѣстный русскій писатель Чернышевскій, сочиненіе котораго «Что дѣлать?» переведено даже на англійскій языкъ. Первое время находился въ Иркутской тюрьмѣ, затѣмъ былъ отправленъ въ Виллюйскъ, небольшой городокъ въ Якутской области, гдѣ онъ жилъ долгое время подъ строгимъ надзоромъ полиціи.

Къ намѣреніямъ революціонной партіи ставшей очень дѣятельной въ 1870 году принадлежалъ также планъ освобожденія Чернышевскаго: помочь ему бѣжать за границу, гдѣ бы онъ могъ безпрепятственно продолжать свою дѣятельность. Нѣкоторыя попытки къ освобожденію не удалось и планъ этотъ былъ отставленъ, какъ неисполнимый. Въ 1875 году Ипполитъ Мышкинъ, бывший въ то время студентомъ петербургскаго технологическаго института снова взялся за этотъ планъ и рѣшилъ, переодѣвшись жандарм-

скимъ капитаномъ, отправиться въ Виллюйскъ и тамъ заявить исправнику, что онъ имѣетъ предписаніе доставить Чернышевскаго въ Петербургъ для пересылки въ Шлиссельбургъ, что не могло показаться подозрительнымъ, такъ какъ часто бывало, что политическіе преступники, признанные опасными, переводились изъ Сибири въ одну изъ русскихъ крѣпостей. Поэтому Мышкинъ надѣялся что его планъ удастся. Онъ отправился прежде всего въ Иркутскъ, гдѣ спустя нѣсколько мѣсяцевъ поступилъ въ жандармскій корпусъ и и вскорѣ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ этомъ званіи онъ сумѣлъ раздобыть необходимые документы, на которыхъ написалъ, что, какъ жандармскій офицеръ, онъ уполномоченъ перевести сосланнаго Чернышевскаго въ Петербургъ. Мышкинъ искусно поддѣлалъ подпись и печать, досталъ форму капитана и оставилъ затѣмъ службу подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ согласно полученнымъ предписаніямъ, принужденъ вернуться въ Европейскую Россію.

Затѣмъ онъ рѣшилъ привести въ исполненіе свой планъ и отправился въ Виллюйскъ.

Его ловкость, обходительное обращеніе и краснорѣчіе привели къ тому, что исправникъ въ первую минуту несомнѣвался въ дѣйствительности его миссіи, и которая, вѣроятно, и удалась бы, если бы не одно обстоятельство. Дѣло въ томъ, что Мышкинъ прибылъ безъ всякаго конвоя, а въ Сибири не принято, чтобы офицеры ѣздили безъ него, въ особенности когда дѣло идетъ о переводѣ извѣстнаго политическаго преступника. Это возбудило подозрѣніе исправника, и онъ на слѣдующее утро за завтракомъ сказалъ мнимому жандармскому капиталу, что, безъ разрѣшенія губернатора Черныяева въ Якутскѣ, онъ не освободитъ такого важнаго преступника, какъ Чернышевскій; поэтому онъ пошлетъ губернатору рапортъ вмѣстѣ съ документами Мышкина, а затѣмъ поступитъ согласно приказанію. Мышкинъ

*) День убійства Императора Александра II.

не растерялся при этомъ неожиданномъ заявленіи и сказалъ: «Я не думаю, чтобы ясное распоряженіе департамента полиціи нуждалось бы еще въ подтвержденіи со стороны губернатора, но если вы считаете это необходимымъ, то я самъ же отправляюсь къ нему и привезу его согласіе».

Исправникъ далъ ему въ качествѣ провожатымъ двухъ казаковъ, отъ которыхъ онъ не могъ отказаться, и имъ было приказано зорко слѣдить за мнимымъ жандармскимъ капитаномъ. О своемъ подозрѣніи исправникъ увѣдомилъ губернатора письмомъ, отправленнымъ съ казакомъ, который долженъ былъ явиться къ губернатору до прибытія Мышкина.

Объ этомъ письмѣ Мышкинъ узналъ изъ разговора со провождавшихъ его двухъ казаковъ съ третьимъ, нагнавшимъ ихъ, и рѣшивъ, что дальнѣйшія попытки теперь бесполезны.

Первымъ представившимся случаемъ онъ воспользовался, чтобы убѣжать въ лѣсъ; казаки преслѣдовали его, но ему удалось уйти отъ нихъ, послѣ того, какъ онъ ранилъ одного изъ нихъ револьвернымъ выстрѣломъ.

Въ теченіе цѣлой недѣли онъ блуждалъ въ лѣсной чащѣ по берегу Лены, пока наконецъ, изнуренный холодомъ и голодомъ, не былъ схваченъ. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ оставался въ Иркутской тюрьмѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость. Около трехъ лѣтъ онъ ждалъ тамъ своего приговора.

Я долженъ здѣсь замѣтить, что эти сообщенія я получилъ отъ одного ссыльнаго, бывшаго его сосѣдомъ по камерѣ. Оно мнѣ рассказывалъ также, что Мышкинъ часто приходилъ въ бѣшенство вслѣдствіе лихорадки или раздраженія. Сосѣдъ Мышкина часто слышалъ его крики, когда на него надѣвали горячую рубашку или же привязывали его къ постели. Въ октябрѣ 1878 года Мышкинъ, наконецъ, вмѣстѣ съ другими былъ преданъ суду. Всѣ требовали глас-

наго суда и приглашенія стенографовъ, но въ томъ и другомъ имъ было отказано, и поэтому политическіе преступники отказались отъ своей защиты.

Когда Мышкину было предоставлено послѣднее слово, то онъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой онъ также порицалъ тайныя дѣйствія и замѣтилъ, что ни онъ, ни его товарищи не ждутъ оправдательнаго приговора, но что они въ правѣ были требовать гласнаго суда. Во всей своей рѣчи Мышкинъ жестоко нападалъ на правительство, почему предсѣдатель лишилъ его слова. Когда же онъ, не смотря на это, хотѣлъ было продолжать свою рѣчь, то былъ выведенъ жандармомъ. Уходя, онъ крикнулъ суду: «судъ хуже публичнаго дома, тамъ, по крайней мѣрѣ, оскверняютъ только тѣло, вы же оскорбляете и честь, и право, и законъ».

Онъ былъ приговоренъ къ десятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ и лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и вскорѣ послѣ этого былъ отправленъ въ харьковскую тюрьму.

У меня не хватаетъ мѣста, чтобы дать даже только самое краткое описаніе всѣхъ тѣхъ страданій, которыя должны были переносить политическіе заключенные въ этой тюрьмѣ. Они сами описали это въ одномъ письмѣ, которое тайно циркулировало и носило достопримѣчательное заглавіе: „послѣднія слова надъ гробомъ Александра II“. Возможно, что мнѣ еще удастся впослѣдствіи опубликовать этотъ документъ на англійскомъ языкѣ, здѣсь же укажу только на то, что мнѣ извѣстны фамиліи 6-ти политическихъ заключенныхъ, которые за короткое пребываніе въ харьковской тюрьмѣ сошли съ ума.

Мышкину досталась крошечная камера въ нижнемъ этажѣ, гдѣ раньше былъ заключенъ князь Циціановъ. Одушевленный силой и отвагой, онъ замыслилъ планъ побѣга и, еще до истеченія года своего заключенія, успѣлъ съ помощью дощечки сдѣлать подкопъ въ тюремной стѣнѣ, причемъ вынутую землю сумѣлъ незамѣтно скрыть въ своей

камерѣ. Его упомянутый предшественникъ по заключенію имѣлъ нѣсколько большихъ географическихъ картъ, которыя остались въ камерѣ. Мышкинъ сорвалъ бумагу съ подклееннаго холста и приготовилъ себѣ изъ послѣдняго одежду, которой онъ хотѣлъ воспользоваться при побѣгѣ. Послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, онъ сталъ ждать случая, который оказался бы благопріятнымъ его побѣгу. Но какъ разъ въ то время, когда онъ выползалъ изъ отверстия въ камерѣ появился надзиратель. На нарахъ лежало сдѣланное чучело, одѣтое въ арестантскую одежду Мышкина.

Служитель обнаружилъ обманъ, камера была обыскана и Мышкинъ былъ извлеченъ изъ своей норы. Теперь онъ былъ переведенъ въ другую камеру, побѣгъ изъ которой казался совершеннъ невысказаннымъ. Здѣсь пробылъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ при такихъ мученіяхъ, которыя приводили его въ изступленіе. Чтобы положить этому конецъ, онъ рѣшилъ совершить нѣчто такое, за что несомнѣнно былъ бы разстрѣлянъ. Онъ просилъ разрѣшенія отправиться въ воскресенье въ церковь и это ему было позволено.

Въ тюремной церкви приблизился онъ къ губернатору и, когда тотъ хотѣлъ поцѣловать крестъ въ рукѣ священника, ударилъ его по лицу. При нормальныхъ обстоятельствахъ онъ былъ бы навѣрное разстрѣлянъ за этотъ проступокъ, но тогда въ тюрьмѣ происходило до того большое число подобныхъ безумствъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ вынужденъ былъ отправить въ Харьковъ петербургскаго профессора Доброславина для выясненія этого обстоятельства. Послѣдній констатировалъ, что тюрьма совершенно не пригодна для человѣческаго жилья, такъ что вполне понятны многочисленные случаи смерти и сумасшествія и предложилъ, по крайней мѣрѣ, политическимъ заключеннымъ отвести другое мѣсто. Поэтому рѣшили, что и Мышкинъ также въ припадкѣ безумія поступилъ

такимъ образомъ, и оставили это дѣло безъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Вскорѣ послѣ этого онъ, а также и другіе политическіе преступники, были отправлены въ Карскіе рудники. Во время путешествія одинъ изъ нихъ, Левъ Домоковскій, умеръ въ Иркутскѣ. Товарищи получили разрѣшеніе присутствовать въ тюремной церкви при отпѣваніи, причемъ Мышкинъ сказалъ за гробную рѣчь надъ прахомъ товарища. Онъ восхвалялъ его характеръ и процитировалъ также стихъ русскаго поэта Некрасова, который гласитъ приблизительно слѣдующее: „Изъ праха этого героя и другихъ ему подобныхъ произрастетъ дерево свободы Россіи“.

Присутствовавшей полицейскій приказалъ ему замолчать и велѣлъ заключить его въ камеру. За эти революціонныя слова въ святомъ храмѣ Господнемъ онъ былъ приговоренъ еще на 15 лѣтъ къ каторжнымъ работамъ. Нѣкоторые изъ его товарищей, рассказывавшіе мнѣ о немъ болѣе подробно, восхваляли его краснорѣчіе, которымъ онъ только два раза въ своей жизни воспользовался, причемъ въ первый разъ за него заплатилъ десятилѣтней а во второй разъ—пятнадцатилѣтней каторгой. Мышкинъ и самъ раскаивался въ рѣчи, сказанной надъ гробомъ товарища Домоковскаго, такъ какъ никто о ней ничего не зналъ—она была совершенно безцѣльна и только увеличила срокъ его наказанія.

Если бы онъ даже и пережилъ этотъ срокъ, то былъ бы уже слишкомъ старъ и слабъ, чтобы еще принимать участіе въ дѣлѣ освобожденія Россіи. Мышкинъ былъ среди первыхъ, которые въ апрѣлѣ 1882 года совершили побѣгъ изъ политической тюрьмы въ Карѣ, и онъ былъ снова пойманъ, какъ выше уже упомянуто, въ порту во Владивостокѣ. Въ слѣдующемъ году онъ, былъ сообщая съ другими „опасными“ политическими преступниками, переведенъ въ Шлиссельбургъ. Здѣсь въ 1885 году онъ былъ

растрѣлянь за то, что оскорбилъ дѣйствіемъ тюремнаго врача.

Приблизительно за три мѣсяца до упомянутого побѣга заключенныхъ изъ Кары, изъ Иркутской тюрьмы во время пересылки въ Кару бѣжали три замужнихъ женщины. Онѣ были достигнуты еще въ городѣ, приведены обратно и затѣмъ были подвергнуты обычному обыску, который производился обыкновенно мужчинами, щадившими однако женскую стыдливость. Въ этомъ же случаѣ слѣдствіе велось адъютантомъ генераль-губернатора, полковникомъ Соловьевымъ, человѣкомъ, не пользовавшимся хорошей репутацией. Онъ ругалъ женщинъ и заставлялъ ихъ въ своемъ присутствіи совершенно раздѣваться. Впослѣдствіи онъ хвастался еще этимъ въ камерахъ заключенныхъ и говорилъ язвительно: „Ваши женщины хорошо сложены“.

Одинъ изъ политическихъ преступниковъ, учитель Щедринъ, возмущенный такимъ подлымъ образомъ дѣйствія, ударилъ полковника по лицу, крикнувъ ему, что онъ жалкій трусъ. За такое оскорбленіе офицера и за попытку къ побѣгу, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Кару, Щедринъ былъ прикованъ къ тачкѣ.

Въ іюлѣ 1882 года Щедринъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по несчастью былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ; во время пересылки онъ также оставался прикованнымъ и только впослѣдствіи, когда благодаря плохому состоянію дорогъ, неоднократно былъ израненъ тачкой, его освободили отъ нея.

Послѣ голодовки лѣтомъ 1882 года условія жизни заключенныхъ были нѣсколько облегчены. Они снова получали книги, имъ разрѣшали употреблять деньги на самое необходимое, а также ежедневно они могли дышать свѣжимъ воздухомъ на тюремномъ дворѣ. Гигіеническія же условія оставались все такими же плохими, какъ и

раньше, больнымъ не удѣлялось ни малѣйшей заботы и смертность была несоразмѣрно велика *).

Со времени отставки полковника Кононовича въ 1881 году до назначенія капитана Николина въ 1885 году было семь перемѣнъ въ начальствѣ, а потому тюрьма постоянно управлялась различнымъ образомъ: сегодня заключеннымъ разрѣшалось имѣть книги, деньги, писать письма, гулять по двору—завтра снова имъ все это запрещалось. Въ 1884 году были удалены перегородки, возведенныя двумя годами раньше съ цѣлью уменьшить камеры, а въ 1885 году по распоряженію „либеральнаго начальства“ онѣ снова были поставлены. Каждый новый комендантъ дѣлалъ новыя распоряженія,—капризъ и произволъ замѣняли всякое законное постановленіе.

Имена комендантовъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующія: Кононовичъ, Потулевъ, Калтуринъ, Бурлей, Шубинъ, Манаевъ, Бурлей (вторично) и Николинъ. Наибольшей похвалы, по словамъ заключенныхъ, заслужилъ Бурлей. Калтуринъ былъ грубъ, Шубинъ безхарактеренъ, а Манаевъ пьяница и къ тому же еще воръ; онъ уничтожалъ письма, получавшіяся на имя заключенныхъ и укралъ 1900 р., вложенные въ письма. Всѣ вышеупомянутые лица были жандармскими

*) Мнѣ не удалось достать полный списокъ фамилій политическихъ преступниковъ, которые за время съ 1879 года по 1886 умерли въ Карѣ, покончили самоубійствомъ или сошли съ ума, но нижеслѣдующіе случаи мнѣ сдѣлались извѣстными: Чутиновъ, Кривошеинъ, Жуковъ, госпожа Лиссовская, Тихоновъ, Рогачевъ, докторъ Веймаръ, дѣвица Армфельдтъ и госпожа Кутитонская— всѣ они за исключеніемъ только одного умерли въ чахоткѣ. Далѣе: Семеновскій (застрѣлился), Родинъ (отравился), Успенскій (повѣсился). Съ ума сошли: Матвѣевичъ, Зубковскій, Позень и госпожа Ковальская; послѣдняя впослѣдствіи выздоровѣла. Во время нашего пребыванія въ Карскомъ округѣ изъ 11 женщинъ, находившихся въ тюрьмѣ для политическихъ преступниковъ, больныхъ было 8.

офицерами изъ Иркутска. 16 января 1884 года тюрьма была непосредственно подчинена высшему полицейскому начальству и полковникъ Николинъ былъ назначенъ комендантомъ изъ Петербурга.

Предсказанія полковника Кононовича оправдались. Правительство заставило честнаго и гуманнаго человѣка уйти и въ замѣнъ его посылало полдюжины воровъ или грубыхъ людей, слѣдствіемъ чего и явилось нѣсколько трагическихкихъ случаевъ. Еще и до сихъ правительство руководится подобнаго рода принципами, а потому и не должно ожидать и другого результата.

12 ноября, облегченно вздохнувъ, мы возвращались домой. Уѣзжая съ майоромъ Потулевымъ изъ печальнаго мѣста, называемаго „Нижней золотопромывкой“, мы увидѣли двухъ политическихъ преступниковъ, которые въ нѣкоторомъ отдаленіи приближались къ тюрьмѣ. Они узнали насъ и когда мы проходили мимо, сняли въ знакъ привѣтствія свои шапки и поклонились. Это былъ ихъ послѣдній безмолвный привѣтъ уѣзжающимъ, сочувствіе которыхъ имъ было извѣстно, вмѣстѣ съ тѣмъ это было нашимъ прощаніемъ съ Карскими рудниками. Мы переночевали въ домѣ тюремнаго сторожа изъ Усть-Кары и на слѣдующее утро сѣли на лошадей, чтобы отправиться въ Срѣтенскъ. Когда мы уже сидѣли на лошадяхъ, майоръ Потулевъ наполнилъ три стакана бѣлымъ крымскимъ виномъ и выпилъ за наше здоровье со словами: „счастливаго возвращенія“. Мы осушили стаканы, поблагодарили его за любезное гостеприимство, обѣщали телеграфировать о своемъ прибытіи въ Срѣтенскъ и ускакали. Окрестность Кары вдоль Шилки необитаема; только въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки расположились въ шатрахъ полудивилизованные кочевники. Они признаютъ русское владычество, платятъ подати, и только номинально христіане; они рѣдко вступаютъ въ сношенія съ русскими; лишь когда дѣло касается обмѣна

мѣха на ножи, котелки и табакъ, они приходятъ въ колоны европейцевъ.

Усталые, продрогшіе и голодные, наконецъ, добрались мы въ ночь на 16 ноября до Срѣтенска, гдѣ встрѣтили радушный пріемъ въ домѣ того крестьянина у котораго оставались наши пожитки.

Въ Серебрянныхъ рудникахъ Восточной Сибири.

Дорога изъ Карской области въ Срѣтенскъ такъ насъ утомила, что мы прежде всего должны были отдаться продолжительному отдыху. Всевозможныя волненія и лишенія меня, на примѣръ, ослабили до того что я буквально не могъ сдѣлать двухсотъ шаговъ или одѣть шубы безъ того, чтобы не почувствовать усталости. Въ такомъ состояніи было бы слишкомъ смѣло сейчасъ же пуститься въ путь въ тряской телѣгѣ по дикой пустынной мѣстности въ Нерчинскіе рудники, лежащіе отсюда почти въ четырехъ тысячахъ километровъ. Поэтому мы три дня отдыхали здѣсь у одного молодого крестьянина; ѣли и спали такъ много, какъ только могли, и подкрѣплялись хининомъ и мяснымъ экстрактомъ.

Въ воскресенье я уже почувствовалъ себя лучше. Перейдя по льду рѣки въ Срѣтенскъ, лежавшій на другой сторонѣ, я отправился къ засѣдателю, представителю мѣстной полиціи, чтобы потребовать лошадей для нашей поѣздки. Губернаторъ по телеграфу совѣтовалъ намъ при наймѣ лошадей обращаться къ содѣйствію полиціи, такъ какъ почтовое сообщеніе въ области Нерчинскихъ рудниковъ очень скверно и недостаточно; кромѣ того майоръ Потулевъ далъ мнѣ рекомендательныя письма къ большинству

полицейскихъ чиновниковъ, съ которыми по дорогѣ пришлось бы имѣть дѣло. Засѣдатель принялъ меня любезно и сейчасъ же отдалъ необходимыя распоряженія; при этомъ онъ сообщилъ мнѣ очень непріятное извѣстіе, что въ мѣстности, лежащей между Срѣтенскомъ и рудниками, свирѣпствуетъ оспенная эпидемія, и что поэтому безопаснѣе было бы не только не ночевать въ крестьянскихъ домахъ, но даже и не заходить туда. Путешествіе изъ Срѣтенска къ серебрянымъ рудникамъ и въ лучшемъ даже случаѣ обѣщало быть обильнымъ всякихъ трудностей, а тутъ изъ боязни заразиться этою опасною болѣзнью намъ предстояло быть лишенными и пищи и убѣжища. Въ первый моментъ я ужъ подумывалъ было о томъ, чтобы ѣхать прямо въ Нерчинскъ и уже оттуда, съ другой стороны, пробраться къ рудникамъ, но такъ какъ это значительно увеличивало путь да при томъ Фростъ заявилъ, что не боится заразы, то мы и рѣшили слѣдовать первоначальному плану. Послѣ обѣда мы уложили нашъ багажъ въ маленькую телѣгу, мѣшокъ съ замороженою провизіей, на которомъ неудобно было бы сидѣть, привязали сзади и на парѣ лошадей съ ободранымъ трусливымъ кучеромъ поѣхали по дорогѣ къ Александровскому заводу и Алгашскимъ рудникамъ.

Нерчинскіе серебряные рудники лежатъ не вблизи этого города, а въ обширной, дикой гористой мѣстности, образующей Нерчинскій горный округъ. Въ началѣ въ рудникахъ работали крестьяне, иногда даже принудительно согнанные сюда изъ различныхъ частей Сибири, только въ 1722 году къ этому дѣлу стали примѣнять впервые арестантовъ изъ тюремъ Европейской Россіи. Съ этого времени разработка рудниковъ частью приходилась на долю крестьянъ, частью — на преступниковъ, сосланныхъ на каторжныя работы. Изъ политическихъ арестантовъ здѣсь было нѣсколько декабристовъ и много поляковъ. Послѣ польскаго возстанія 1863 года сюда были сосланы многія

тысячи инсургентовъ; впрочемъ, позже политическихъ преступниковъ обыкновенно ссылали въ Карскую область *).

Нашею ближайшею цѣлью былъ Александровскій заводъ, отстоявшій отъ Срѣтенска километровъ на 200. Доменная печь, которымъ это мѣсто обязано и именемъ и значеніемъ своимъ, уже давно не работаютъ и почти развалились, но деревня возлѣ нихъ еще существуетъ, и въ ней находится маленькая тюрьма, которую мы собирались осмотрѣть. Кромѣ того, отсюда намъ представлялся наиболѣе удобный случай попасть на нѣкогда прославившійся, а теперь забытый рудникъ—Акатуй.

Къ вечеру другого дня мы достигли деревушки Кавичуригазамурской, гдѣ жителей навѣрно было не больше, чѣмъ буквъ въ ея названіи. Здѣсь мы встрѣтились съ молодымъ техникомъ изъ Петербурга, присланнымъ въ рудники съ цѣлью, научить арестантовъ обращаться съ динамитомъ; теперь онъ возвращался обратно.

Впечатлѣнія, вынесенныя имъ о положеніи дѣлъ въ рудникахъ, были очень неблагоприятны. Тюрьмы здѣсь, по его мнѣнію, были „худшими во всей имперіи“, чиновники „грубы и невѣжественны“; съ арестантами „обращаются плохо; каждый позволяетъ себѣ бить ихъ безъ всякаго съ ихъ стороны повода“. Заставляютъ работать даже больныхъ арестантовъ; много ихъ постоянно погибаетъ жертвами динамита, такъ какъ надзиратели слишкомъ невѣжественны, и черезъ чуръ легко относятся къ дѣлу, чтобы заботиться о необходимыхъ здѣсь предосторожностяхъ. Объ администраціи рудниковъ онъ отзывался не безъ рѣзкости: видно

*) По даннымъ, взятымъ изъ часто уже здѣсь упоминавшагося произведенія Максимова, видно, что за время съ 1863 г. до 1868 г. въ Сибирь было сослано 18623 поляка, изъ которыхъ 8199 были отправлены въ Восточную Сибирь, а 7109 осужденны на каторжныя работы по большей части въ Нерчинскіе рудники.

было, что его отношенія съ ними были далеко не изъ пріятныхъ.

Въ слѣдующую полночь мы добрались до Макарова, дереушки, отстоявшей отъ Срѣтенска не болѣе, чѣмъ въ 180 километрахъ. Ночевали мы здѣсь въ „земской квартирѣ“; въ этомъ деревянномъ домикѣ жила цѣлая крестьянская семья, и проѣзжіе чиновники имѣли право получать здѣсь пристанище и провизію. Напившись чаю, мы завалились спать,—Фростъ на полу, а я на скамьѣ у окна.

Въ четвергъ, въ обѣденную пору мы достигли Александровскаго завода. Это—бѣдная дереушка съ двумя или тремя стами жителей, лежащая среди голой степи. Передъ нами на первомъ планѣ виднѣлся развалившійся мостъ, а вдали покрытые снѣгомъ холмы. Тюрьму показывалъ намъ начальникъ ея — Фоминъ. Это было нѣчто вродѣ инвалиднаго дома, въ которомъ собраны старыя, хилыя арестанты со всего Нерчинскаго горнаго округа. Главное зданіе представляло изъ себя одноэтажное деревянное строеніе въ которомъ помѣщалось 137 арестантовъ. Тюрьмѣ этой полвѣка, она очень нездорова, но мы, конечно, иного и не ожидали. Полы грязны, воздухъ испорченъ, корридоры наполнены вонью ведеръ для нечистотъ. Въ двухъ камерахъ между арестантами находились умалишенные. Больничное отдѣленіе мало, но на этотъ разъ не было переполненнымъ, и мнѣ показалось даже, что оно было относительно, конечно, опрятно. Грубыя постели были грязны, и на мой вопросъ по поводу ихъ, больничный сторожъ отвѣтилъ, что это не его вина, такъ какъ тутъ приходится очень экономить бѣлье. Онъ, повидимому, былъ очень обрадованъ, когда я сказалъ ему, что, хотя его больничное отдѣленіе и мало, но кажется мнѣ самымъ лучшимъ во всемъ Забайкальѣ.

Послѣ обозрѣнія тюрьмы мы возвратились въ домъ Фомина, гдѣ встрѣтились съ исправникомъ, какъ разъ совер-

шавшимъ инспекторскую поѣздку по своему округу. Это былъ стройный мужчина лѣтъ сорока. Онъ былъ очень словоохотливъ и совершенно открыто выражалъ свое мнѣніе о Нерчинскихъ рудникахъ, способъ разработки которыхъ считалъ „тяжелымъ, неправильнымъ и дорогимъ“. По его мнѣнію, было бы несравненно лучше сдать все это дѣло въ руки частнаго предпринимателя. Казенные горные инженеры или слишкомъ мало знали, или слишкомъ ужъ много крали, такъ что рудники приносили довольно мало дохода. Для иллюстраціи своей мысли онъ привелъ мнѣ примѣръ, какъ однажды инженеры, посланные царемъ *) на изысканія, забраковали здѣсь, въ его районѣ два рудника. Ихъ дешево продали частному лицу, и оказалось, что рудники дали 600 пудовъ чистаго золота. Исправникъ не говорилъ прямо, но въ его словахъ слышно было подозрѣніе, что инженеры вошли въ данномъ случаѣ въ соглашеніе съ покупателями рудниковъ, чтобы дѣлать потомъ барыши. Что же касается меня, то я въ этомъ нисколько не сомнѣвался. Сибирскіе чиновники почти сплошь обкрадываютъ царя.

Послѣ великолѣпнаго обѣда мы въ сопровожденіи исправника и начальника тюрьмы отправились на рудникъ Акатуй, отстоящій отсюда не болѣе, чѣмъ въ 18 километрахъ. Хотя этотъ приискъ, какъ я уже говорилъ, былъ давно заброшенъ и уже даже затопленъ водой, но мнѣ тѣмъ не менѣе было очень интересно изучить его, такъ какъ раньше онъ славился, какъ ужаснѣйшее во всей Сибири мѣсто заточенія. Ходили слухи, что правительство намѣревалось снова высылать сюда политическихъ преступниковъ изъ Карскаго округа.

На протяженіи отъ 10 до 12 километровъ наша дорога лежала по однообразной степи, а потомъ шла по плоской

*) Почти всѣ рудники этой части Забайкалья, какъ и тѣ, что лежатъ на Карѣ, составляютъ собственность царя и называются «кабинетскими».

долинѣ, замкнутой голыми, снѣжными холмами такъ, что вдаль не было видно ничего. Долина все болѣе суживалась и, не доѣзжая около трехъ километровъ до деревушки Акатуя, превращалась въ мрачное ущелье, гдѣ единственною растительностью были какіе-то уродливые, лишенные листьевъ кусты. Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть такого мрачнаго и пустыннаго угла на землѣ: можно было подумать, что стоишь передъ гренландскими ледниками.

— Вотъ старая тюрьма,—сказалъ исправникъ, указывая на полуразвалившееся деревянное зданіе, стоявшее передъ нами. Сбоку видны были двѣ кирпичныхъ постройки, совершенно пришедшія въ упадокъ; на одной изъ нихъ даже не хватало крыши. Постройки эти, вѣроятно, были когда-то обнесены заборомъ, а деревянное зданіе, служило, должно быть, казармами конвоя. Теперь отъ забора не осталось и слѣда; въ окнахъ не было рѣшетокъ, и не легко было по этимъ развалинамъ угадать ихъ первоначальное назначеніе. Я вошелъ въ тюрьму въ надеждѣ найти на стѣнѣ какую-либо записку или увидѣть желѣзное кольцо, къ которому приковывались провинившіеся арестанты. Но и тутъ ничего не оказалось! Каждый кусочекъ желѣза былъ унесенъ отсюда; полы сгнили, штукатурка обвалилась, не оставалось ничего, что могло бы рассказать намъ о печальной исторіи этой тюрьмы, не было ни одного слѣда тѣхъ жестокостей, которыя создали Акатую такую громкую извѣстность. Другія тюремныя зданія находились въ лучшемъ состояніи, и ихъ обозрѣніе могло бы, вѣроятно, дать много интереснаго, но тутъ всѣ окна и двери были крѣпко заколочены, и начальникъ заявилъ, что не знаетъ, гдѣ находятся ключи и не можетъ придумать, какимъ бы инымъ путемъ пробраться во внутрь.

Входъ въ рудникъ „Акатуй“ находится на холмѣ, метрахъ въ двухстахъ надъ долиною. Уже наступали сумерки, но я все-таки замѣтилъ при входѣ въ шахты ма-

ленькую деревянную будку. Не будь такъ поздно, я предложилъ бы осмотрѣть и шахты, но уже стемнѣло и было очень холодно, кромѣ того исправникъ и начальникъ хотѣли уже возвращаться на заводъ. Мнѣ пришлось поэтому удовольствоваться уже видѣннымъ.

Одинъ изъ декабристовъ 1825 года, Лунинъ, отбывалъ здѣсь каторжныя работы и здѣсь же умеръ; многіе польскіе патріоты, сосланные въ Акатуй послѣ возстанія 1863 года, нашли въ этой мѣстности свое послѣднее пристанище, но я не нашелъ здѣсь о нихъ никакихъ слѣдовъ. Надъ истлѣвшими костями нѣтъ могильныхъ холмовъ, такъ какъ не въ интересахъ русскаго правительства хранить память тѣхъ, кого оно замучило до смерти въ тюрьмахъ Сибири.

Послѣ моего возвращенія изъ путешествія въ этомъ угрюмомъ ущельѣ была выстроена новая тюрьма, предназначенная для политическихъ арестантовъ изъ Карской области. Правительство намѣревалось выкачать воду изъ затопленныхъ шахтъ и заставить затѣмъ арестантовъ работать въ сырыхъ галлереяхъ. Нечего и говорить, что все это только ухудшило бы положеніе бѣдняковъ. Если искать въ Сибири наиболѣе отдаленнаго отъ всего свѣта, наиболѣе пустыннаго и угрюмаго угла земли, то таковой можетъ быть найденъ только въ занесенномъ снѣгомъ ущельѣ Акатуя...

Во вторникъ вечеромъ мы возвратились на Александровскій заводъ, а на слѣдующій день поѣхали на рудникъ Алгачи, отстоявшій отъ насъ приблизительно въ 35 километровъ.

Благополучно достигнувъ цѣли своего путешествія, мы утромъ посѣтили господина Нестерова и подполковника Зальштейна, начальника мѣстной тюрьмы. Первый изъ нихъ встрѣтилъ насъ съ чисто русскимъ гостепріимствомъ, мы вынуждены были позавтракать у него второй разъ, причемъ

онъ безпрестанно подливалъ въ наши стаканы то водку, то крымское вино. Зальцштейнъ жилъ въ большомъ красивомъ домѣ, наполненномъ олеандрами и цвѣтами. Онъ тоже заставилъ насъ распить съ нимъ бутылку вина, и было уже послѣ полудня, когда мы отправились осматривать тюрьму и рудникъ. Зальцштейнъ, уроженецъ прибалтійскаго края, говорилъ по русски съ нѣмецкимъ акцентомъ; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе прямодушнаго человека; обо всемъ онъ говорилъ совершенно открыто и не безъ юмора.

— Боюсь,—говорилъ онъ, когда мы шли по деревенской улицѣ,—что наша тюрьма покажется вамъ самую худшую изъ всѣхъ, которыя вамъ до сихъ поръ приходилось встрѣчать. Она очень стара и находится въ печальномъ состояніи, а я ничего не могу сдѣлать для ея улучшенія: больно ужъ мы далеки отъ Петербурга.

Я отвѣтилъ, что врядъ ли эта тюрьма можетъ быть хуже той, которая лежитъ у устья Кары, и что я достаточно уже наблюдалъ, чтобы понимать, какія трудности встрѣчаются въ дѣлѣ завѣдыванія тюрьмами. Онъ ничего не сказалъ, а только съ видомъ сомнѣнія покачалъ головой, какъ бы желая этимъ показать, что посѣщеніе Алгачской тюрьмы должно усилить мои впечатлѣнія.

Мы остановились у высокаго забора. Карауль отдалъ честь, дежурный офицеръ впустилъ насъ и повелъ по обшестому двору, посреди котораго стояла тюрьма. Это было длинное, низкое деревянное зданіе съ маленькой пристройкой подъ общей досчатой крышей. Все сооруженіе, казалось, каждую минуту готово было рухнуть. Лицевая стѣна такъ глубоко осѣла, что была ниже другихъ почти на полъ-метра; она уже давно, вѣроятно, обрушилась бы совсѣмъ, если бы ея не поддерживали прочныя подпорки. Краска и штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, и это только усиливало впечатлѣніе ветхости дома. Начальникъ

точно не зналъ, когда была выстроена эта тюрьма, но предполагалъ, что это было въ 1817 году, когда впервые началась настоящая эксплуатація рудниковъ. Мы вошли въ мрачный, сырой корридоръ, пересѣкавшій тюрьму по ея длинѣ. Направо находилась аптека и рядомъ съ нею большая больничная камера. Здѣсь стояло приблизительно 10 низенькихъ кроватей съ грязнымъ, иногда забрызганнымъ кровью постельнымъ бѣльемъ. Всѣ кровати были заняты больными арестантами съ такими блѣдными, изможденными лицами, какихъ мнѣ никогда еще не приходилось встрѣчать. Сторожъ сообщилъ мнѣ, что здѣсь въ настоящее время лежатъ нѣсколько арестантовъ, изувѣченныхъ взрывомъ динамита, недавно случившимся въ шахтахъ. Воздухъ здѣсь былъ настолько противень, что я, бросивъ на комнату лишь бѣглый взглядъ, поспѣшилъ обратно въ корридоръ. Мы отправились осматривать арестантскія камеры. Первая изъ нихъ занимала площадь около 7 квадратныхъ метровъ, а въ высот достигала до $3\frac{1}{2}$ метровъ; въ ней было два окна, большая каменная печь и нары по тремъ стѣнамъ. Воздухъ здѣсь нисколько не уступалъ тому, какой мнѣ пришлось вдыхать въ самой худшей камерѣ въ Усть-Карѣ: я старался задерживать дыханіе. И здѣсь, и вездѣ я видѣлъ на стѣнахъ, надъ нарами какую-то красную неровную полосу, которая бросилась мнѣ въ глаза еще при входѣ въ камеры. Подполковникъ, замѣтивъ мое любопытство, съ циничнымъ юморомъ объяснилъ мнѣ, что это арестанты пытались выкрасить стѣны въ красную краску. Взглянувъ ближе на заинтересовавшую меня полосу, я замѣтилъ, что она состоитъ изъ красныхъ точекъ, а кое-гдѣ прилипшіе клопы окончателно меня убѣдили въ томъ, что это арестанты по ночамъ давили на стѣнахъ несносныхъ паразитовъ. Кто знаетъ, какъ много ушло времени на эту работу и сколько тысячъ узниковъ „пытались выкрасить стѣны въ красную краску!“ Перенеся въ

Сибири много мукъ отъ этихъ насѣкомыхъ, я могъ вполнѣ оцѣнить все значеніе замѣченной красной полосы.

Не буду описывать здѣсь другихъ камеръ. Онѣ отличались отъ вышеупомянутой только объемомъ. Вездѣ то же переполненіе, та же масса насѣкомыхъ, та же вонь... Во всѣхъ камерахъ содержалось 169 арестантовъ тогда, какъ помѣщеніе рассчитано лишь на число, почти въ два раза меньшее.

При первомъ удобномъ случаѣ я замѣтилъ Зальцштейну:

— Для меня непостижимо, какъ вы можете терпѣть подобное положеніе дѣла. У васъ здѣсь есть 169 арестантовъ, изъ которыхъ лишь не больше 50 работаютъ въ рудникахъ, а остальные празднó томятся въ запертыхъ камерахъ. Отчего бы вамъ не заставить ихъ рубить деревья въ сосѣднемъ лѣсу и таскать сюда, чтобы изъ нихъ выстроить новый баракъ? Я думаю, что они очень охотно согласились бы на такую работу, а вы съ незначительными затратами могли бы поставить здѣсь новую тюрьму, которая хоть нѣсколько годилась бы для человѣческихъ существъ.

— Милѣйшій!—отвѣчала онъ, (если я недословно повторяю здѣсь сказанное имъ, то во всякомъ случаѣ вѣрно передаю смыслъ его рѣчи)—безъ предписанія я не смѣю посылать арестантовъ въ лѣсъ. Если бы кто-нибудь изъ нихъ бѣжалъ, что очень вѣроятно, то я былъ бы привлеченъ къ отвѣтственности и, по меньшей мѣрѣ, потерялъ бы мѣсто. Безъ предписанія тюремнаго управленія я вообще ничего не смѣю дѣлать. Петербургскія власти очень хорошо знаютъ положеніе дѣлъ здѣсь, такъ какъ я ежегодно доношу объ этомъ. Когда 5 лѣтъ назадъ, я самымъ настоятельнымъ образомъ просилъ отвѣтить на мой запросъ, я получилъ приказаніе посоветоваться съ окружнымъ архитекторомъ и тогда доставить планъ и смѣту новаго зданія. Я сдѣлалъ это, но вы знаете хорошо, какъ бываетъ

въ подобныхъ случаяхъ. Нужно отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ, чтобы письмо отсюда дошло въ Петербургъ. Въ концѣ концовъ планъ и смѣта доходятъ туда, тутъ они попадаютъ въ тюремное вѣдомство, гдѣ присоединяются ко многимъ сотнямъ подобныхъ же бумагъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ быть прочтенными и рассмотрѣнными черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ слѣдуетъ такое рѣшеніе: „Такъ какъ, молъ, это выходитъ изъ предѣловъ компетенціи даннаго учрежденія и для этого необходимы значительныя суммы, то предварительно нужно получить согласіе министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ, или, быть можетъ, даже обождать составленія ближайшей смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ. Такимъ образомъ проходитъ по меньшей мѣрѣ годъ, прежде чѣмъ получится хоть какое-нибудь рѣшеніе. Но въ большинствѣ случаевъ находятъ какіе-нибудь недостатки въ планѣ или смѣтѣ, и бумаги отсылаются назадъ для измѣненій, согласно указаніямъ какого-нибудь чиновника, не имѣющаго никакого представленія о мѣстныхъ условіяхъ. Мы стараемся исполнить предписаніе и опять отсылаемъ и мѣненные планы въ Петербургъ. Между тѣмъ происходитъ перемѣщеніе чиновниковъ, бумаги попадаютъ въ другія руки, приходится считаться съ другими желаніями, съ другими мнѣніями. То, что два года назадъ считалось правильнымъ, находятъ теперь ошибочнымъ. И спустя полъ года получаемъ мы наши бумаги обратно съ новыми предписаніями. Итакъ безъ конца! Такимъ образомъ проектъ новаго тюремнаго зданія съ 1880 года странствуетъ изъ Алгачи въ Петербургъ и обратно. Теперь онъ въ третій разъ въ Петербургѣ. Но даже если всѣ эти препятствія будутъ преодолены, дѣло все-таки не скоро пойдетъ на ладъ. Уже десять лѣтъ, какъ началось строиться новое тюремное зданіе при рудникѣ Горный Зерентуй и до сихъ поръ еще не доведено до крыши, не говоря уже о внутренней отдѣлкѣ.

— Но вѣдь это недоразумѣніе, бессмыслица!—воскликнулъ я. Къ чему цѣлые годы сноситься съ петербургскими чиновниками по поводу дѣла, которое въ одинъ день могъ бы разрѣшить губернаторъ, даже исправникъ. Повсюду въ Восточной Сибири встрѣчаются разрушающіяся тюрьмы, а въ нихъ живутъ люди, которые рѣшительно ничѣмъ не заняты. Лѣсу здѣсь достаточно, работа ничего не стоитъ, всякій русскій крестьянинъ въ состояніи выстроить деревянную избу, почему же вы не употребите для этого ничѣмъ не занятыхъ арестантовъ?

— У насъ мало конвойныхъ солдатъ, арестанты могли бы разбѣжаться,—отвѣтилъ онъ.

— По моему, это недостаточное основаніе. Команда на это время могла бы быть усилена,—замѣтилъ я.—Но даже, если бы уже часть и бѣжала, то это все же было бы лучше, чѣмъ если всѣ будутъ безъ дѣла сидѣть въ такихъ тюрьмахъ.

Онъ пожалъ плечами, — какъ свойственно русскому чиновнику, и прекратилъ этотъ разговоръ.

Попрощавшись съ нимъ, мы въ сопровожденіи Нестерова отправились къ руднику, расположенному въ полутора километрахъ къ сѣверу отъ деревни. Погода была ясная, но холодная, земля всюду была покрыта снѣгомъ. Выѣхавъ за деревню, мы замѣтили у подножія холма нѣсколько темныхъ точекъ.

— Это, вѣроятно, верблюды!—воскликнулъ Фростъ.

— Верблюды?—возразилъ я въ сомнѣніи.—Верблюды въ Нерчинскомъ округѣ? Какъ могли они сюда попасть?

Мы подѣхали ближе и увидѣли, что это дѣйствительно были верблюды.

Странно было смотрѣть, какъ эти большіе бактрійскіе верблюды, въ пустынномъ покрытомъ льдомъ полѣ, обглядывали выглядывавшія изъ подъ снѣжнаго покрова былинки.

Мы думали найти въ рудникѣ Алгачи всѣ тѣ сооруже-

нія и машины, какія встрѣчаются въ американскихъ рудникахъ, и были не мало разочарованы, когда не нашли здѣсь ничего подобнаго. Пороховой складъ, погребу для храненія динамита, одинъ или два сарая, небольшой деревянный домъ, служащій одновременно кладовой для инструментовъ, кузницей и помѣщеніемъ для толченья и сортировки руды, да сторожка—вотъ и все, что здѣсь было. Нѣсколько мужчинъ и двѣ или три женщины заняты были толченьемъ и сортировкой руды, надсмотрщикъ на старомъ истертомъ брускѣ направлялъ буравъ, нѣсколько солдатъ сидѣли на низенькой скамьѣ, надъ которой висѣло ихъ оружіе. Это была, конечно, самая первобытная постановка горнаго дѣла, какую я когда либо видѣлъ.

Нестеровъ не имѣлъ особой охоты сопровождать насъ въ рудникъ. Онъ поручилъ арестанту проводить насъ и приказалъ ему показать намъ все интересное, самъ же занялся служебными дѣлами, а послѣ окончанія ихъ дожидался нашего возвращенія.

Проводникъ далъ намъ по сальной свѣчѣ, себѣ также взялъ одну, и, засунувъ небрежно нѣсколько динамитныхъ патроновъ въ карманъ тулупа, такъ что изъ него висѣли зажигательные шнуры, сказалъ, что онъ уже готовъ. Мы поднялись вслѣдъ за нимъ метровъ на 100 въ гору, и вошли черезъ узкую дверь въ низкую галлерею, съ оштукатуренными стѣнами. На покато́мъ полу были уложены неуклюжіе рельсы. Мы зажгли свѣчи, согнувшись и ошупывая дорогу, пошли дальше. Временами нашъ проводникъ спотыкался о шаткіе столбы, я боялся что онъ упадетъ и зажжетъ при этомъ своей свѣчей зажигательные шнуры и всѣхъ насъ взорветъ.

Вблизи входа находилось темное незакрытое отверстіе главной шахты, изъ котораго торчалъ конецъ лѣстницы. Нашъ проводникъ проворно спустился внизъ, предупреждая насъ быть осторожными, такъ какъ нѣкоторыхъ ступеней

не доставало. Лѣстницы не были установлены одна надъ другой, и поэтому, спустившись на послѣднюю ступеньку сдвой лѣстницы, приходилось ногою отыскивать верхнюю ступеньку другой. Впрочемъ, мы меньше боялись оступиться, чѣмъ быть взорванными. Невольно вспоминались блѣдныя лица, которыя мнѣ пришлось видѣть въ больницѣ, и каждый разъ, когда я смотрѣлъ внизъ и видѣлъ, какъ нашъ проводникъ неосторожно подносилъ къ зажигательнымъ шнурамъ горящую свѣчу, я мысленно представлялъ самого себя, лежащимъ на грязной больничной койкѣ.

Мы спускались внизъ по лѣстницамъ, а потомъ снова по скользкимъ, неровнымъ половицамъ; особенный запахъ, который мы скоро почувствовали, происходилъ, вѣроятно, отъ недавно произведеннаго динамитнаго взрыва. Пламя нашихъ свѣчей сдѣлалось сначала синеватымъ, а потомъ и совсѣмъ погасло. Спички не загорались. Въ полной темнотѣ, крѣпко держась за лѣстницу, стояли мы въ ожиданіи надъ темной глубиной, пока возможно было еще дышать воздухомъ, въ которомъ даже не горѣли свѣчи. Но тяжесть дыханія не увеличивалась, такъ что опасность задохнуться была не велика, несмотря на недостатокъ озона. Мы почувствовали себя немного легче, когда, наконецъ, спички снова стали загораться, и при свѣтѣ ихъ мы могли спуститься еще на нѣсколько лѣстницъ, и войти въ галерею, гдѣ снова удалось зажечь наши свѣчи. Мы прошли около 100 метровъ, по временамъ спотыкаясь о кучи руды, которую арестанты таскали въ корытахъ къ подъемной шахтѣ. Температура всюду была ниже нуля; на потолокъ и по стѣнамъ, какъ сверкающіе драгоценные камни, блестѣли и мерцали ледяные кристаллы.

Пройдя лабиринтъ узкихъ и низкихъ галлерей, мы пришли къ другой шахтѣ и спустились по множеству испорченныхъ покрытыхъ льдомъ лѣстницъ въ самую глубокую часть рудника. Здѣсь работало нѣсколько человѣкъ при

помощи такихъ примитивныхъ инструментовъ, что у настоящаго рудокопа они, навѣрное, вызвали бы только со-страдательную улыбку. Здѣсь долженъ былъ быть обыкновенно очень скверный воздухъ, а взрывные газы еще болѣе его испортили, такъ что наши свѣчи снова погасли. Для очистки воздуха были устроены самыя жалкія приспособленія, это былъ желѣзный вентиляторъ, приводимый въ движеніе однимъ изъ арестантовъ. Онъ производилъ большой шумъ, но былъ совершенно бесполезенъ, такъ какъ не было воздушной шахты, куда бы отводился испорченный воздухъ и входилъ свѣжій. Онъ только приводилъ въ движеніе окружающій воздухъ, и этимъ, конечно, достигалось столь же мало, какъ если бы для этой цѣли вращали точильный камень. Мы посмотрѣли въ разныхъ мѣстахъ серебряныя жилы, выбрали нѣсколько кусковъ руды, поглядѣли нѣсколько минутъ на работу арестантовъ и потомъ, наконецъ, выбрались снова на дневной свѣтъ.

Дуль рѣзкій, холодный вѣтеръ. Возлѣ мастерской стояли нѣсколько дрожащихъ отъ холода арестантовъ и просили Нестерова отпустить ихъ въ тюрьму. Онъ сердито отвѣтилъ, что сортировка руды еще не закончена, и поэтому они должны подождать. Бѣдные арестанты, не ѣвшіе ничего съ ранняго утра, стояли полчаса на холодѣ, ожидая, пока сортировщики закончатъ свою работу. Этотъ случай подтвердилъ мнѣ справедливость тѣхъ недружелюбныхъ отзывовъ вышеупомянутаго молодого петербургскаго инженера объ администраціи, которые сначала я объяснилъ было личнымъ его недовольствомъ. Замѣчательно было, какъ сердито прервалъ Нестеровъ вполнѣ пріемлемую почтительную просьбу арестантовъ; мнѣ казалось, что онъ увидѣлъ въ ней непростительную дерзость.

Мы поглядѣли еще нѣсколько минутъ на толченіе и сортировку руды, и потомъ отправились въ Покровскій

рудникъ, расположенный приблизительно въ шести километрахъ къ сѣверозападу, у подножія голой горы.

Дорога туда была пустынна и непривѣтлива; нигдѣ не видно было ни деревца, ни кустика. У входа въ рудникъ находилась кладовая для инструментовъ, такая же какъ въ Алгачи; дальше была еще одна кладовая, потомъ нѣсколько избушекъ арестантовъ, состоящихъ въ «вольныхъ командахъ», и двѣ тюрьмы, одна изъ которыхъ на видъ была только недавно выстроена. На вершинѣ скалистой горы, какъ разъ надъ зданіями, находились двѣ сторожки, у которыхъ стояли часовые. Фростъ слишкомъ усталъ и не захотѣлъ спускаться въ рудники, онъ усѣлся на кучѣ снѣга и пытался набросать эскизы, поскольку это возможно было сдѣлать околочеными, засунутыми въ толстыя перчатки пальцами. Нестеровъ и я, въ сопровожденіи арестанта, спустились въ шахту.

Покровскій рудникъ былъ не такъ обширенъ и глубокъ, какъ рудникъ Алгачи. Воздухъ былъ здѣсь болѣе теплый, но такой же сырой. Съ потолка капала вода и отъ этого образовались небольшія лужи. Лѣстницы въ главной шахтѣ были скользки отъ грязи. Почему здѣсь было теплѣе, чѣмъ въ расположенномъ по сосѣдству рудникѣ Алгачи, для меня было непонятно, и Нестеровъ тоже не могъ дать никакихъ указаній по этому поводу. Все-таки воздухъ здѣсь былъ гораздо чище, и свѣчи ни разу тухли. Нѣсколько человекъ подымали въ небольшихъ бадьяхъ руду при помощи каната и простого ворота.

Я карабкался внизъ и вверхъ по покрытымъ грязью лѣстницамъ, съ трудомъ пробираясь по низкимъ галлереямъ, и потомъ вспотѣвшій и уставшій, весь перепачканный грязью снова возвратился въ мастерскую. Нашъ проводникъ задулъ свою свѣчу и еще тлѣющей свѣтильной положилъ ее на ящикъ, въ которомъ, между прочимъ, были и динамитные патроны. Отъ природы не боязливый, я все-таки

счелъ за лучшее, какъ можно скорѣе выйти изъ зданія. Когда прошло столько времени, что свѣтильня должна была уже погаснуть, и взрыва не послѣдовало, я возвратился обратно, вымылъ руки въ корытѣ точила, посмотрѣлъ эскизы Фроста и потомъ обратился къ Нестерову съ массой вопросовъ относительно рудника.

Въ рудникахъ Алгачи и Покровскомъ попадались серебряныя жилы отъ двадцати до ста сантиметровъ толщиною.

Въ обоихъ рудникахъ въ среднемъ работало около 220 арестантовъ, а ежегодная добыча руды въ общемъ была 3600 фунтовъ, что даетъ 10 фунтовъ въ день, цифра вполне доказывающая, какъ непрактично и неумѣло было поставлено все производство. До 1885 года арестанты работали ежедневно, за исключеніемъ только большихъ праздниковъ; теперь же имъ даютъ два дня отдыха въ мѣсяцъ: перваго и пятнадцатаго. Кормятъ и одѣваютъ ихъ такъ же какъ и въ Карской области.

Нерчинскіе рудники, какъ исправительныя учрежденія, показались мнѣ не такъ ужасны, какъ ихъ обыкновенно рисуютъ. Конечно, не такъ приятно работать 8 или 10 часовъ глубоко подъ землей въ сырыхъ или промерзлыхъ галлереяхъ. Однако я думаю, что это все же здоровѣе и пріятнѣе, чѣмъ постоянно находиться въ переполненныхъ, грязныхъ и вонючихъ тюремныхъ камерахъ. Атмосфера рудниковъ хотя и не лучше, въ особенности благодаря газамъ, образующимся при взрывахъ, но вредныхъ испареній, какъ на примѣръ, испаренія ртути, здѣсь нѣтъ. Число смертныхъ случаевъ среди арестантовъ, работающихъ въ рудникахъ, не больше, чѣмъ среди тѣхъ, которые цѣлый день безъ дѣла сидятъ въ камерахъ и вдыхаютъ ихъ губительный воздухъ. Если бы мнѣ пришлось выбирать между празднымъ пребываніемъ въ тюрьмѣ, какъ въ Алгачи или при Усть-Карѣ, или такой работой въ рудникахъ, я не раздумывая выбралъ бы послѣднее. Я спрашивалъ арес-

тантовъ и узнать, что ихъ никогда не заставляли работать цѣлыя сутки, поэтому я думаю, что всѣ рассказы объ этомъ—просто басни. Могло быть, что арестантовъ дѣлили на партіи, и работа производилась въ нѣсколько смѣнъ цѣлыя сутки, но никогда никого не заставляли работать непрерывно въ продолженіе 24 часовъ. Во время моего посѣщенія рудниковъ, никакихъ ночныхъ работъ не производилось, арестанты возвращались въ камеры при наступленіи сумерокъ или даже раньше.

Конечно, нельзя сказать, чтобы жизнь арестанта въ Нерчинскихъ рудникахъ была пріятна. Я едва ли могу представить себѣ существованіе болѣе безотрадное и безнадежное, чѣмъ существованіе людей, проводящихъ весь день въ сырыхъ галлереяхъ Покровскаго рудника, а на ночь возвращающихся въ грязныя, полныя насѣомыхъ камеры. Такая жизнь хуже, чѣмъ жизнь выгнанной собаки, но все же она не такъ ужасна, какъ иногда рассказываютъ. Существуетъ, на примѣръ, сказка о томъ, что арестанты день и ночь проводятъ въ рудникахъ, что ихъ подгоняютъ плетями жестокіе надсмотрщики, и что они медленно отравляются ртутными испареніями. Подобные рассказы подходятъ для ужасныхъ романовъ, но они не соотвѣтствуютъ истинѣ. Принудительныя работы въ рудникахъ далеко не самое худшее, что приходится переносить арестанту въ Сибири, гораздо худшее это пребываніе въ тюрьмахъ.

Уже смеркалось, когда мы возвратились въ Алгачи.

Приключенія въ Восточной Сибири.

Осмотрѣвъ мрачный рудникъ, мы отправились, черезъ голую, покрытую снѣгомъ цѣпь холмовъ въ горное поселеніе Горый Зерентуй, расположенное въ бесплодной долинѣ, километрахъ въ 60 отъ Кадая и въ 50 отъ монгольской границы.

Поздно ночью явились мы туда, разбудили хозяина „Земской квартиры,“ чтобы устроиться здѣсь на ночь, выпили чаю и потомъ улеглись спать на усѣянномъ насѣкомыми полу.

Въ понедѣльникъ утромъ отправились мы къ капитану Демидову коменданту городка, который сразу же разрѣшилъ намъ осмотрѣть тюрьму. Это были два деревянные дома, не выдѣляющіеся ничѣмъ особеннымъ, что могло бы возбудить въ насъ хоть какой-нибудь интересъ. Въ нихъ помѣщалось 180 заключенныхъ, приблизительно столько же находилось въ «вольныхъ командахъ». Неподалеку отсюда мы замѣтили новое, неоконченное кирпичное зданіе въ три этажа, работы на которомъ были пріостановлены. Въ продолженіе десяти лѣтъ строилась уже эта тюрьма, и можно было предвидѣть, что при такомъ небрежномъ и неправильномъ веденіи дѣлъ, пройдетъ еще пять или шесть лѣтъ, пока зданіе будетъ окончено; тогда еще не были поставлены надстройки подъ стропила. Между тѣмъ 180 арестантамъ приходилось тѣсниться въ нездоровомъ деревянномъ зданіи.

На слѣдующій годъ весною, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я разговаривалъ съ господиномъ Галкинымъ-Враскимъ, начальникомъ тюремнаго управленія въ Россіи, и позволилъ себѣ обратить его вниманіе на тюрьмы Нерчинскаго округа, въ особенности на неоконченную тюрьму въ Горномъ Зерентуѣ.

Онъ замѣтилъ, что нужда въ новыхъ тюрьмахъ была уже въ 1872 году, и спустя два года учрежденъ былъ даже особый строительный отдѣлъ. Когда же черезъ семь лѣтъ послѣ этого, онъ отправился въ Сибирь для ревизіи, выяснилось, что этотъ строительный отдѣлъ израсходовалъ на постройку деревянныхъ домовъ и на незначительныя починки 74,318 рублей, а на расходы и жалованье истрачено было 61,090 рублей, между тѣмъ не сдѣлано было ни одного плана и ни одной смѣты.

— Какія же послѣдствія имѣло это?—спросилъ я

— Я предложилъ закрыть строительный отдѣлъ.

— И его закрыли?

— Да.

— Въ Нерчинскомъ округѣ—сказалъ я—я не видалъ ничего такого, на что могли бы быть израсходованы 74,000 р. Развѣ только небольшое деревянное зданіе въ Покровскѣ и неоконченная тюрьма въ Горномъ Зерентуѣ, строящаяся уже 10 лѣтъ.

— Послѣднее объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что планы неоднократно измѣнялись—замѣтилъ онъ.—Мы хотѣли совсѣмъ отказаться отъ кирпичнаго зданія; мы рассчитали, что такое зданіе для 300 человѣкъ будетъ стоить 160 тысячъ рублей, въ то время какъ такое же деревянное стоило бы всего 52 тысячи рублей. Большая долговѣчность каменнаго зданія не имѣетъ здѣсь значенія, такъ какъ когда рудники истощатся, то придется оставить и тюрьмы, находящіяся при немъ. Когда я вступилъ въ управленіе, было уже слишкомъ много сдѣлано, чтобы можно было пристановить постройку.

Ни начальникъ тюремнаго управленія, ни его секретарь не могли мнѣ удовлетворительно разъяснить, откуда происходятъ всѣ эти недоразумѣнія и ошибки, которыя составляютъ характерную черту забайкальскихъ тюремъ. Они ограничивались увѣреніемъ, что дѣлаютъ все находя-

щееся въ ихъ власти, чтобы устранить зло, которое большей частью перешло къ нимъ отъ ихъ предшественниковъ. Для того чтобы улучшить все, у нихъ было еще мало времени.

Возможно, что они правы, и что я недостаточно оцѣниваю трудности, которыя имъ встрѣчались. Но я все-таки не могу отказаться отъ взгляда, что большая часть золь въ дѣлѣ ссылки, а особенно въ тюремномъ управленіи происходитъ отъ равнодушія и небрежности при исполненіи обязанностей, а также отъ медленности бюрократическихъ рѣшеній.

Американцу совершенно непонятна бездѣятельность, которая всюду проявляется въ Нерчинскомъ округѣ. Все производство поставлено неудовлетворительно; большинство арестантовъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ лежатъ безъ дѣла въ грязныхъ, переполненныхъ камерахъ; планы и смѣты странствуютъ годами туда и сюда, а когда, наконецъ, приступаютъ къ постройкѣ, окончаніе ея безъ разумныхъ основаній снова замедляется на многіе годы. Я замѣтилъ горному инженеру въ Кутомарскомъ заводѣ:

— Почему вы не запасетесь необходимыми желѣзными машинами, не снабдите рабочихъ настоящими инструментами, не установите парового насоса, подъемной машины, не устроите вентиляціоннаго аппарата, чтобы какъ слѣдуетъ поставить горное производство?

— А знаете-ли вы, милѣйшій, сколько стоитъ здѣсь желѣзо?—отвѣчалъ онъ.—Намъ приходится привозить его на лошадахъ изъ Петровскаго завода, верстъ за 600 отсюда, и поэтому пудъ желѣза обходится намъ въ 5½ рублей. Желѣзныя машины слишкомъ дороги для насъ.

— А здѣсь развѣ нѣтъ желѣзной руды?—спросилъ я снова.

— Конечно, есть! Но здѣсь она не добывается.

— Почему же вы ее не добываете? Устройте нѣсколько доменныхъ печей, и у васъ желѣза будетъ больше, чѣмъ вамъ нужно. Въ рабочей силѣ у васъ нѣтъ недостатка, такъ какъ большая часть арестантовъ ничѣмъ не занята.

— Безъ разрѣшенія изъ Петербурга мы не можемъ ничего дѣлать.

— Такъ попытайтесь получить это разрѣшеніе; отчего бы вамъ могли не разрѣшить? При теперешнемъ производствѣ едва ли рудники приносятъ какой-либо доходъ.

Онъ пожалъ плечами и замолчалъ...

Осмотрѣвъ тюрьмы въ Горномъ Зерентуѣ, мы отправились въ экипажѣ капитана Демидова въ Савенскій рудникъ, расположенный въ трехъ километрахъ оттуда у подножія покрытой снѣгомъ горы. Зданія, находящіяся у входа въ шахту, ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ осмтрѣнныхъ нами раньше, только въ одномъ изъ нихъ находилась небольшая паровая машина, единственная во всемъ Забайкальѣ.

Пока Фростъ срисовывалъ пустынный, снѣжный ландшафтъ, я осмтрѣлъ рудникъ и пришелъ къ заключенію, что не стоило труда лазать по обледенѣлымъ лѣстницамъ. Шахта была неглубока около 35 метровъ, воздухъ былъ сырой и холодный, галереи до того низки, что я не могъ стоять прямо, потолокъ и стѣны были покрыты льдомъ. Работало здѣсь только 35 арестантовъ. Они носили въ большихъ корзинахъ руду къ подземной шахтѣ, гдѣ высыпали ее въ четырехъугольные ящики, которые подымались при помощи стараго неуклюжаго ворота. Вѣроятно, нѣсколько столѣтій назадъ у туземцевъ горное дѣло было поставлено не хуже.

Я замѣтилъ надсмотрщику:

— Почему вы не ставите на работу больше людей? Я сейчасъ изъ тюрьмы,—тамъ, по крайней мѣрѣ, 150 арестантовъ сидятъ безъ дѣла.

— Въ галереяхъ хватаетъ мѣста только для 35—40 человекъ,—замѣтилъ онъ.

— Почему же вы не расширите рудника? Руды вѣдь достаточно, расширьте галереи, проведите рельсы, улучшите способъ подыманія руды!

Онъ молчалъ и смотрѣлъ на меня съ такимъ удивленіемъ, какъ будто бы я предлагалъ невозможное.

Въ Нерчинскомъ горномъ округѣ, во время нашего пребыванія тамъ, находилось 952 преступника, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, а именно: 188 въ Александровскомъ заводѣ, 150 въ Алгачи, 70 въ Покровскѣ, 184 въ Кардаинскѣ и Смирновѣ, 360 въ Савенскѣ и Горномъ Зерентуѣ. Изъ нихъ работала едва лишь третья часть; остальные ничего не дѣлали, хотя въ работѣ недостатка не было.

Для объясненія этого факта мнѣ приводили нѣсколько доводовъ: во-первыхъ, мало мѣста въ рудникахъ; во-вторыхъ, мало солдатъ для конвоировація большаго числа арестантовъ въ рудники или въ лѣсъ; въ-третьихъ, работа арестантовъ обходится дороже, чѣмъ работа сдѣланная съ подряда *), въ-четвертыхъ, безъ предписанія изъ Петербурга нельзя арестантовъ употреблять для такого рода работъ.

*) Доводъ, который характеризуетъ нечестность и неспособность большей части сибирскихъ чиновниковъ. Я знаю случаи, когда сибирскія мѣстные власти растрачивали все суммы, предназначенныя для сооруженія какого-нибудь казеннаго зданія, и сообщили потомъ, что зданіе окончено и находится въ пользованіи. О подобномъ случаѣ, относительно пересыльной тюрьмы въ Укирскѣ, сообщалось въ „Восточномъ Обозрѣніи“ (номеръ 2 ой, за 1884 годъ). Въ Сибири мнѣ показывалъ фотографъ снимокъ одного только что оконченнаго казеннаго зданія, сдѣланный по приказанію изъ Петербурга, для того, чтобы отослать его въ столицу. Правительство рассчитывало, по крайней мѣрѣ, такимъ способомъ убѣдиться, что зданіе, на которое дано разрѣшеніе и деньги, дѣйствительно существуетъ и построено согласно предписанію.

По моему, ни одинъ изъ этихъ доводовъ не выдерживаетъ критики. Американецъ, имѣя необходимое разрѣшеніе и обладая капиталомъ въ 10—15 тысячъ долларовъ могъ бы при помощи 950 арестантовъ, находящихся въ Нерчинскомъ округѣ, въ два года выстроить при каждомъ рудникѣ новую тюрьму; могъ бы въ пять лѣтъ удвоить, или даже учетверить доходъ рудниковъ, не требуя больше ни одного доллара отъ правительства.

Савенскій рудникъ былъ послѣдній, какой мы посѣтили въ Восточной Сибири. Въ понедѣльникъ, 23 ноября, мы отправились въ Нерчинскій заводъ, большую деревню въ 15 километрахъ отъ Горнаго Зерентуя, а во вторникъ утромъ мы уже ѣхали обратно на Шилку, въ Нерчинскъ.

Въ Нерчинскѣ мы въ первый разъ за цѣлый мѣсяцъ остановились въ гостиницѣ, которая въ отношеніи чистоты и удобства, уступала даже „земскимъ квартирамъ“, въ горномъ округѣ.

Нерчинскъ, городокъ съ 4000 жителей, расположенъ на лѣвомъ берегу Нерча, километрахъ въ четырехъ отъ впаденія его въ Шилку, болѣе 7000 километровъ на востокъ отъ Петербурга. По своему культурному и матеріальному развитію онъ показался мнѣ лучше другихъ такихъ же городковъ Восточной Сибири. Въ немъ были: банкъ, два или три училища, библіотека, музей, больница на 20 постелей, общественный садъ съ фонтанами и много магазиновъ.

Послѣ обѣда мы посѣтили двухъ политическихъ ссыльныхъ, Чарушина и Кумецова, которые были переведены сюда по окончаніи срока каторжныхъ работъ въ рудникахъ; здѣсь они устроились сравнительно удобно со своими семьями. Это были вполне интеллигентные люди, пріятные собесѣдники, съ которыми мы весело провели нѣсколько часовъ во время нашего трехдневнаго пребыванія. Въ Карѣ имъ пришлось много испытать, но въ Нерчинскѣ къ нимъ

относились съ полнымъ уваженіемъ. Имъ были даже разрѣшены занятія, которыя обыкновенно запрещаются политическимъ ссыльнымъ, а именно одинъ былъ учителемъ, а другой фотографомъ. Правда ихъ переписка подлежала полицейскому надзору, но имъ не приходилось испытывать тѣхъ многочисленныхъ оскорбленій, какимъ подвергаются ссыльные въ другихъ мѣстахъ Сибири. Чарушинъ до ссылки провелъ 4¹/₂ года въ одиночномъ заключеніи и 3¹/₂ года въ Петропавловской крѣпости. Его обвиняли въ революціонной пропагандѣ среди фабричнаго населенія Петербурга. Когда въ 1878 году его сослали въ Сибирь, за нимъ добровольно послѣдовала его жена. Она поселилась въ жалкой избушкѣ въ Нижнихъ прискахъ на Карѣ. Позже они снова жили вмѣстѣ. Онъ былъ въ числѣ политическихъ преступниковъ, жившихъ въ „вольныхъ командахъ“, которые 1 января 1881 года должны были снова возвратиться въ тюрьму, и какъ разъ въ его домѣ застрѣлился Евгеній Семеновскій.

Въ воскресенье 29 ноября мы простились съ Чарушинымъ и его женой и отправились на саняхъ въ Читу, главный городъ Забайкалья.

Въ четвергъ утромъ пріѣхали мы въ Читу и остановились въ гостиницѣ „Владивостокъ“.— Это былъ одноэтажный, небольшой деревянный домъ.

Въ Читѣ, какъ я уже замѣтилъ раньше, находилось нѣсколько очень интересныхъ, политическихъ ссыльныхъ. Мы съ ними познакомились, когда были здѣсь въ первый разъ. Конечно, это знакомство было мимолетнымъ, такъ какъ мы спѣшили еще до наступленія суровой зимы попать въ Карскую область, а поэтому въ Читѣ оставались недолго.

Теперь же мы намѣревались пробыть здѣсь около двухъ недѣль. Большая часть этихъ ссыльныхъ были ссыльно-поселенцы, отбывавшіе до сихъ поръ здѣсь каторжные работы и сосланные сюда за наиболѣе тяжкія преступления.

Это послѣднее обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что мы уже успѣли возбудить подозрѣніе властей на Карѣ, заставило насъ быть теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, осторожными въ сношеніяхъ съ политическими и еще привѣтливѣе въ обращеніи съ администраціей. Было очень вѣроятно, что капитанъ Николинъ сообщилъ уже читинскому губернатору о нашемъ проступкѣ, и что поэтому за нами слѣдятъ еще болѣе тщательно.

Прежде всего я посѣтилъ полковника Свѣчина, который замѣщаль отсутствующаго губернатора Барабаша, и рассказалъ ему о нашемъ пребываніи въ Карской области, конечно, ни однимъ словомъ не упоминая о сношеніяхъ съ политическими арестантами. Затѣмъ я рассказалъ ему о нашихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Онъ былъ съ нами очень любезенъ, не задавая никакихъ вопросовъ, которые могли бы привести насъ въ нѣкоторое замѣшательство, и я покинулъ его совершенно успокоенный: ему или ничего не было извѣстно о нашихъ сношеніяхъ съ политическими, или онъ не придавалъ этому дѣлу никакого значенія.

Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ сюда мы получили приглашеніе отъ мѣстнаго богатаго купца Немѣрова, съ которымъ случайно познакомились, на любительскомъ спектаклѣ, устраиваемый имъ съ благотворительною цѣлью. Мы приняли приглашеніе въ надеждѣ завести полезныя знакомства; помимо того въ наши цѣли входило возможно больше вращаться въ широкихъ кругахъ общества. И то и другое удалось. Въ антрактахъ, гуляя въ фойѣ, мы познакомились со многими штатскими и военными лицами, насъ радушно привѣтствовали здѣсь самъ замѣститель губернатора, и мы такимъ образомъ возбудили общее вниманіе, какъ „знатные американцы“, удостоенные вниманія первыхъ чиновниковъ. Не думаю, чтобы въ это время у кого нибудь изъ нихъ зародилась мысль, что „знатные американцы“ приѣхали

въ Читу единственно съ цѣлью возможно ближе познакомиться съ „нигилистами“ и „террористами“.

Между офицерами, съ которыми мнѣ тогда пришлось познакомиться, былъ нѣкій полковникъ Новиковъ. Онъ гулялъ по залѣ съ нѣсколькими товарищами и, услышавъ мое имя, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Были ли вы въ Карской области?

— Да!—отвѣчалъ я нѣсколько удивленный неожиданности вопроса.—Мы только что оттуда.

— Что хорошаго нашли вы тамъ?— снова спросилъ онъ съ пытливымъ взглядомъ.

Я сначала не зналъ, что отвѣчать, но рѣшилъ потомъ, насколько возможно обойтись безъ лжи, говорить о добродѣтеляхъ тамошнихъ чиновниковъ. Поэтому я замѣтилъ, что познакомился съ очень честнымъ человѣкомъ—маіоромъ Потулевымъ.

— Гм!—насмѣшливо произнесъ полковникъ.—Онъ, конечно, все представилъ вамъ въ прелестномъ освѣщеніи.

— Тамъ есть многое что никакъ нельзя такимъ образомъ представить, — отвѣтилъ я. Подобные вопросы обѣщали мнѣ очень мало хорошаго, и я рѣшилъ разузнать, что кроется за ними.

— Осматривали ли вы тюрьмы?—между тѣмъ продолжалъ онъ.

— Да, большую часть!

— Видѣли ли также и „голую команду“?

— Нѣтъ! не понимаю даже, что это такое.

— Это означаетъ камеру, въ которой содержатся совершенно раздѣтые люди. Когда я въ первый разъ по дѣлу службы осматривалъ Карскія тюрьмы, то увидѣлъ въ одной камерѣ человѣкъ 25 совершенно голыхъ арестантовъ. Вотъ такая камера и называется „голой командой“.

— Но что же это значить?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Этого и я не знаю. Вѣроятно, люди не имѣютъ платья для носки *).—А не показывалъ ли вамъ этотъ „честный человѣкъ“ камеръ одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ на Средней Карѣ?

— Нѣтъ, и этого не показывалъ. А что же въ нихъ?

— Да ничего особеннаго, — отвѣчалъ полковникъ съ притворнымъ равнодушіемъ. Онѣ только не достаточно высоки, чтобы въ нихъ можно было стоять, не настолько длинны, чтобы лежать. — Мнѣ кажется, что вы видѣли тамъ лишь то, что вамъ „хотѣли“ показать; будь я тамъ, вы увидѣли бы много замѣчательныхъ вещей, такихъ вещей, которыя говорятъ сами за себя, и не кажутся тѣмъ, что вамъ желаютъ представить.

Я онѣмѣлъ было отъ удивленія. Было ли это искреннее мнѣніе полковника Новикова или только хитрость, съ цѣлью узнать мои дѣйствительные взгляды на арестантовъ на Карѣ?

Но онъ и не ожидалъ моего возраженія и продолжалъ:

— Три съ половиною года я командовалъ казаками на Карѣ и, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ переведенъ сюда, то такъ обрадовался, что отслужилъ благодарственный молебенъ. Посмотрите на мою бороду, — продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, — она совершенно посѣдѣла отъ тѣхъ горестей, которыя мнѣ причинялъ тамъ видъ человѣческихъ страданій. Когда я пріѣхалъ на Кару,

*) Позже я зналъ, что „голая команда“ состоитъ изъ арестантовъ, продавшихъ свою одежду, чтобы обратить деньги на пьянство или игру. Въ наказаніе ихъ заключали въ особую камеру и держали тамъ совѣмъ голыми. Естественно, что арестанты не могли продавать своего платья безъ вѣдома и попустительства надзирателей. Поэтому „голая команда“ могутъ служить прекраснымъ доказательствомъ лихоимства русскихъ чиновниковъ, а вообще—примѣромъ ихъ жестокости въ обращеніи съ заключенными.

у меня не было ни одного сѣдого волоска. Какъ вамъ кажется, сколько мнѣ лѣтъ?

Я отвѣтилъ, что по моему ему должно быть лѣтъ 55

— Я на десять лѣтъ моложе, — не безъ горечи замѣтилъ онъ, — а ко времени назначенія на Кару выглядѣлъ, право, не старше васъ. Полковникъ умолкъ, задумавшись.

Тогда я спросилъ его, какого рода фактовъ ему пришлось быть свидѣтелемъ.

— О! фактовъ самыхъ различныхъ, — отвѣтилъ онъ. — Несчастливыхъ арестантовъ наказывали розгами и кнутомъ, заставляли ихъ выше всякой мѣры работать для обогащенія надзирателей. Я расскажу вамъ только одинъ случай, чтобы вы знали, что тамъ происходитъ. Дѣло было во время моего пребыванія на Карѣ. Жена одного тюремнаго смотрителя убѣдилась въ томъ, что ея любовникъ, арестантъ, жившій въ „вольной командѣ“, вступилъ въ любовную связь съ ея служанкой, хорошенькой дѣвушкой, тоже ссыльной. Охваченная злобой ревности, она донесла на бѣдную дѣвушку своему мужу и такъ сумѣла поставить дѣло, что ее велѣно было бить палками. Ей дали 150 палочныхъ ударовъ по голому тѣлу и, когда она принесла въ послѣдствіи жалобу на это высшему начальству, то получила еще 90 ударовъ кнутомъ. Я долженъ былъ стоять при этомъ, наблюдая за исполненіемъ приговора. Вы думаете это пріятно? — У меня здѣсь немного волосъ, — прибавилъ онъ, проводя рукою по головѣ, — но и они стояли дыбомъ отъ ужаса, когда я былъ свидѣтелемъ этой свирѣпой расправы въ проклятыхъ рудникахъ. Чтобы жить тамъ, надо имѣть желѣзные нервы.

Мнѣ кажется, что я достаточно вѣрно передалъ его слова. Они произвели на меня сильное впечатлѣніе, и сейчасъ же по возвращеніи со спектакля я записалъ ихъ. Возможно, конечно, что въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ полковника сказалося его личное предубѣжденіе. Новиковъ, безъ

сомнѣнія, не симпатизировалъ. Потулеву и другимъ офицерамъ на Карѣ, и возможно поэтому, что смотрѣлъ на вещи нѣсколько хуже чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности.

Да не подумаетъ читатель, что эти сообщенія происходили втайнѣ, безъ свидѣтелей! Это случилось среди залы, когда мы гуляли въ обществѣ еще нѣсколькихъ офицеровъ; при томъ полковникъ былъ настолько возбужденъ и говорилъ такъ громко, что его слова были слышны не только ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ, но буквально всѣмъ присутствовавшимъ въ залѣ. Многимъ, быть можетъ, покажется непонятнымъ, какъ могъ офицеръ, къ тому же еще такого высокаго ранга, открыто порицать русскія государственныя мѣропріятія. Но мнѣ не одинъ разъ пришлось слушать такія „вольныя“ рѣчи. Вотъ хоть бы слѣдующій примѣръ: въ тотъ же вечеръ мнѣ представился одинъ русскій офицеръ и тоже началъ спрашивать насъ о нашей жизни въ Карской области. Черезъ нѣсколько времени онъ уже задавалъ намъ тѣ-же вопросы, что и полковникъ, и, конечно, получалъ тѣ-же отвѣты. Онъ мнѣ между прочимъ сообщилъ объ одиночныхъ камерахъ, что туда иногда сажаютъ и политическихъ преступниковъ, даже женщинъ. Такому виду заключенія подвергли, напримеръ, госпожу Россикову, и выпустили ее лишь потому, что тюремный врачъ заявилъ, что она при смерти. Этотъ офицеръ пригласилъ меня къ себѣ, обѣщая дать мнѣ много важнаго письменнаго матеріала, если меня интересуетъ вопросъ о постановкѣ сибирскихъ тюремъ. Не могу здѣсь назвать ни имени, ни чина этого офицера, но думаю, что меня не сочтутъ нескромнымъ, если скажу, что я былъ у него, и ему обязанъ многими изъ тѣхъ драгоценныхъ свѣдѣній, которыми я пользовался въ предыдущемъ рассказѣ. Его сообщенія подтвердили многое изъ того, что я лично слышалъ отъ политическихъ на Карѣ. Такъ напри-

мѣръ, его рассказъ, о вышеупомянутомъ покушеніи на генерала Ильяшевича вполнѣ согласовался съ тѣмъ, что мнѣ объ этомъ передавали ссыльные; наконецъ, онъ посвятилъ меня введенію служебной переписки, что также было чрезвычайно для меня важно. Все это, безъ сомнѣнія, имѣло цѣлью единственно лишь вѣрное освѣщеніе дѣйствительности.

Во время нашего двухнедѣльнаго пребыванія въ Читѣ я обыкновенно проводилъ большую часть дня въ сношеніяхъ съ чиновниками и «благодѣтельными» обывателями, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе; зато по ночамъ мы сходились съ политическими ссыльными. Мы находили ихъ обыкновенно въ деревянномъ баракѣ, въ которомъ они занимались столярными работами. Какъ уже было упомянуто при описаніи нашего перваго посѣщенія Читы, въ этомъ зданіи въ свое время жили декабристы. На ночныя свиданія собиралось человѣкъ 10—15 политическихъ, среди которыхъ попадались мужчины и женщины со значительнымъ образованіемъ. Я очень подружился съ ними и теперь со смѣшаннымъ чувствомъ умиленія и грусти вспоминаю о часахъ, проведенныхъ въ ихъ средѣ. Здѣсь говорилось только о мрачной, тяжелой дѣйствительности русской жизни. Иногда бывало кто-нибудь изъ нихъ вытаскивалъ старую гитару и подъ аккомпаниментъ ея пропоетъ русскую народную пѣсню. Иногда приходилось и намъ пѣть здѣсь наши родныя мелодіи. Бывало составится хоръ, и польются революціонныя пѣсни. Но всегда послѣ этого мы возвращаемся бывало къ главной темѣ нашего разговора о положеніи дѣлъ въ Россіи, о ходѣ революціоннаго движенія или жизни ссыльныхъ. Здѣсь я почерпнулъ многое изъ того, что приведено раньше въ этомъ рассказѣ; часто ужасныя, душу раздирающія исторіи, отнимавшія у меня сонъ по возвращеніи домой. Одно дѣло—видѣть передъ собою мертвыя буквы, какъ это предоставляю здѣсь читателю; совершенно

же иное—слушать описаніе событія изъ устъ человѣка, къ тому же еще и пострадавшаго. Я поэтому не стыжусь признаться, что иногда при разказахъ объ этихъ ужасахъ у меня невольно руки судорожно сжимались въ кулаки, и слезы навертывались на глаза. Легче было перенести всѣ трудности путешествія, чѣмъ такого рода душевныя потрясенія. Помимо всего этого мы не были лишены страха, что насъ обыщутъ и арестуютъ. Правда, мы не замѣтили, чтобы за нами строго слѣдили, но у насъ была другая причина для безпокойства. Сосѣдній номеръ въ нашей гостиницѣ былъ занятъ четверьмя офицерами, между которыми находились жандармскіе полковникъ и капитанъ. Фростъ слышалъ черезъ тонкую перегородку, раздѣляющую наши комнаты, какъ они обсуждали нашу поѣздку по Сибири, а также задавались мыслью, не было ли бы полезно конфисковать или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣть наши бумаги.

Въ одну изъ послѣднихъ ночей нашего пребыванія въ Читѣ, я возвращался со свиданія съ политическими ссыльными. Было уже около двухъ часовъ. На улицахъ было тихо; въ окнахъ нашей гостиницы темно; швейцаръ, отворившій мнѣ дверь, казался заспаннымъ. Фростъ крѣпко спалъ въ нашемъ общемъ номерѣ. Я былъ слишкомъ возбужденъ разказами ссыльныхъ, чтобы успокоиться сейчасъ же, и потому зажегъ свѣчу и улегся на полу, прислонившись головой къ тонкой стѣнкѣ, отдѣлявшей насъ отъ офицеровъ. Въ этой перегородкѣ имѣлась дверь, которая, хотя и была закрыта на ключъ, но оставляла довольно значительную щель. Такимъ образомъ можно было слышать каждое слово и видѣть почти все, что происходило въ сосѣдней комнатѣ. Я слышалъ однако лишь мѣрное дыханіе Фроста. Вдругъ тишина была нарушена громкимъ трескомъ револьвернаго выстрѣла, и пуля, пробивъ перегородку почти надъ моей головой, ударила въ противоположную каменную стѣну. Я вскочилъ и прислушался. Нигдѣ-ничего; все

тихъ, только слышенъ шорохъ обсыпающейся штукатуркѣ въ мѣстѣ, гдѣ засѣла пуля. Фростъ проснулся и спросилъ:

— Что это?

— Кто-то выстрѣлилъ въ стѣну,—отвѣчалъ я тихо.

— Который часъ?

— Около половины третьяго. Тише! Послушаемъ!

Нѣсколько минутъ мы внимательно прислушивались, но ничего, не замѣтили; во всемъ домѣ царила мертвая тишина.

Между тѣмъ я зналъ, что рядомъ съ нами находились четыре человѣка. Не застрѣлился ли одинъ изъ нихъ? Но вѣдь тогда узнали бы объ этомъ остальные и зажгли бы хоть свѣчу. Трескъ былъ такъ силенъ, что долженъ былъ быть слышенъ по всему дому, а потому послѣдовавшая тишина казалась еще болѣе странной, чѣмъ самый выстрѣлъ.

— Спросимъ, что это значить,—прошепталъ Фростъ.

— Нѣтъ!—такъ же точно отвѣтилъ я.—Что намъ за дѣло! Вѣдь насъ не ранило.

Я боялся быть запутаннымъ въ эту темную исторію, чтобы не дать полиціи повода обыскать наше вещи. Поэтому мнѣ казалось лучшимъ быть, что называется «тише воды и ниже травы» и ожидать дальнѣйшихъ событій. Я не могъ отказаться отъ мысли, что выстрѣлъ произведенъ былъ въ насъ со злымъ умысломъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я снова услышалъ шумъ, какъ-будто кто-то дѣлалъ приготовленія къ выстрѣлу, затѣмъ шопотъ, изъ котораго разобралъ только вопросъ о числѣ запасныхъ патроновъ. Потомъ все снова стихло, и уже во всю ночь мы не слышали больше никакихъ звуковъ.

До сихъ поръ мнѣ не удалось узнать, что собственно долженъ былъ обозначать этотъ выстрѣлъ позднею ночью въ темной комнатѣ. Предполагаю, что это надъ нами хотѣли пошутить. Если бы на слѣдующій день меня спросили о случившемся, то я бы отвѣтилъ, что въ американскихъ

отеляхъ не новость ночные пистолетные выстрѣлы, и что я удивляюсь лишь тому, что утромъ не было найдено трупа.

Не знаю, право, имѣла ли полиція свѣдѣнія о нашихъ сношеніяхъ съ политическими въ Читѣ; позже она, конечно, объ этомъ довѣдалась. Послѣднее я заключаю изъ того обстоятельства, что единственное полученное мною оттуда письмо отъ купца Немѣрова съ нѣсколькими пустяшными замѣчаніями, пришло ко мнѣ распечатаннымъ.

Важнѣйшіе документы я носилъ до сихъ поръ въ кожаномъ поясѣ на гѣлѣ; но теперь онъ слишкомъ ужъ наполнился и сдѣлался тяжелымъ; кромѣ того теперь слѣдовало особенно позаботиться о сохраненіи документовъ еще и потому, что возможность полицейскаго обыска, какъ это слѣдовало изъ предыдущаго, не была такъ ужъ невѣроятной. Поэтому я уложилъ большую ихъ часть въ потайное отдѣленіе своего сундука, гдѣ ихъ врядъ ли могли бы найти, а остальные бумаги спряталъ между книгами. Книгъ этихъ, кстати, мы привезли съ собой мало, но ссыльные въ Читѣ дали намъ нѣсколько томовъ. Одно особенно важное письмо я спряталъ въ картинѣ.

Въ среду, 9 декабря мы распрощались со ссыльными, роздали имъ на память нѣкоторыя бездѣлушки и черезъ нѣсколько часовъ ѣхали въ направленіи къ Иркутску.

Во вторникъ мы добрались до него. Прежде, чѣмъ остановиться въ гостиницѣ «Москва», мы заѣхали на почту и принялись за чтеніе почти полусотни писемъ, пришедшихъ за время нашего отсутствія.

Конецъ второй части.

40713/2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Въ Забайкальѣ.	19
«Вольная команда».	63
Политическіе преступники въ Карской области.	83
Тюрьмы политическихъ арестантовъ въ Карской области.	106
Въ серебряныхъ рудникахъ Восточной Сибири.	135
Приключенія въ Восточной Сибири.	153